

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ТОЛСТОГО
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Специальность: 5718.01- Мировая литература (Русская литература)
5716.01 (Азербайджанская литература)

Отрасль науки: Филология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора наук

Соискатель: _____ доктор философии по филологии, доцент
Гасанова Гюльнара Алы кызы

БАКУ – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КАВКАЗ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Л.Н.ТОЛСТОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МЫСЛЬ	
1.1. Военная проза Л.Толстого (1852-1855) сквозь призму национального литературоведения.....	22
1.2. Рассказы и повести писателя (1856-1872) в исследованиях азербайджанских ученых.....	33
1.3. Азербайджан в художественном пространстве произведения «Хаджи-Мурат».....	48
1.4. Отражение мусульманских традиций в повести «Хаджи- Мурат».....	58
ГЛАВА II. ПРЕЛОМЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ Л. ТОЛСТОГО В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
2.1. Влияние творчества Л.Толстого на становление отече- ственного романа.....	73
2.2. Толстовская линия в романе-эпопее нового времени.....	83
2.3. Толстой и азербайджанский современный роман	95
2.4. Воздействие Толстого на научно-популярный жанр национальной литературы.....	104
ГЛАВА III. ЛИЧНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР Л.ТОЛСТОГО В СОВРЕМЕННОМ АВТОРСКОМ ВОСПРИЯТИИ («Литературные раздумья» Эльчина Эфендиева)	
3.1. О Толстом как о писателе и мыслителе	125
3.2. О героях романа «Анна Каренина».....	141
3.3. Рассуждения о толстовских образах.....	157
3.4. Толстой и писатели русской и зарубежной литературы	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	213
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и степень разработанности темы. Задачи компаративистики требуют рассмотрения национальной литературы в ее разнообразных генетически-контактных связях и типологических взаимодействиях (классификация Д.Дюришина) с литературами других народов.

Как известно, под контактными связями понимают прямые или опосредствованные связи двух или более литератур (к примеру, Толстой и Достоевский, Толстой и Чехов или приход на смену романтизма реализма и т.д.). А типологическая взаимосвязь обусловлена единством мирового исторического процесса. Т.е. когда сходные явления в литературах разных народов возникают не в результате контактирования (иногда одновременно, а порой с разрывом во времени), а вследствие самостоятельного независимого развития на схожей исторической почве, т.е. действия сходных процессов (например, возникновение в литературе разных народов в определенные периоды героического эпоса или жанра романа, или возникновение тех или иных литературных направлений).

Идеи поликультурности нашли отражение в фундаментальных трудах А.Веселовского, В.М.Жирмунского, Н.И.Конрада, И.Г.Неупокоевой, Д.Дюришина, М.Б.Храпченко, Н.И.Кравцова и многих других.

В.Жирмунский считал, что при изучении литературных контактов необходимо учитывать как необходимость и потребность самого влияния, так и связь всякого литературного воздействия с социальной трансформацией заимствованного образца.

На это указывал и известный словацкий ученый Д.Дюришин, понимая под термином «рецепция» те изменения, которые претерпевает воспринятый элемент в новом литературном контексте. При этом он считал, что нельзя обойтись лишь контактными связями, без учета типологической обусловленности, так как при этом национальные литературы теряют свое историческое своеобразие [68, с 145].

И. Неупокоева также отмечает, что существуют объективные закономер-

ности мирового литературного процесса [80, с.17]. Н.И. Конрад тоже видит задачу современного литературоведения в выявлении общих тенденций развития литератур [50, с.309-310].

Проблемы литературных взаимосвязей нашли отражение в трудах представителей национальной компаративистики С.Асадуллаева, А.Гаджиева, М.Коджаева, Г.Абдуллабековой, А.Фейзуллаевой, Р.Гейбуллаевой, Л.Самедовой и многих других. Одним из перспективных направлений отечественного сравнительного литературоведения, основанного на выявлении фактов взаимовлияния азербайджанской и зарубежной литератур, является изучение рецепции творчества русских писателей XIX века, оказавших глубокое воздействие на национальную литературу, культуру, общественную мысль.

Как отмечает известный ученый-компаративист, профессор Г.Абдуллабекова, *«создание идейных, художественных ценностей, имеющих не только внутринациональное, но и межнациональное значение включают национальную литературу в процесс творческого взаимообмена. Реально складывающиеся взаимообогащения свидетельствуют о том, что культуры достигли той зрелости, когда мастера той или иной национальной литературы создают художественные произведения, вызывающие глубокий интерес других народов и наций»* [20, с.5]. При этом интенсивность взаимодействия во многом зависит от культурного уровня народа. По словам Г.Абдуллабековой, говоря о рецепции, необходимо учесть, что речь идет не только об одностороннем воздействии одной более развитой культуры на другую, или восприятию и переработке идейно-эстетических ценностей другой культуры, а именно о взаимодействии этих культур.

Русская классическая литература, проникнутая общественным пафосом и гуманизмом, и представленная яркими именами Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского, Толстого, Достоевского, Чехова, начиная со II - ой половины XIX века, стала оказывать всевозрастающее влияние на мировую литературу.

Азербайджано-русские литературные взаимосвязи тоже являются закономерным явлением мирового литературного процесса.

В обширном сложном, а порой и исторически противоречивом наследии классиков, национальные писатели находили те или иные аспекты и элементы, созвучные проблемам современности и необходимые им при решении тех или иных собственно творческих задач.

Усваивая опыт русской литературы, синтезируя его, они расширяли художественные горизонты (в плане стиля, жанров, проблематики) и опирались при этом на собственные литературные традиции.

Соотношение национального художественного опыта с инонациональным прослеживается при характеристике творческих принципов писателей азербайджанской литературы.

Сходство в развитии сюжетов и характеров в произведениях русских и азербайджанских писателей не является следствием простого «влияния» одной национальной литературы на другую. Это – процесс творческого перенятия, результатом которого стало создание жанра национального романа, повести, рассказа.

Исследователь А.Фейзуллаева, специалист в области компаративистики, отмечает: *«Азербайджанская литература благодаря творческому освоению передовых традиций русской и европейской культуры, качественно менялась, постепенно поднималась на новый этап идейно-художественного отношения к действительности. Русская классическая мысль сыграла определенную роль в дальнейшем усилении критической направленности азербайджанской литературы»* [149, с. 20].

Литературное влияние-это та «связующая нить», которая, проходя через столетия, не прерывается, а еще более скрепляет нерасторжимые узы духовного взаимодействия и взаимообогащения народов, как пишет Л.Самедова [85].

Одним из великих русских писателей, оказавших огромное влияние на азербайджанскую литературу, был Лев Николаевич Толстой.

Великий художник-гуманист Толстой получил широкое признание в Азербайджане. На протяжении десятилетий переводились его произведения, издавались книги, ставились пьесы. Интерес к его творчеству с годами не ослабевал, а литературоведы и критики продолжали углублённо изучать его наследие.

Приобщение к художественным творениям писателя началось ещё с 80-х годов XIX века с детских поучительных рассказов.

Это были четыре рассказа («Осел в львиной шкуре», «Два товарища», «Садовник и сыновья», «Лев и мышь»), переведенные известным педагогом А.О.Черняевским и включенные им в 1882 году в учебник «Ветен дили» («Родной язык»). А.О.Черняевский возглавлял в то время азербайджанское отделение Горийской семинарии и сотрудничал в газетах «Зия», «Кешкюль».

В 1888 году в переизданный в Тифлисе учебник им были включены еще несколько рассказов и басен («Собака и волк», «Волк и коза», «Волк и ягненок», «Собака и ее тень»).

Эти короткие, доступные для детского восприятия рассказы, предназначенные для новых учебников, носили воспитательно-образовательный характер.

Являясь образцом ясности мысли и простоты изложения, они формировали эстетические вкусы маленьких читателей и готовили их к восприятию большой литературы.

Следует отметить, что в тот период в азербайджанской литературе вообще отсутствовали назидательные рассказы, столь необходимые для детей. Азербайджанская детская проза еще находилась на стадии формирования. Именно поэтому народные рассказы Толстого сразу полюбились азербайджанским читателям.

Национальные писатели-переводчики, заимствуя идеи, темы и сюжеты Толстого, создавали на их основе новые оригинальные произведения. Они приспособляли его детские рассказы к азербайджанской действительности. При этом, следуя за русским писателем, реалистично изображали жизнь деревенских детей и окружающую природу, животных и птиц. Все рассказы содержали «умную мораль». Многие из них были опубликованы в журналах «Дебистан» («Школа»), «Мектеб» («Школа») и др.

Так, из опыта передовой русской литературы появилось большое количество переводов, переложений, подражаний, положивших начало рецепции творчества Толстого, а также освоению в Азербайджане русской классической

прозы.

Первые переводы были осуществлены выдающимися деятелями национальной культуры, просветителями Дж.Мамедкулизаде, Г.Зардаби, А.Черняевским, С.Эфендиевым, М.Махмудбековым, Р.Эфендизаде, С.Ганизаде, А.Гаибовым, А.Талыбзаде, Г.Мирзазаде, И.Мустафаевым, Ф.Кочарли, Н.Наримановым, С.Агамалыоглы, С.Ахундовым, А.Саххатом, А.Шаигом и многими другими.

Большинство из них получили образование в высших учебных заведениях России, а также в Закавказской Горийской семинарии, известной своими прогрессивными традициями, и поэтому свободно владели русским языком, читали русскую литературу в оригинале.

Они высоко оценили значение Толстого в утверждении новых воззрений в общественной и культурной жизни Азербайджана.

К началу XX века обращение к художественному творчеству писателя приобретает в Азербайджане систематический характер. Издаются новые учебники для светских школ, авторами которых являются А.Гамарлинский, А.Моллазаде, М.Магомедзаде, А.Махмудбеков и другие. Заметим, что почти в каждом из национальных учебников той поры можно было встретить два и более рассказа писателя. Благодаря усилиям его азербайджанских переводчиков и интерпретаторов Л.Толстой в этот период становится в Азербайджане наиболее популярным из всех.

Толстой был почитаем среди просвещённых азербайджанцев в начале XX столетия не только как писатель, но и мыслитель, проповедник. На страницах многочисленных изданий того времени («Каспий», «Шарги-Рус», «Экинчи» («Земледелец»), «Зия» («Луч»), «Седа» («Голос»), «Тяза хаят» («Новая жизнь»), «Молла Насреддин», «Фиюзат» («Изобилие») и др. наряду с признанием гениальности писателя, содержалась неоднозначная оценка его религиозной концепции, учения о непротивлении и терпимости. Кстати, многие представители передовой азербайджанской литературы, критики и публицисты отмечали близость его богоборческих идей принципам ислама.

Печать была мощным средством влияния на азербайджанских читателей,

современников Толстого, помогала им лучше осознать его личность, творчество и мировоззрение.

С 20-х годов расширились возможности освоения художественного наследия писателя. Отдельными книгами были изданы его романы, повести и рассказы. Появились новые переводы. Шло дальнейшее развитие и литературной мысли, формирование толстоведения как самостоятельной области критики.

Процесс рецепции, начавшись с конца XIX столетия, успешно продолжался в последующие годы, и достиг небывалого размаха во II половине XX столетия.

Это время характеризуется общим оживлением литературоведческих исследований. Важной вехой в изучении творчества Толстого в Азербайджане стали труды известных азербайджанских писателей и учёных: С.Рагимов, М.Ибрагимов, М.Гусейна, М.Джалала, Р.Рзы, а также И.Эфендиева, Дж.Хандана, М.Арифа, С.Асадуллаева, Г.Бабаева, А.Багирова, А.Алмамедова и других. Свою задачу авторы видели прежде всего в раскрытии художественного мастерства Толстого и установлении значения его творчества для национальной литературы.

С.Рагимов в статье «Могучий талант» восхищается гением Толстого, вдохновляющей силой его творений. *«При одном только упоминании его, каждый из нас не может не испытывать чувства безграничного уважения, искреннего преклонения перед громадным художественным талантом, перед истинным гением, положившим начало новому этапу в развитии мировой литературы»* [111, с.12]. По словам автора, Толстым сделано так много и так глубоко освещены события общественной жизни, что для современников уже ничего не осталось. Литературное наследство писателя настолько необъятно и ценно, что для азербайджанских исследователей оно стало «целой академией, высшей школой писательского мастерства».

Обращение к опыту русского классика было продиктовано необходимостью собственного духовного и эстетического роста. *«Толстой – с нами! – пишет прозаик. – Он бесконечно дорог и нужен нам, его читателям, его бра-*

тням по перу. Сокровищницу литературного наследства великого писателя, как могучее, всегда готовое к бою духовное оружие, благодарно хранит и бережёт всё прогрессивное человечество» [111, с.14].

Столь же восторженно отзывался С.Рагимов о Толстом и в статье «Читая Толстого». Толстой был для него недостижимой величиной, подлинным мастером, постичь всю мощь таланта которого неподвластно никому, и даже одной человеческой жизни мало.

Толстой и глубок, и сложен, и противоречив, и в то же время необычайно прост и неотделим от народа. И поэтому сумел завоевать сердца азербайджанских читателей. *«У нас его любят, – заключает автор, – каждое новое поколение всё больше и больше познаёт творчество корифея русского романа. И, конечно, хочется, чтобы каждое произведение, каждая строка, выведенная рукой бессмертного художника, была переведена на азербайджанский язык, и можно было донести до азербайджанского читателя всё богатство литературной сокровищницы Льва Николаевича Толстого» [113, с.5].*

В Азербайджане всегда дорожили творчеством великого классика, высоко ценили его как подлинного художника-реалиста. М.Ибрагимов в статье «О реализме Льва Толстого» отмечал, что ни один из его предшественников не описывал жизнь с такой реалистической силой и со всеми её противоречиями.

Живой реализм, проявившись уже в ранних повестях и рассказах («Детство», «Отрочество», «Утро помещика», «Севастопольские рассказы»), в романах, и особенно в последнем из них, «достиг поистине алмазного блеска».

Обличительный дух реализма Толстого был особенно силен. По словам М.Ибрагимова, *«писатель всегда, неизменно говорил только правду и... абсолютно во всех творениях» [73, с.9].* Могучий реализм великого художника «многогранный и чуткий», по определению М.Ибрагимова, оказал сильнейшее воздействие на весь мировой процесс, и тем самым *«открыл новую эпоху в художественном развитии человечества» [73, с.8].*

Произведения Л.Толстого были поистине высшей школой мастерства как для крупнейших писателей мира, так и азербайджанских прозаиков. Обращение

к художественным традициям Толстого сыграло плодотворную роль в дальнейшем становлении национальной литературы.

Высоко оценивая достижения азербайджанской реалистической прозы, М.Гусейн в статье «Гениальный художник» особо останавливается на «мастерстве глубокого психологического раскрытия характеров», унаследованном от Толстого. По мнению автора, потребность углублённого познания духовного мира человека, передача чувств и мыслей, больше присущая эпохе Толстого, «когда представители высшего общества долго и неторопливо размышляли, переживали», не была утрачена и нашла своё воплощение и в социально-психологическом романе нового времени с его динамизмом и темпом жизни.

М.Гусейн призывал азербайджанских прозаиков учиться у Толстого, вникать в *«тайны его замечательного искусства – искусства изображения живого человека со всеми его страстями и внутренними противоречиями...»* [63, с.12].

Достижения Толстого-психолога, своеобразие его мастерства, идейно-художественная направленность произведений нашли освещение и в ряде статей известного писателя Мир Джалала («Великий русский писатель («О влиянии Л.Н.Толстого на творчество азербайджанских писателей» [93], «Великий мастер слова» [94], «Гениальный мастер слова» [95] и др.). Так, в статье «Великий мастер слова», прослеживая эволюцию творчества Толстого, автор подвергает анализу как его ранние, так и зрелые произведения, причём заостряет внимание на их социальной направленности и обличительном характере.

Высоко ценя гуманизм Толстого-художника, его новаторство, народность и реализм, Мир Джалал не разделяет его философии непротивления и всепрощения. При этом, он видел в нём непримиримого борца с угнетением и несправедливостью. Художественный гений Толстого был для него, как и для всех азербайджанских писателей, образцом, «неисчерпаемым источником великого опыта». *«Мы упорно учимся у него совершенствовать своё мастерство, стараясь применять постигнутое к решению своих насущных задач в литературе»*, – писал Мир Джалал [94, с.146].

Толстой предстаёт как великий мастер и мудрый наставник и в многочисленных трудах М.Арифа («Великий писатель русского народа (к 125-летию со дня рождения) [26], «Писатель-гражданин» [27] и др.).

О необычайном таланте художника-реалиста и пламенного патриота говорится в его статье «Писатель-гражданин». Писатель воплотил в своих романах целую историческую эпоху, показал русскую действительность. Автор пишет о «предельном правдоподобию» его художественных образов, их пленительной красоте и силе воздействия.

Глубиной раскрытия поражают и психологические характеристики героев. М.Ариф отмечает исключительную особенность писателя «вживаться в характеры своих персонажей», показывать малейшие движения души. Именно так добивался он правды.

Но иногда правдивость описаний шла вразрез с его религиозными убеждениями. Вопреки своему учению, писатель выступал против царизма, за коренное переустройство. И это, по словам М.Арифа, *«было ярчайшим выражением его гражданского мужества.. что составило одну из сильнейших сторон его творчества»* [27, с.16]. Этим качеством он и дорог нам. Великий писатель, творивший во имя счастья народа.

«Титаном литературы» считал Толстого и Р.Рза. Признавая величие писателя-реалиста, он характеризовал его как «чародея слова», «человечище», «глыбу» [116]. При этом отмечал его огромное значение как для мировой, так и азербайджанской литературы.

Он сумел отразить все важнейшие события своего времени, социально-нравственные проблемы, словно «держал эпоху на ладони», по образному выражению Р.Рзы. И поэтому его творчество стало *«гордостью и славой всего мыслящего человечества»* .

«Гений на все времена, для всего человечества» – так восторженно отзывался о Толстом и И.Эфендиев в своём выступлении на юбилейном вечере [57]. В докладе подробно прослежены особенности художественного творчества писателя, отмечено его глубокое воздействие на мировую литературу.

И.Эфендиев ставил его в ряд с маститыми писателями мира – Флобером, Диккенсом, Теккереем, Гюго и др. Подлинный реалист и глубокий психолог, он создал непревзойдённые образцы высокого мастерства и художественности. Истинно национальный писатель, изобразивший все противоречия русской жизни, добился всемирного признания.

«Человеком человечества» назвал его Дж. Хандан, высоко оценивая его вклад как в сокровищницу русской, так и мировой литературы [152]. В статье мы находим развёрнутый художественно-социальный анализ его романов – «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», ставших шедеврами мирового искусства.

Сила и величие писателя особенно проявились в монументальных эпических произведениях. Именно в них он достиг высочайшей вершины в изображении исторических событий, человеческих характеров и судеб.

Высоко отзывались о необычайном мастерстве Толстого и азербайджанские писатели, отмечает Дж. Хандан. Их покорили «всегда живые» произведения писателя, утверждающие общечеловеческие идеалы справедливости, нравственности и гуманизма.

О немеркнущем таланте Толстого говорится и в статье А.Гаджиева «Великий писатель русской земли» [43]. Автор отмечает силу его гения, необыкновенную правдивость творений, остроту поставленных социальных вопросов, и в то же время противоречивость взглядов и суждений великого философа-мыслителя.

А.Гаджиев пишет также о всемирности Толстого, его творческом влиянии. Среди почитателей были выдающиеся писатели, учёные, общественные деятели – Р.Ролан, Р.Мартен дю Гар, Э.Круз, Б.Шоу, Г.Уэллс, Р.Тагор, Т.Драйзер, Н.Хикмет, М.Ганди и многие другие. Воздействие художника испытали и азербайджанские писатели. Его опыт, по словам А.Гаджиева стал для них «прекрасной школой» для создания эпических полотен.

Плодотворное воздействие Толстого на азербайджанскую прозу стало предметом изучения и в работах А.Багирова («Произведения Л.Н.Толстого на

азербайджанском языке» [4], «Л.Толстой и Азербайджан (1880–1920)» [3], «Толстой в азербайджанской критике» [37] и т.д.). По словам учёного, азербайджанские писатели широко использовали художественный опыт великого художника в решении собственных творческих задач [37, с.161]. Они учились у мастера глубокому реализму, широкому охвату событий, тонкому психологическому анализу.

Традиции и принципы толстовского реализма получили преломление в произведениях таких известных писателей, как Ю.В.Чеменземинли, М.С.Ордубади, С.Рагимов, М.Гусейн, Мир Джалал и др.

Влиянию Толстого на азербайджанскую литературу посвящена и статья А.Алмамедова под названием «Великий писатель земли русской». Внимание привлекает чёткая хронология изложения материала, отражение основных этапов жизни и деятельности писателя. В статье прослеживается процесс рецепции наследия Толстого в начале XX века. В ней речь идёт об отношении к нему азербайджанской общественности, об интересе к его детским рассказам, об отражении творчества писателя в периодической печати тех лет, о полемике вокруг него. *«Азербайджанская литературная критика начала века (Ф.Кочарли, Дж.Мамедкулизаде, Н.Нариманов и др), – пишет автор, – стремясь усилить реализм в родной литературе, полнее и убедительнее отражать в ней народную жизнь... и сделать орудием просвещения, прогресса,.. обращалась за помощью к русской литературе, к её классикам, училась у них и пропагандировала их. Связь с русской литературой стала для критиков и публицистов краеугольным камнем их деятельности»* [24, с.113].

Автор подробно останавливается на переводах его произведений. Учёный приводит интересные факты прямого влияния Толстого на творчество самих переводчиков.

«Изучение творчества Толстого в Азербайджане, – пишет исследователь, – велось с различных позиций и отражало различные идейно-эстетические тенденции, но главной и наиболее жизнеспособной из этих тенденций была борьба за реализм... Передовые представители азербайджанской

художественной мысли всегда понимали глубокий смысл этого метода, оценивали его как новое эстетическое достижение человечества, творчески усваивали его, стремясь достичь нового этапа, новой ступени развития новой культуры» [24, с.117].

Обширный материал по изучению наследия Толстого в Азербайджане послужил основой и для создания фундаментального исследования «Л.Толстой и азербайджанская литература» (1972) [1].

Проблемы рецепции творчества Л.Толстого в Азербайджане нашли освещение и во многих трудах С.Асадуллаева («Гигантский литературный материк» [30], «Необъятный материк» [31], «Великий художник и гражданин» [32], «Проблемы рецепции Льва Толстого в Азербайджане» [34] и др.). Следует отметить, что учёный довольно активно обращался к «толстовской» тематике. В его статьях и книгах даётся общая картина переводов вплоть до 70-х годов XIX столетия. *«Изучение наследия писателя в Азербайджане прошло ряд этапов поступательного движения, – пишет автор, – на каждом из которых расширялся круг «толстовских» проблем и углублялась их научно-критическая трактовка. Этот процесс способствовал в свою очередь укреплению методологической основы и повышению теоретического уровня азербайджанской литературно-критической мысли...*

Среди «толстовских» проблем, которые станут объектом для дальнейшего исследования, на первый план должно выдвинуться изучение благотворного идейно-эстетического влияния Толстого на творчество азербайджанских писателей» [34, с.72–73].

Именно с этой установкой обратились к «толстовской» теме и современные учёные А.Дж.Гаджиев, толстовед Ф.Рзаев, Э.Эфендиев, Н.Набиев, А.Ализаде и др. Они подошли к творчеству великого художника уже с новых современных позиций, со свежим научно-критическим взглядом.

Помимо новых научных изысканий с целью популяризации творчества Толстого в республике проводятся и научно-просветительские мероприятия, посвящённые великому классику. Так, в связи со 180-летием Л.Н.Толстого, от-

меченным 9 сентября 2008 года, в Каппельхаузе состоялась научная конференция, посвящённая творчеству писателя. В ней приняли участие члены Ассоциации деятелей культуры Азербайджана «Луч», представители Росзарубежцентра, преподаватели и учащиеся школ и вузов страны и др.

В своём выступлении д.ф.н., проф. Г.Гулиев сказал: *«Влияние творчества гениального Толстого на умы современников трудно переоценить. Толстого можно сравнить с Низами Гянджеви на Востоке, о котором говорили, что он «открывал глаза правителям». Толстой был создателем нового жанра в литературе – романа-эпопеи. После Толстого многие другие авторы, пользуясь теми же приёмами, создали свои грандиозные романы-эпопеи («Тихий Дон» М.Шолохова, «Шамо» С.Рагимова и др.)»* [104].

Приведём ещё один примечательный факт. Несколько лет назад в Московском Государственном Университете им. М.Ломоносова состоялась двухдневная Международная научная конференция «От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности», организованная МГУ совместно с Отделением историко-филологических наук РАН (28–29 сентября 2012 г.). Эта конференция была приурочена к году истории России и 1150-летию российской государственности. В её работе приняли участие деятели науки и образования, известные учёные в области гуманитарного знания России, стран Ближнего и Дальнего зарубежья. Среди почётных гостей была и ректор Бакинского филиала БГУ, д.ф.н., проф. Н.Пашаева.

Проф. Н.Пашаева выступила с содержательным докладом на тему «Гуманитарное сотрудничество на постсоветском пространстве». Говоря о роли и влиянии российской культуры на национальную, Наргиз Пашаева обратилась к творчеству великого мыслителя, художника-гуманиста Толстого, рассказала о переводах его книг выдающимися просветителями того времени Солтан-Меджидом Ганизаде, Гасан беком Зардаби, Сулейман Сани Ахундовым, Абдулла Шаигом, о личной переписке и встречах с деятелями азербайджанской культуры, о неocenимом вкладе писателя в развитие национальной литературы, в частности, детской. Она отметила, что *«история XIX века – золотого века*

просвещения в Азербайджане – богата подобными фактами, которые представляют собой не только научный, но и межкультурный, исторический, нравственно-этический и гуманитарный аспект» [115]. По её словам, они являются наглядной демонстрацией российско-азербайджанских культурно-духовных связей. «Нельзя жить в неподвижности, и люди, и государства, следовательно, и мир в целом, всё время изменяются, и чудовищные искажения истории рано или поздно исчезнут и всё приобретёт свой истинный и естественный облик. Непоколебимыми основаниями любого государства неизменно остаются идеи гуманизма, справедливости и свободы» [115].

Эти мысли были озвучены и в других выступлениях Наргиз Пашаевой. Символично, что учёный, говоря о формировании и развитии русско-азербайджанских взаимосвязей, всегда обращается к личности и творчеству Л.Толстого. Так, на состоявшейся 16 марта 2015 года (в рамках Года литературы России) в Бакинском филиале МГУ видеоконференции на тему: «Русская и азербайджанская литература: опыт взаимодействия» проф. Н.Пашаева привела ряд интересных фактов из истории освоения и восприятия творчества Толстого. Она отметила, что в азербайджанской печати о русском писателе *«писали не только как о создателе великого слова, великих романов, но и как о новом пророке. Действительно, Л.Толстой воспринимался как новый пророк, мыслитель, формирующий диалог культур – культур мусульманского и христианского мира. Таким образом, фигура Толстого уже в то время становится тем глобальным моментом, который устанавливает диалог культур» [40].*

Н.Пашаева проводит параллель между восточной поэзией и творчеством Толстого, прекрасного знатока восточной литературы. *«Этот момент очень ярко проявляется и хорошо разработан в восточной поэзии и восточной литературе, т.е. то, что делали Низами, Физули, Насими в своё время, то, что делали великие поэты Азербайджана и Востока, вдруг об этом точно так же, но на другом языке, в другой интерпретации говорит Л.Толстой» [40].*

Выступление учёного вызвало живой отклик участников конференции. Так, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современ-

ного литературного процесса МГУ К.Султанов отметил: *«То, что Вы говорили о Льве Николаевиче Толстом, с такой же теплотой и пониманием в России говорят о Мирзе Фатали Ахундове»* [40].

Учёный Н.Пашаева заключила своё выступление словами: *«Русский язык является той доминантой, тем коридором, той возможностью, когда мы все узнали европейскую культуру. Спасибо русскому языку, спасибо российским учёным, спасибо русской литературе»* [40].

Действительно, спасибо русской культуре за гениальных художников слова, и особенно за Толстого, произведения которого несут в себе много общечеловеческой волнующей правды и неувядающей красоты человеческих чувств и устремлений.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить своеобразие азербайджанской рецепции художественного наследия Толстого и тем самым дополнить общую картину восприятия и функционирования творчества писателя в инациональном литературном контексте и культурной среде.

Изучение данной темы имеет большое значение с точки зрения современной глобализации, диалога культур.

Объект и предмет исследования. Объектом выступает рецепция художественного наследия Толстого в национальной литературе, творческое усвоение его принципов и традиций азербайджанскими писателями.

Предметом исследования становятся способы и формы восприятия художественно-философских, религиозно-этических и эстетических воззрений великого классика представителями азербайджанской литературно-критической мысли.

Цель и задачи исследования. Основной целью является разностороннее раскрытие характера взаимодействия отечественной литературы с творчеством Толстого. Главная установка - с новых позиций осмыслить и объективно представить значение его творчества с своеобразными и богатыми традициями в развитии и становлении азербайджанской литературы, а также определить до-

минанты преемственности традиций писателя, под влиянием которых представители азербайджанской литературы создали оригинальные произведения.

Цель определяет постановку следующих задач:

1. собрать и систематизировать материалы о Толстом, относящиеся к теме исследования;
2. воссоздать полную картину восприятия творчества великого художника в национальном литературном процессе;
3. определить отношение азербайджанских исследователей к традициям изображения Кавказа русским писателем;
4. выявить роль Толстого в развитии национальной прозы, в частности, отечественного романа, установить влияние художника на мировоззрение и творческие установки романистов;
5. выяснить способы воздействия писателя на научно-популярную литературу;
6. раскрыть характер интерпретации идей и образов Толстого в современном авторском восприятии.

Методы работы. В основе методологии настоящего исследования лежит сравнительно-типологический и историко-функциональный подход к проблеме.

В данной работе мы опирались на фундаментальные труды ученых, посвященные сравнительному изучению национальных литератур, в частности, проблемам рецепции: А.Н.Веселовского, М.П.Алексеева, В.М.Жирмунского, М.М.Бахтина, Н.И.Конрада, И.Г.Неупокоевой, Д.Дюришина, В.А.Миловидова, Г.Д. Гачева и др.

Рецепция является одной из основных категорий компаративистики. В ее основе заложена концепция диалога. Рецепция подразумевает диалог литератур-влияющей и воспринимающей сторон («встречное течение», как определяет его А.Н.Веселовский). Это взаимодействие, с одной стороны, приводит к постижению и оценке предмета восприятия (образов, мотивов и т.д.), а с другой, переработке, перенятию, пересозданию, трансформированию другого опыта. А это во многом зависит от личности реципиента, эстетической, общественной позиции самого писателя, творческих установок.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В азербайджанском толстоведении накоплен значительный исследовательский материал, связанный с художественными достижениями писателя в освоении кавказской действительности. Толстой предстаёт не только как художник-реалист, правдиво отобразивший жизнь, нравы и обычаи народов Кавказа, но и великий гуманист, обличающий колониальную политику царизма. Он подходит к проблеме с нравственных позиций, осуждая всякое насилие и жестокость. Уже в ранних военных рассказах намечена основная концепция отношения к войне.

2. Повесть «Хаджи-Мурат», запечатлевшая реалии кавказской войны, по праву считается документальной. Писатель не отступал от исторической правды. Описанные события и судьба легендарного горца связаны с Азербайджаном. Этот факт находит яркое освещение в азербайджанской публицистике.

3. В повести отражена исламская этика и горские традиции, высвечивающие характер народа, его жизненные представления и духовный опыт. Национальное сознание и мироощущение воплотились и в устном творчестве, в частности, в фольклорных песнях, проникнутых страстной жадой жизни и подвига, которые так напоминают азербайджанские героические сказания и дастаны.

4. Носителем этнокультурной информации является в большинстве своём заимствованная лексика, причём наряду с тюркизмами употребительны и азербайджанские слова и выражения. Не случайно многие устойчивые сочетания повести аналогичны элементам родного языка.

5. Своеобразие языка и стиля писателя и идейная содержательность его произведений сохранены и в азербайджанских переводах, воплотивших реалистические принципы толстовской прозы. Они являются блестящими образцами высоко художественного творческого перевода авторского текста.

6. Традиции, методы и принципы Толстого нашли художественное преломление и в национальном романе (эпическом, историческом, социально-психологическом и философском). Освоение неисчерпаемого опыта русского классика обогатило азербайджанскую прозу новыми идеями и образами.

7. Творчество Толстого оказало влияние и на научно-популярный жанр отечественной литературы. Данный факт установлен впервые. Мудрые изречения Толстого легли в основу философских рассуждений известного учёного А.Мирзаджанзаде в его книге «Этюды о гуманизации образования».

8. Духовное общение с художественным миром великого писателя отразилось и в творчестве драматурга Э.Эфендиева. Размышления писателя о его произведениях свидетельствуют о неоспоримом значении классики в современном художественном творчестве.

Новизна работы состоит в комплексном и системном освещении проблемы рецепции творчества Толстого в Азербайджане, а также в привлечении широкого круга источников, в том числе малоизученных и впервые вводимых в научный оборот.

Впервые в диссертации широкое место отводится анализу повести «Хаджи-Мурат» в соотнесенности с азербайджанской действительностью. Хаджи-Мурат показан бесстрашным воином, горячо любящим свой народ, героем Кавказской войны. Характеристика смелого горца, прослеживание его трагической судьбы, описания пейзажей, а также обряды и традиции кавказских народов приводятся с привлечением азербайджановедческого материала, что является значительным вкладом автора в развитие отечественной литературной науки.

Впервые также рассматривается вопрос освещения повести «Хаджи-Мурат» в азербайджанской публицистике.

Несомненным достижением работы является и выявление факта воздействия Толстого на научно-популярную литературу.

Помимо этого новшеством исследования можно считать систематизацию и комментирование суждений о Толстом и созданных им образах, содержащихся в книге Э.Эфендиева «Время и Слово», которая впервые становится объектом подробного исследования (мысли автора книги сгруппированы в соответствии с заданной тематикой подразделов).

Теоретическое и практическое значение исследования. Теоретическое значение диссертации в том, что полученные научные результаты содействуют

более глубокому пониманию рецепции творчества русского писателя азербайджанским художественным сознанием. Наследие Толстого изучается критиками и литературоведами более века. Разработке этой темы, начиная со II половины XIX века, посвящено большое количество работ. Однако проблема и сегодня требует дополнительных разысканий.

Практическая значимость состоит в возможности применения результатов исследования в практике вузовского преподавания истории русской литературы, в разработке спецкурсов и семинаров, посвящённых проблемам компаративистики и художественному творчеству Толстого, а также в подготовке учебно-методических пособий по сравнительному изучению литератур и теории межкультурной коммуникации.

Диссертация представляет интерес как для специалистов, так и широкого круга читателей.

Апробация и применение. Основные положения и результаты исследования представлены в статьях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов, и докладах на международных научно-практических конференциях: «Филологические чтения» (Оренбург, 2017), «Дмитриевские чтения» (Москва, 2019), « Языки и культуры народов России и мира» (Махачкала, 2019), «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Кубань, 2019), «Хаковские чтения-2019» (Казань, 2019) и т.д.

По теме диссертации опубликовано 30 статей, 1 монография.

Название учреждения, где выполнена работа. Диссертация выполнена в отделе Мировой литературы и компаративистики Института литературы имени Низами Гянджеви Национальной Академии наук Азербайджана.

Структура и объем диссертации (в знаках, с указанием объема каждого структурного подразделения в отдельности). Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Введение содержит 32447 знаков, основная часть 325449 знаков (I глава - 86052, II глава - 88917, III глава - 150480), заключение 8110 знаков. Общий объём диссертации 233 страницы, 366006 знаков (за исключением списка использованной литературы).

ГЛАВА I

КАВКАЗ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ТОЛСТОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МЫСЛЬ

1.1. Военная проза Л. Толстого (1852-1855) сквозь призму национального литературоведения

Кавказ оставил неизгладимый след в жизни и творчестве Л.Толстого. С ним связаны годы военной службы и первые литературные опыты, окончательно утвердившие в нем призвание писателя.

Поистине Толстой как писатель был «рожден» на Кавказе.

А.Гаджиев писал: *«Кавказ был «колыбелью романтической поэзии Пушкина и Лермонтова». Он стал родным и для реалистической прозы Л.Толстого. «Рубка леса», «Набег», «Кавказский пленник», «Казачи», «Хаджи Мурат» – свидетельство глубокого интереса писателя к жизни кавказских народов и, естественно, чувства любви этих народов к великому русскому писателю»* [43].

Толстой, как и его предшественники Бестужев-Марлинский, Пушкин, Лермонтов, воспел этот край «мятежной вольности» с его суровой дикой красотой и жизнью горцев, неукротимых в своём стремлении к свободе.

При всей поэтической окраске и возвышенности образов, они воссозданы с достоверной подлинностью, почти с «натуральной точностью». В них нет приукрашенности, искусственности, вычурности, так характерной для романтической манеры изложения.

Писатель М.Ибрагимов отмечал, что *«своими реалистическими произведениями он продолжал великие традиции натуральной школы. Писать только правду, срывать всякие завесы, проникать в самую глубину, в самую суть явлений жизни – всё это становится непреложным законом творчества для Толстого, составляет главную сущность его искусства.*

Реализм Толстого не однокбок. Он отражает все стороны жизни, действительности» [73].

Известный учёный, профессор А.Дж.Гаджиев также подчёркивал, что именно Толстой после пушкинского «Путешествия в Арзрум» и лермонтовского «Героя нашего времени» отобразил *«кавказскую действительность реалистическими красками» [44].*

Сам Толстой в «Записках о Кавказе» призывал отказаться от «звучных слов» и быть «ближе к действительности». По признанию писателя, в детстве и юности он с упоением читал сочинения Бестужева-Марлинского и Лермонтова, и это были единственные источники его познания Кавказа.

«...возникшие поэтические образы воинственных черкесов, голубоглазых черкешенок, гор, скал, снегов, быстрых потоков, чинар... бурка, кинжал и шашка... необыкновенно поэтически сложились в воображении» [139]. Как отмечает писатель, Кавказ долгое время был для него «поэмой на незнакомом языке», но позже он убедился, что «действительность была лучше воображаемого» [139].

«Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью - напишет Толстой в дневнике 9 июля 1854 года. - Действительно хороши этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи - война и свобода» [143, т.21, с.127].

В I половине XIX века Кавказ представлял арену ожесточённой борьбы с горцами и воспринимался как символ мятежной вольности. Именно сюда, в «тёплую Сибирь», как тогда называли этот край, ссылали неугодных, бывших в немилости у власти представителей русской прогрессивной интеллигенции. Л.Толстой оказался здесь не по принуждению, а по собственному желанию с намерением изменить свою жизнь, обрести свободу духа. *«Одной из причин этой поездки, - отмечает проф. А.Дж.Гаджиев, - были образы, навеянные кавказскими произведениями русских писателей... Другой причиной поездки Толстого на Кавказ было то, что условия жизни в Москве и в Ясной Поляне не удовлетворяли его, он ехал, чтобы избавиться от светских привычек» [45, с.144].*

Сама судьба занесла его сюда, в этот далёкий край, к месту службы стар-

шего брата, офицера-артиллериста. Об этом он напишет своей тётушке Т.А.Ергольской 12 января 1852 года: *«Моя мысль, непродуманное моё решение ехать на Кавказ было мне внушено свыше...»* [143, т.18,с.345].

Здесь он духовно перерождается, в нем происходит нравственная перемена. Он думает, что изменятся его взгляды на жизнь и на счастье. И надеется обрести духовный покой: *«...состояние покоя, без скуки, с тихими радостями любви и дружбы – это для меня верх счастья!»* [143, т.18,с.345].

Могучий и прекрасный Кавказ с его щедрой природой и смелыми гордыми обитателями стал приютом желанной свободы для молодого писателя на два с половиной года (с 30 мая 1851 года по 24 января 1854 года). Именно здесь, вдали от светской суеты, среди необузданной, непокорной стихии началась его литературная деятельность.

Кавказ был для писателя и мечтой и действительностью. Впоследствии, оглядываясь на прошлое, он скажет: *«Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записи того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошёл тогда. Это было и мучительное и хорошее время. Никогда ни прежде, ни после я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся 2 года. И всё, что я нашёл тогда, навсегда останется моим убеждением»* (из письма А.А. Толстой в апреле 1859 года [143, т.18, с.67-68].

«На Кавказе он много работал над собой, начал писать, как он сам признавался, для денег, а в результате кавказские произведения сделали его известным писателем», – отмечает проф. А.Дж.Гаджиев [45, с.144].

В письме к Т.А.Ергольской 30 мая 1852 года он признавался, что более не ищет удовольствий, и что нынешний образ жизни далек от всего этого. И что занимает свое время историческими книгами и литературными занятиями. И в этом находит удовольствие и пользу [143, т.18, с.348-349].

В стремлении к художественному совершенству он оттачивал мастерство, учился «управлять своим пером и мыслями».

В одной из дневниковых записей (от 3 июля 1851г.) писатель рассуждал о том, как можно передать чувства, *«перелить в другого свои взгляды»*, и как соединить поэзию с прозой? И что описания при это достаточно [143, т.21, с.54].

Для Толстого Кавказ был колыбелью первых живых впечатлений и вдохновения. В период жизни здесь в нём шла напряжённая внутренняя борьба, и он мучительно искал куда *«положить всю силу молодости»*.

Кавказ стал для него настоящей школой жизни и художественного творчества. Он стал усиленно писать. Рождались новые темы, яркие образы, мысли складывались в стройную систему. Он окончательно определился с жизненным выбором. И решил оставить военную службу. Вернуться в любимую Ясную Поляну, стать свободным, писать, творить.

Внимание к людям, понимание их психологии, острая наблюдательность, острое желание поделиться с другими накопленными впечатлениями - всё это вместе заставило Толстого взяться за перо. Видимо раньше он не был ещё готов к оформлению тех образов, которые сложились в его воображении. Эти образы Толстой хранил в своей памяти как бесценный материал, а позднее черпал необходимое для создания произведения.

Он пишет *«Детство»* (1852), *«Записки маркёра»* (1853). Под впечатлением кавказской войны создаёт рассказы и повести и задумывает многое, что воплотилось позднее: *«Набег»* (1852), *«Рубка леса»* (1855), *«Из кавказских воспоминаний. Разжалованный»* (1856), *«Казаки»* (1863), наброски *«Дяденька Жданов и кавалер Чернов»* (1854), *«Как умирают русские солдаты»* (1854), *«Кавказский пленник»* (1872), *«Хаджи-Мурат»* (1896–1904).

Как отмечает проф. А.Дж.Гаджиев, *«интерес к Кавказу, отчётливо проявленный в русской литературе 1820–30-х годов, к 1850-м годам, ко времени литературного дебюта великого писателя значительно спал... подобные произведения в творчестве большинства писателей не встречаются. Одним из исключений в этом смысле и является Толстой»*.

Великий писатель обращался к теме Кавказа и в ранний период своей литературной деятельности и на закате долгого творческого пути» [45, с.143].

По мнению автора, *«почти во всех этих произведениях Толстого имеются реминисценции из кавказских произведений его предшественников, что, разумеется, несколько не умаляет достоинств кавказских произведений Толстого, поскольку эти произведения были основаны на непосредственных наблюдениях автора»* [45, с.145].

По словам учёного-толстоведа, профессора Ф.Ч.Рзаева, «Толстой предстаёт перед читателем как тонкий знаток жизни, быта, культуры, нравов и обычаев кавказских народов. Известно, что в процессе работы..., не ограничиваясь личными впечатлениями..., он изучил большое количество разнообразных источников, начиная с исторической литературы, кончая рассказами очевидцев событий, происходивших в этом крае» [117, с.14].

Все произведения данного периода носят автобиографический характер. Толстой принимал участие в длительных военных походах и вылазках против горцев. В рассказе «Набег» отражён один из таких эпизодов военной жизни — набег летом 1851 года. Это стало первым боевым крещением.

Во время похода он наблюдал поведение солдат и офицеров, привыкших к будням войны и которые «так хорошо знали и делали своё дело». Главный герой, капитан Павел Хлопов — сильный, мужественный человек, в котором «очень мало воинственного», и он служит, потому что «надо же служить», к тому же получая двойное жалованье. Он воспринимает всё происходящее как должное. Разрушение горского аула, убийство мирных жителей, грабежи никак не отражаются на его спокойствии, безучастности, и он выглядит «таким же, как и всегда».

Война изображена Толстым без прикрас:

«Аул обстрелян... Крик войны снова раздаётся, и конница исчезает в поднятом ею облаке пыли..., драгуны, казаки, пехотинцы с видимой радостью рассыпались по кривым переулкам, и пустой аул мгновенно оживился. Там рушится кровля, стучит топор по крепкому дереву... тут загорается стог сена, забор, сакля... Вот казак тащит куль муки и ковёр; солдат с радостным лицом выносит из сакли жестяной таз...; другой старается поймать двух кур, которые с

кудахтаньем бьются около забора...» [143, т.2, с.26-27].

С грубою простотою описано разорение аула. Здесь отчётливо сказывается приверженность Толстого идейным и художественным принципам натуральной школы. Этот отрывок явно перекликается с аналогичными картинами А.Марлинского, *«не имевшего возможности из-за цензурных ограничений открыто протестовать против действий царской армии, но осуждавшего их косвенно, описанием трагических результатов походов и набегов, осуществлённых по приказу царизма»* [45, с.146]. *«Ещё перепалка играла по лесу, прилежащему к деревне, а дело грабежа и разрушения уже началось. Добыча в вещах, в деньгах, в рогатом скоте была огромна... Солдаты...вытаскивали ковры, паласы, вонзали штыки в землю и в стены...ловили скот, били, кололи засевших в саклях мятежников...»* [45,с.146-147]. Подобные описания предваряли батальные картины романа «Война и мир».

Толстой сочувствует горцам. Он осуждает насилие и жестокость, порождённые опустошительной войной: *«Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звёздным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, лицемерия или страсти истребления себе подобных?»* [143, т.2, с.21].

Толстой хоть сам и принимал участие в военных операциях, всё же признавал, что *«война – такое несправедливое и дурное дело, что те, которые воюют, стараются заглушить в себе голос совести»* [143, т.21, с.85]. Война для него и спустя полвека останется «безумием и преступностью».

Жертвами войны стали не только горцы, но и простые русские солдаты, умиравшие во имя интересов николаевской империи.

Исследователь А.Дж.Гаджиев усматривал в кавказских рассказах Толстого, и в особенности батальных сценах и в пейзаже влияние А.Бестужева-Марлинского: *«Толстой-реалист шагнул далеко от романтических произведений Марлинского. Но несмотря на это, Толстой, создавший шедевры русской реалистической литературы, на протяжении всей своей писательской деятельности сохранил интерес к творчеству Марлинского. Так, отзвуки прочтения*

батальных сцен Марлинского ощущаются не только в кавказских произведениях Толстого, но и в его гениальном романе-эпопее «Война и мир» [44,с.58].

Несомненно, наряду с Марлинским на Толстого–баталиста оказал влияние и А.С.Пушкин, в частности, его «Путешествие в Арзурум».

«Обращаясь к пушкинскому произведению, – пишет А.Дж.Гаджиев, –Толстой не только следовал батальным сценам великого поэта, а учился у него изображению ужасов войны. Так, именно к пушкинскому «путешествию» восходят и толстовские описания жертв войны» [45, с.152].

Батальные сцены Пушкина, как и Толстого поражают «ужасающей верностью», по словам Белинского: *«Лошадь моя... остановилась перед трупом молодого, лежавшим поперек дороги. Ему, казалось, было лет 18, бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли, обритый затылок прострелен пулею. Я поехал шагом...»; «Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь в седле, бледен и окровавлен»; «я видел наших раненых, из коих пять умерло»; «Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец» [45, с.152].*

Как отмечает проф.А.Дж. Гаджиев, *«Великий гуманист Пушкин, описывая раненых и мертвых хотел вызвать в читателе антивоенный протест, подвести его к мысли о ненужности кровопролития» [45,с.152].* Как и великий гуманист Толстой.

Рассказ «Набег» был переведён на родной язык Б.Мусаевым. По мнению Ф.Рзаева, перевод получился удачным и в нём ярко ощущается творческая манера Толстого, особенности языка и стиля произведения. *«В большинстве случаев Б.Мусаев сумел найти адекватную форму передачи на родном языке сложной поэтики и синтаксической структуры толстовской прозы..., верно переданы особенности повествования, где герои описываются рассказчиком, а сам он не играет сколько-нибудь заметной роли в развитии действия. Рассказчик воссоздаёт психологический облик героев, очерчивая круг их интересов, показывая их в различных жизненных ситуациях» [117, с.15].*

Учёный особо подчёркивает мастерство переводчика в воссоздании картин кавказской природы: *«В азербайджанском переводе пейзажные зарисовки являются лучшими отрывками. Б.Мусаеву удалось отразить богатую цветовую палитру оригинала, подобрать точные синонимические ряды, воссоздать сложные синтаксические конструкции с вводными предложениями и уточнениями и т.д. Так, например, в пейзажной зарисовке, где представлено описание раннего утра на Кавказе, Толстой в небольшом отрывке использует определения, отражающие богатую цветовую гамму кавказской природы: «серые», «беловатые», «жёлто-зелёный», «прозрачный», «золотистый», «бледно-лиловый», «почти чёрный», «тёмно-зелёный», «ярко-белый», «матовые» и др.»* [117, с.17].

Величавая природа несопоставима с разрушительной войной. Разоблачая кровавую бойню, Толстой утверждает силу и моральное величие простых русских солдат. Именно они истинные храбрецы, бесстрашные, стойкие, мужественные, далёкие от тщеславия и напускной удали. Их непоказная смелость и выдержка отражена в рассказе «Рубка леса», в основу которого легли реальные события о прикритии артиллерийском взводом колонны в лесу.

Во время атаки горцев гибнут солдаты, некоторых тяжело ранит. Но на войне смерть обыденное явление. И сообщение о ранении, а потом и смерти солдата-украинца Веленчука воспринимается спокойно. Солдаты после «жаркого» дня греются у костра, и один из них запекает «Берёзушку». А потом опять заступать на ночную смену.

Ночь полна неожиданных опасностей и сама природа словно насторожилась: *«...мрачная глухая ночь давала свой особенный таинственный фон всему этому движению, как будто каждый чувствовал эту мрачную тишину и боялся нарушить её спокойную гармонию»* [143, т.2, с.82].

Война противоречит красоте и силе вечно живой природы. Она противоестественна и для человека, вынужденного убивать себе подобных или самому умереть. Толстой раскрывает психологию солдат, объясняющую их поведение на войне. Преодолевая страх, Они отгоняют всякую мысль о смерти:

«Вот теперь, когда у каждого в душе должна была быть мысль о Веленчуке – и когда всякую секунду мог быть по нас залп подкрававшихся татар, все слушают бойкий рассказ Чикина, и никто не упоминал ни о нынешнем деле, ни о предстоящей опасности, ни о раненом, как будто это было бог знает как давно, или вовсе никогда не было» [143, т.2, с.83].

В этом видит Толстой и проявление национального русского характера.

Но помимо национальных черт, каждый из них обладает и индивидуальными качествами. Автор рисует яркие выразительные образы реальных, приземлённых людей, совсем не героических с виду: ужасно ученый Максимов, бомбардир Антонов с балалайкой, забавник Чикин.

И каждый со своими думами, философским отношением к жизни и смерти, и войне.

Рассказ «Рубка леса» был переведён на азербайджанский язык Б.Мусаевым.

По мнению Ф.Рзаева, *«воспроизведение идейно-тематического и художественного своеобразия этого произведения, отражающего кавказские страницы творчества Толстого, представляет несомненный интерес.*

...тематика рассказа обусловила и своеобразие его стиля и языка, что нашло отражение в использовании писателем огромного количества слов из разных лексических пластов русского языка, в том числе просторечных слов, диалектизмов, военной терминологии и т.д. Естественно, в тексте рассказа, хотя и редко, встречаются также слова из языков кавказских народов, а также топонимы» [117, с.29-30].

Учёный отмечает *«прекрасное воспроизведение пейзажных зарисовок, использование богатых возможностей азербайджанского языка при передаче глубины содержания и художественного своеобразия произведения Толстого. Некоторые отрывки из перевода можно считать образцом творческого вдумчивого подхода переводчика к своей весьма трудной работе» [117, с.30].* Бесспорно, переводчику помогло не только знание языка и умение использовать его богатые возможности, он сумел прочувствовать всю глубину и силу мысли произведения, весь драматизм.

На войне приходилось смело смотреть в глаза смерти. Так поступал и сам Толстой. И каждый раз перед боем он готовил себя к неизбежной опасности и даже к гибели, что видно из дневниковых записей:

«Я равнодушен к жизни, – пишет он перед поездкой в отряд, – в которой слишком мало испытал счастья, чтобы любить её, поэтому не боюсь смерти. Не боюсь и страданий, но боюсь, что не сумею хорошо перенести страданий и смерти. Я не совершенно спокоен и замечаю это потому, что перехожу от одного расположения духа и взгляда... к другому. Странно, что мой детский взгляд – молодечество – на войну для меня самый покойный...» [134, с.56].

Усилия, которые он над собой делал, страх, неминуемо испытываемый всяким человеком, участвующим в сражении, были им забыты, в памяти оставались только его действия.

За время своего пребывания на Кавказе он несколько раз бывал на волоске от смерти. *«Если бы дуло пушки, из которого вылетело ядро, на одну тысячную линии было отклонено в ту или другую сторону, – писал он одному своему другу, – я был бы убит»* [134, с.57].

За проявленную храбрость Толстому дважды представлялась возможность получить георгиевский крест: за штурм позиций Шамиля на реке Мичике и за сражение 18 февраля 1853 года. В первый раз он оказался под арестом за неявку на караул, а в другой – сам лично отказался в пользу старого солдата. Но спустя много лет георгиевский крест получит его сын Андрей, участник русско-японской войны. Война стала и для него испытанием воли и характера.

Но не каждому под силу стойко выдержать все тяготы военной жизни. Не удаётся это и герою рассказа «Разжалованный». История его драматична.

Некогда богатый и знатный молодой человек, которому пророчили блестящее будущее, оказывается в простой солдатской среде. Здесь в непривычной, чуждой обстановке он чувствует себя отщепенцем. Приниженное положение болезненно терзает его. Офицеры относятся к нему с пренебрежением, не принимают его всерьёз из-за высокомерия и трусости; сам же он испытывает неприязнь к рядовым, считая их грубыми, неотёсанными, и уподобляя животным.

Случайно встретив старого знакомого, князя, служащего в артиллерийской батарее юнкером, он находит в нём чуткого, задушевного собеседника и полностью раскрывается перед ним, рассказывает обо всём, что произошло с ним, о том, что попал сюда из-за «глупой истории» (видимо, речь идёт о дуэли) и что отец лишил его средств к существованию.

Рассказчик проникается к нему сочувствием, сознавая, что за три года службы он изменился не в лучшую сторону, опустился, потерял всякое уважение к себе.

При этом Толстой словами рассказчика выражает своё неприятие светского общества, отдавая предпочтение военной среде:

«...он... верно предполагал, что я должен был быть возмущён против общества офицеров, которое я, напротив, пробыв долго на Кавказе, успел оценить вполне и уважал в тысячу раз больше, чем то общество, из которого вышел господин Гуськов» [143, т.2, с.311].

Но в нём уже мало что осталось от прежнего. Толстой удивительно точно показывает разительную перемену, произошедшую с героем: *«Полушубок был затёртый, короткий, с нашитой собой на воротнике и на фальшивых карманах. Панталоны были клетчатые, пепельного цвета, и сапоги с короткими нечернёными солдатскими голенищами!»* [143, т.2, с.299].

В разговоре он, ничуть не стесняясь, в настойчивой форме выпрашивает деньги. А ведь когда-то он был умным, приятным молодым человеком, имевшим успех в свете. Он изящно и опрятно одевался, и вел себя одновременно скромно и самоуверенно. И за его моложавый, почти детский вид ему многое прощалось.

В рассказе в острой форме раскрывается тема социального неравенства, царящего в русской армии. Герой от обид и унижений восклицает: *«...но я заметил... они не могут уважать человека и оказывать ему признаки уважения, если на нём нет этого ореола богатства, знатности; я замечал, как понемногу, когда увидели, что я беден, их отношения со мной становились небрежнее, небрежнее и, наконец, сделались почти презрительные. Это ужасно! Но это*

совершенная правда» [143, т.2, с.312].

«Всё это так пошло, грубо, гадко, – замечает он, – и всегда вы чувствуете, что вы нижний чин, это вам всегда дают чувствовать» [143, т.2, с.313].

Гуськов, будучи представителем высшего света, и привыкший к обеспеченной и разгульной жизни, высокому положению, не приспособлен к чисто мужскому делу и обязанности – службы в армии. Он ломается, теряет своё лицо. Толстой ставит проблему морального выбора в условиях войны и правдиво изображает тяжёлую военную жизнь.

Азербайджанскому читателю рассказ был представлен на родном языке в переводе Б.Мусаева. Как отмечает профессор Ф.Рзаев, «перевод в целом верно воспроизводит идейное и художественное своеобразие рассказа Толстого. Язык перевода прост, лаконичен, и потому перед национальным читателем возникают картины военных будней на Кавказе, судьбы различных персонажей, представленных в рассказе писателя. Переводчик использует богатые возможности азербайджанского языка для передачи лексико-фразеологических и синтаксических особенностей языка оригинала, своеобразие построения авторских описаний, монологов и диалогов толстовского произведения» [117, с.41].

При этом ученый полагает, что во многом трудности переводчиков – азербайджанцев связаны с тем, что большинство слов-заимствований, придающих особый колорит кавказским произведениям Толстого, порой утрачивают свое своеобразие в национальных переводах. Это объясняется их общеупотребительностью в родном языке.

1.2. Рассказы и повести писателя (1856-1872) в исследованиях азербайджанских ученых

К зрелому периоду творчества относится повесть «Казачья жизнь». Она навеяна личными мотивами. Сюжетная линия почти полностью совпадает с реальными фактами жизни писателя: ощущение пустоты и никчемности существования, отъезд Оленина из столицы, стремление к духовному обновлению, жизнь среди

вольных казаков, желание приобщиться к их миру, сильная глубокая страсть, отчуждение.

Герой повести близок Толстому по мировосприятию и по нравственным устремлениям. Описывая его, он словно рассказывает о самом себе:

«Оленин был так свободен, как только бывали свободны русские богатые молодые люди сороковых годов, с молодых лет оставшиеся без родителей. Для него не было никаких ни физических, ни моральных оков, он всё мог сделать, и ничего ему нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни веры, ни нужды. Он ни во что не верил и ничего не признавал» [143, т.3, с.157].

Он, как и его герой, с радостным чувством покидал Москву в предвкушении скорой встречи с удивительным и загадочным. Он был молод, полон сил и стремился к новой жизни, в которой не будет ни ошибок, ни раскаяния, а только безмерное счастье.

Известный учёный, профессор А.Дж.Гаджиев пишет о романтической настроенности героя: *«...Дмитрий Оленин, образ во многом биографический, все свои мечты о будущем соединяет с образом «Аммалатбеков», черкешенок, гор, обрывов, страшных потоков и опасностей... сам автор ехал на Кавказ с подобными мечтами»* [45, с.144]. Но вместо воображаемых картин герою предстояло столкнуться с настоящей стихией, открыть для себя новый мир, как и самому Толстому, когда он только приехал на Кавказ.

Вместе с братом Николаем они приехали в Староюртовское укрепление для прикрытия больных в Горячеводском лагере. Жили в палатках и любовались чудесными видами, огромными горами, горячими источниками.

Особенно любимым занятием Толстого было наблюдать за местными жителями. В одном из писем своей тетушке Т.А. Ергольской от 22 июня 1851 года, описывая местный колорит, он сообщал, что татарки стирают белье на мельнице, причем ногами, и что они напоминают «копающийся муравейник». При этом отмечал их красоту и хорошеесложение.

«...Живописные группы женщин и дикая красота местности – прямо оча-

ровательная картина, и я часто часами люблюсь ею» [143, т.18, с.321].

Красотой кавказской природы был покорен и его герой Оленин.

Вот как описывает Толстой горный пейзаж, открывшийся его взору:

«Утро было совершенно ясное. Вдруг он увидал... чисто белые громады с их нежными очертаниями и причудливую, отчётливую воздушную линию их вершин и далёкого неба. ... он мало-помалу начал вникать в эту красоту и почувствовал горы... И дорога, и вдали видневшаяся черта Терека, и станицы, и народ – всё это ему казалось теперь уже не шуткой... Из станицы едет арба, женщины ходят красивые, женщины молодые» [143, т.3, с.163].

Он восхищается полнокровной жизнью казаков, не знавших крепостного права, их гордым независимым характером, близостью к природе, завязывает дружбу со старым охотником Ерошкой.

С Епифаном Сехиным, прототипом героя, был знаком и брат Толстого, Николай. В своем очерке «Охота на Кавказе» он рассказывал о нем со слов самого гребенского казака. Этот девяностолетний одинокий старик некогда был молодцом, вором и мошенником, угонял табуны, продавал людей, чеченцев на аркане водил, в казематах сидел. Много повидал в своей жизни.

Его жизнь представляла собой цепь приключений. При этом он никогда не работал. Вся его служба заключалась лишь в том, чтобы доставить какого-нибудь абрека в город, поджечь чей-то дом по приказу начальника, собрать почетных стариков или аманатов из Чечни, пойти на охоту.

«Охота и бражничество – вот две страсти нашего старика: они были и теперь остаются его единственным занятием; все другие его приключения только эпизоды» [145, с.15].

Это был человек – душа нараспашку. Вместе с Толстым он ходил на кабанов, играл на балалайке, пел и плясал. «Пока живешь, радуйся»- таков был его главный принцип в жизни.

«Милейший человек, простодушнейший, весёлый, – говорит про него Толстой в старости. – В этом могучем, громадного роста человеке сочетались и лихость и храбрость, неимоверная жестокость к врагу и жалость к бабочке,

летевшей на огонь, оправдание греха и вместе с тем боязнь его» [134, с.52].

В «Казаках» описан эпизод, когда молодой юнкер спрашивает его, не убивал ли он людей. Старик, сильно рассердившись, придвинув своё лицо к лицу Оленина отвечает, что «душу загубить мудрено, ох, мудрено!»

В старости Ерошка умирает, замаливая грехи.

Именно таким предстает в повести Ерошка, который говорит про себя, что «не тужил, и тужить не буду», «придет конец-сдохну», «пока жив, пей, гуляй».

Но Оленин смотрит на жизнь совсем иначе. Он влюбляется в красавицу Марьяну. И уже серьёзно думает обосноваться здесь, «приписаться в казаки, обзавестись хозяйством, купить избу, скотину, жениться.

Но как ни привлекают его здешние люди и природа, как ни хочется остаться с ними и жить простой естественной жизнью, он всё же сознаёт, что чужд им, их интересам, их правде. И сами казаки относятся к нему настороженно. Он всецело погружён в себя, поглощён собой, своими мыслями, ощущениями: любованием природой, трудовой общинной жизнью казаков, своими чувствами к Марьяне. И до конца остаётся всего лишь сторонним наблюдателем. Ему никогда не стать ни простодушным Лукашкой, ни лукавым стариком Ерошкой. Невозможно молодому дворянину жить в согласии с собой в патриархальном мире. Путь преодоления себя, опрощения непосилен для цивилизованного человека. В искреннем стремлении Оленина приобщиться к образу жизни простого народа сказались мысли и настроения самого автора.

Повесть утверждает нравственную красоту и силу человека и проникнута верой в торжество жизни.

Успех «Казаков» вдохновил Толстого. Особенно порадовал его отзыв Фета, который писал: *«Сколько раз я Вас обнимал заочно при чтении «Казаков»»* [134, с.157].

«Казаки» вызвали целый ряд критических статей. Все критики в один голос отмечали выдающиеся художественные достоинства повести, и почти все осуждали автора за его страстный протест против цивилизации.

Тургенев также выражал свое восхищение повестью «Казаки»: *«Перечел я*

роман Л.Н.Толстого «Казаки» и опять пришел в восторг. Это вещь поистине удивительная и силы чрезмерной» - писал он Борису 5 июня 1864 г.» [134, с.157].

Проф. Ф.Ч.Рзаев отмечает, что «Толстой достигает эпичности обрисовкой жизни в её естественных проявлениях, раскрытием её многокрасочного облика. Художественная структура повести отражает особенности объективной формы прямого авторского повествования, близкой к народно-эпическому, и органично соединяет в себе разнообразные элементы поэтики толстовской прозы» [117, с.65-66].

На азербайджанском языке повесть впервые была издана в 1929 году в переводе Т.Мамедова. Позже перевод был осуществлён известным писателем и переводчиком Гылманом Илькином и этот вариант был включён в собрание сочинений Л.Н.Толстого на азербайджанском языке. «Перед переводчиком, – пишет Ф.Рзаев, – стояла нелёгкая задача: сохраняя весь сюжетный и образный строй произведения, воспроизвести изобразительные приёмы автора средствами родного азербайджанского языка, передать особенности творческой манеры Толстого, проявившиеся в повести. Эта задача требовала глубокого стилистического анализа материала, внимательного изучения художественных приёмов русского писателя».

Учёный указывает на ряд «неоспоримых достоинств» азербайджанского образца: «в нём сохранены живость и естественность оригинала, богатство лексики, верно воссоздана форма авторского повествования, воспроизведено идейно-тематическое содержание» [117, с.66-67]. Несомненной удачей, по мнению Ф.Рзаева, является перевод пейзажных зарисовок, одного из основных композиционных элементов повести, а также воссоздание индивидуальной речевой характеристики героев, описание переживаний и размышлений Оленина, и, конечно же, поэтический перевод имеющихся в тексте песен, где использованы богатые возможности азербайджанского языка.

Среди кавказских произведений Л.Толстого широкую известность получил рассказ «Кавказский пленник», написанный специально для детей. Он был напе-

чтан на страницах журнала «Заря» в 1872 году, а потом включён в «Четвёртую русскую книгу для чтения». В нём отражён реальный случай из военной жизни писателя. 13 июня 1853 года он чуть не оказался в плену у горцев по дороге из крепости Воздвиженское. А.Л.Толстая в своей книге описала этот случай.

Как-то Толстой вместе со своим другом Садо провожали обоз в крепость Грозную. Обоз был тяжелым и двигался медленно, часто останавливался.

Сопровождавшие обоз четверо верховых поскакали вперед. Дорога шла через ущелье, и каждую минуту их подстерегала опасность подвергнуться нападению чеченцев, которые скрывались за утесами и уступами скал. Трое поехали по низу ущелья, а Толстой вместе с Садо – по верху хребта. И вдруг они увидели несущихся им навстречу чеченцев. Толстой крикнул всадникам об опасности, а сам вместе с Садо, помчался в направлении к крепости. Чеченцы не открывали пальбу, намереваясь взять Садо в плен живым. И им еле удалось уйти от преследователей. Пострадал лишь молодой офицер, застреленная лошадь придавила его и он никак не мог освободиться. Чеченцы изрубили его пашками, и русские подобрали уже полумертвое тело, он умер в страшных мучениях [143, с.57].

Об этом факте вскользь упоминается и в дневниковой записи от 23 июня 1853 года: «Едва не попал в плен, но в этом случае вёл себя хорошо, хотя и слишком чувствительно» [143, т.21, с.85]. Поэтому жанр рассказа и определён как быль, что указывает на реальную основу событий.

Кроме того были и другие литературные источники рассказа. Биограф писателя Н.Н.Гусев указывает на повесть неизвестного автора, подписавшегося инициалами Н.М., напечатанную в «Библиотеке для чтения» за 1838 г. *«Сюжеты повести Н.М. и рассказа Толстого в основном совпадают: русский офицер попадает в плен к горцам и бежит из плена. В подробностях есть и сходство и различие... Можно предположить, что Толстой ещё мальчиком читал «Кавказского пленника» Н.М. и сюжет повести запомнился ему»* [62, с.72-73].

Н.Гусев упоминает и другое произведение – воспоминание о действительном факте – записки полковника кирасирского полка барона Ф.Ф.Торнау, кото-

рый в 1834–1836 годах был послан в Абхазию «для тайного обследования горских аулов» и попал в плен к горцам. Характер главного героя Жилина во многом напоминает характер Торнау, каким он вырисовывается в рассказе [62 с.73].

Впервые в русской литературе именно Толстой обращается к детям с рассказом о бессмысленности войны, приносящей лишь страдания и несчастья людям, сеющей ненависть и рознь между русским и кавказским народами. Профессор Ф.Рзаев отмечает: *«Сюжет «Кавказского пленника» Толстого близок к сюжету одноимённой поэмы А.С.Пушкина, с лёгкой руки которого эта тема стала традиционной темой русского романтизма. По мнению проф. А.Дж.Гаджиева, «не случайно последним в хронологическом отношении произведением о пленнике Кавказа оказался именно рассказ Толстого «Кавказский пленник», в отличие от всех ему предшествовавших, написанный твёрдой рукой писателя-реалиста»* [117, с.52].

Название рассказа Толстого совпадает с названием романтических поэм Пушкина и Лермонтова и это наводит на мысль, что писатель хотел написать свой рассказ совершенно иначе. Это предположение укрепляется довольно резким отзывом о поэмах Пушкина (за исключением «Цыган»), написанном им 7 июня 1856 года.

И действительно, ни в характерах персонажей толстовского рассказа, ни в описании обстановки, ни в изображении природы ничто не напоминает романтическую поэму. В этом рассказе нигде не переступает строгих границ реализма. Он выступил «со своим «Кавказским пленником», опирающимся на широкую базу мирового эпоса и обращённым к читателям всех классов и возрастов». Но результат получился неожиданный: *«рассказ, как будто направленный против Пушкина, оказался стоящим гораздо ближе к пушкинской прозе, чем прежние вещи Толстого. Это совершенно естественно: принципы «простоты и ясности рисунка и штриха» должны были привести Толстого к прозе Пушкина»* [62, с.76-77]. Но новатор Толстой ломает привычные каноны. По словам А.Дж.Гаджиева, *«это первая попытка осветить созданную Пушкиным ситуацию с позиций литературы нового времени. Сопоставление одноимённых про-*

изведений Пушкина и Толстого даёт возможность уяснить отношение великого писателя к традиционному сюжету русского романтизма» [45, с.148].

В рассказе события разворачиваются вокруг двух главных фигур— офицеров Жилина и Костылина, захваченных в плен горцами. Оказавшись на чужой стороне, они по-разному проявляют себя. Смелый и выносливый Жилин не сдаётся до конца, он упорно и настойчиво стремится к свободе и добивается своего. А слабый, безвольный Костылин так и остаётся «смирным» в надежде на выкуп. Храбрость, смекалку и силу духа Толстой противопоставляет трусости и малодушию.

Жилин своим трудолюбием, скромностью и простотой сумел расположить к себе горцев, прижиться во враждебном окружении. Хозяин видит в нём джигита, а жители аула ценят его как «мастера на всякое рукоделье». Он не избалован жизнью, сильный, крепкий, «жилистый». И в нём много человечности, доброты, русского сердца. Костылин же в плену собственной слабости, невольник обстоятельств, он не готов к испытаниям, не приспособлен к трудностям. *«А Костылин – мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льёт» [143, т.10, с.209].*

Жилин вглядывается в окружающий его кавказский быт и находит всему сравнение со своим родным, русским: *«Видит – деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой» [143, т.10, с.213].*

«Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пёстрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки – всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просеянные и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское – буза. Едят руками, и руки все в масле» [143, т.10, с.213].

Толстой правдиво отображает подлинный мир горцев, их жизненный уклад и традиции, их характер и образ мыслей, их непреклонность и отвагу, их воинственный, героический дух.

Выразительны образы Кази-Мугамеда, Абдул-Мурата, злого старика Хаджи, потерявшего в войне с русскими семерых сыновей, а восьмого убившего за измену.

Так описывает он хозяина Жилина Абдул Мурата: «...черноватенький. Глаза чёрные, светлые, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо веселое, всё смеётся. Одет черноватый ещё лучше: беешмет шёлковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашика» [143, т.10, с.212]. Вспоминается схожее описание одежды горцев из пушкинской Южной поэмы:

Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный
Широкой степью по горам,
В косматой шапке, в бурке чёрной...
...Летал по воле скакуна.

Толстой мастер портретных зарисовок. Небольшой штрих, мелкая деталь и перед нами уже характер вырисовывается: «Красный татарин... как волк изподлобья косится» или «А черноватый – ...так весь на пружинах ходит» [143, т.10, с.212].

Особой теплотой и симпатией овеян образ горянки Дины.

«Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати... глаза чёрные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмаки, а на башмаках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса чёрная, и в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный» [92, т.10, с.213].

Отношение к русскому пленнику начинается с простого любопытства: «Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьёт, как на зверя какого» [143, т.10, с.213].

С детской непосредственностью в ней сочетается смелость и решитель-

ность. *«Ухватился за шест, велел Дине держать, полез... Дина его тянет ручонками за рубаху, изо всех сил, сама смеётся»* [143, т.10, с.228].

Её искренняя привязанность к простому русскому солдату трогательна и овеяна лиризмом. *«Глазёнки так и блестят как звёздочки; вынула из рукава две сырны лепёшки, бросила ему».* *«Ухватила за него Дина: шарит по нём руками, – ищет – куда бы лепёшки ему засунуть»* [143, т.10, с.227-228].

Мотив любви, выступавший у Пушкина и Лермонтова в аналогичном сюжете на первый план, здесь был заменен дружбой Жилина и Дины.

«Героиня Толстого Дина,- как отмечает А.Дж.Гаджиев,- не «дева гор», встречи которой с русским могли быть замечены, а маленький ребенок, представленный самому себе. Так несколькими штрихами Толстой создал более правдоподобную ситуацию, чем в романтической поэме Пушкина» [45, с.148-149].

Пушкинский пленник покоряет сердце черкешенки, но отвергает ее беззаветную любовь. И этим губит ее. Роман превращается для него в проблему выбора.

Герой же Толстого по-отечески относится к горянке (вырезает для нее куклы) и безмерно благодарен ей за спасение.

Толстой-моралист утверждает: русские и горцы могут жить в мире и согласии.

Сам писатель, будучи на Кавказе, сдружился с молодым чеченцем Садо, сыном богатого местного горца. Он часто приезжал в лагерь к офицерам, где и познакомился с Толстым. С тех пор Садо считал его своим другом – кунаком. Иногда они обменивались подарками. Когда у Толстого заболела лошадь, Садо предложил ему свою. По традициям горцев не принять подарка значит нанести им большую обиду. Если гостю что-то понравится, принадлежащее горцу, и он похвалит ружьё, или седло, или кинжал, и даже лошадь, то горец обязательно подарит [134, с.52-53].

Помимо правдивого описания горской жизни Толстым были даны и зарисовки чарующей кавказской природы:

«Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых – алые; в

чёрных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина... как в огне загорелась от заката» [143, т.10, с.220].

«Символично, что подобные картины перекликаются с пушкинскими и созвучны им» – утверждает проф. А.Дж.Гаджиев и приводит текстуальные сопоставления .

«Так, и пушкинский, и толстовский пленники вглядываются в родную сторону и видят почти одно и то же:

*«Пред ним пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой,
Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины; [45, с.149].*

Схожи у писателей и описания ночного пейзажа во время побегов пленников. Азербайджанский ученый для сравнения приводит два отрывка.

«В поэме читаем:

*«Редел на небе мрак глубокий,
Ложился день на темный дол,
Освобожденный пленник шел».*

В свою очередь, Толстой пишет: *«Идет Жилин, все тени держится. Он спешит, а месяц еще скорее выбирается, уж направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор - бело, светло, совсем как днем...» [45, с.150].*

Автор приходит к заключению, что Толстой, продолжая традиции пушкинского «Кавказского пленника», с одной стороны, по-пушкински освещает кавказскую действительность, а с другой, точной кистью реалиста поправляет Пушкина-романтика.

По свидетельству личного секретаря писателя Н.Гусева, «Кавказский пленник» особенно нравился как автору, так и детям. В трактате «Что такое искусство?» (1897–1898) Толстой выделяет этот рассказ и причисляет его к произведениям «всемирного искусства», соединяющего людей в одном чувстве.

По словам Н.Гусева, Толстой считал, что «Кавказский пленник» необ-

ходим детям, а его биографические повести «Детство» и «Отрочество» не пригодны для детского чтения. По признанию писателя, рассказ можно было бы улучшить, и *«язык сгладить и народные выражения заменить»*, но он всегда пишет так [62, с.75].

О самом благотворном воздействии рассказов Толстого на детей говорит следующий факт, приведённый Н.Н.Гусевым в своей книге. Речь идёт о публикации в одной из провинциальных газет, – воспоминаний бывшего ученика сельской школы, – приуроченных к 80-летнему юбилею писателя в 1908 году.

Эту книжку мальчик получил от учительницы. И в один из субботних вечеров, после ужина, взялся читать ее своему деду, которому очень нравилось его чтение. Сюжет рассказа сразу увлек их. И с каждой новой страницей внимание к героям рассказа – Жилину и Костылину, все более возрастало.

Они следили за их приключениями, затаив дыхание. Эта книга произвела на обоих огромное впечатление и заставила волноваться. Особенно сцена прощания Жилина с черкешенкой Диной. Мальчик заплакал, и у деда заблестели слёзы. Ребенок сопереживал вместе с героями. Столь сильно и глубоко было воздействие художественного произведения на впечатлительную детскую натуру.

После прочтения книги, внук с дедом делились впечатлениями, перебивая друг друга. Особенно они восхищались добрым поступком Дины.

«Забыть яркие образы героев рассказа было нельзя. Они стояли перед глазами, как живые, хорошо знакомые люди, судьба которых нам была близка и дорога» - заключает свои воспоминания уже повзрослевший мальчик [62, с.75-76].

«Кавказский пленник» адресован детям, чем обусловлена простота и безыскусность изложения, приближённость языка к живой народной речи, сказовой манере. *«...песни, сказки, былины, – писал Толстой в письме к Н.Н.Страхову 22 марта 1872 года, – всё простое будут читать, пока будет русский язык... Я...просто люблю определённое, ясное и красивое и умеренное и всё это нахожу в народной поэзии и языке и жизни...»* [143, т.18, с.708].

Народно-сказочная стихия языка, мелодичный строй речи, умелое использование фольклорной поэтики чрезвычайно оживляет произведение, придаёт

ему яркую образность: *«...я написал совсем новую статью в «Азбуку» – «Кавказский пленник»... Это образец тех приёмов и языка, которым я пишу и буду писать для больших»* [143, т.18, с.708].

Рассказ «Кавказский пленник», как и другие рассказы для детского чтения, сыграл важную роль в эволюции творческого метода Толстого. Как справедливо писал Б.М.Эйхенбаум, «Кавказский пленник» – *«это вовсе не подражание фольклору, а этюд, художественная задача которого состоит в чистоте и простоте рисунка, в чёткости линий, в ясности и элементарности сюжета. Нет никакой психологической раскраски, никаких отступлений в сторону...»* [62, с.76].

По свидетельству дочери писателя А.Л.Толстой, после публикации рассказа неизвестный автор в газете «Всемирная иллюстрация» отмечал простоту изложения: *««Кавказский пленник» написан совершенно особым, новым языком. Художественная красота рассказа в «Кавказском пленнике» доведена до апогея. Дальше идти некуда, и перед этой величественной простотой совершенно исчезают и стушёвываются самые талантливые попытки в том же роде западных писателей»* [134, с.188-189].

Учёный Ф.Ч.Рзаев отмечает простоту и занимательность рассказа: *«...язык рассказа лаконичен, в нём отсутствуют многословные описания, диалоги и монологи. Особый колорит произведению придают использованные Толстым устаревшие и диалектные слова (охотницкая, заместо, полдни, окорачивать, рассолодел, высожары, под лытки, на закорки и др.), а также лексика из языков кавказских народов (аул, сакля, бешимет, чалма, джигит, черкеска, чинары, буза, шепталы и др.), религиозная лексика (мулла, Алла, Бесмила, Ильрахман, хаджи и др.)»* [117, с.52].

Не только выразительность языка рассказа, но и занимательность сюжета увлекла ещё в раннем детстве и известного азербайджанского писателя и переводчика Мехти Гусейна. Он так вспоминал об этом.

В то время, они жили в захолустной деревне Шихлы, у самой границы Азербайджана с Грузией. И там была двухклассная школа, где он учился. При-

чем обучение велось на русском языке. Его дядя тоже был учеником этой школы. Он любил читать вслух, готовя уроки. И впервые именно от него он услышал имена русских пленных Жилина и Костылина, столь звучные, но незнакомые ему тогда. Заинтересовавшись, он спросил о них. И дядя пересказал сюжет повести о кавказских пленниках великого русского писателя. Это было его первое знакомство с произведением Льва Толстого [63, с.10].

М.Гусейн пишет о том, что тоже учился в двухклассной сельской школе, как и его дядя. И зачитывался хрестоматией под названием «Русские писатели», которая была настольной книгой каждого школьника. В ней большое место занимали отрывки из произведений Толстого. *«Л.Н.Толстой, – пишет автор, – вошел в сознание всех, кто учился в азербайджанских школах ещё задолго до революции. В их числе был и я. Но понимать тонкости гениального знатока человеческой души я начал намного позднее, то есть тогда, когда овладел русским языком.*

Мне теперь кажется, что читать Толстого в переводе, иногда даже замечательном, – это значит потерять очень многое. Сохранить в переводе особенности необычайно тонкого и выразительного языка, доходящего до самых глубин души слова великого русского писателя, – представляется мне очень трудной, но увлекательной и благородной задачей» [63, с.10].

Что касается перевода «Кавказского пленника» на азербайджанский язык, то он был осуществлён ещё в дореволюционный период двумя переводчиками – Али Фахми в 1912 году и Расулбеком Таировым в 1913 году.

Спустя годы рассказ привлёк внимание А.Б.Рзаева. Ему *«удалось сохранить в переводе особенности языка и стиля оригинала, верно воспроизвести идейное содержание толстовского произведения. Язык перевода лаконичен, максимально точен, лишён художественного «украшательства». Переводчику удалось также сохранить и национальный колорит, представленный в толстовском произведении при изображении жизни горцев в ауле»* [117, с.53].

«Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью-напишет Толстой в дневнике 9 июля 1854года. - Действительно хороши этот

край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода» [143, т.21, с.127].

Кавказ стал для него настоящей школой жизни и художественного творчества. *«...он начинает усиленно сочинять... Новые темы нарождаются в его голове, определяются яркие образы, складываются мысли в определённые выводы... Мятущаяся душа его определилась. С этого момента Толстой тяготится своей военной карьерой. Ему хочется быть свободным, писать, и он мечтает о любимой своей Ясной Поляне»* [134, с.62].

В стремлении к художественному совершенству он оттачивал мастерство, учился «управлять своим пером и мыслями».

«Сейчас лежал за лагерем. Чудесная ночь! Луна только что выбиралась из-за бугра и освещала две маленькие, тонкие, лёгкие тучки; за мной свистел свою заунывную, непрерывную песнь сверчок... и около аула то раздаётся крик татар, то лай собаки; и опять всё затихнет, и опять слышен один только свист сверчка и катится лёгонькая, прозрачная тучка мимо дальних и ближних звёзд. Я думал: пойду, опишу я, что вижу. Но как написать это. Надо пойти, сесть за закапанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила; пачкать пальцы и чертить по бумаге буквы. Буквы составят слова, слова – фразы; но разве можно передать чувство? Нельзя ли как-нибудь перелить в другого свой взгляд при виде природы? Описание недостаточно. Зачем так тесно связана поэзия с прозой, счастье с несчастьем? Как надо жить? Стараться ли соединить вдруг поэзию с прозой, или насладиться одною и потом пуститься жить на произвол другой?»

В мечте есть сторона, которая лучше действительности; в действительности есть сторона, которая лучше мечты. Полное счастье было бы соединение того и другого» (запись в дневнике от 3 июля 1851 г.) [143, т.21, с.54].

Кавказ был для писателя и мечтой и действительностью. Впоследствии, оглядываясь на прошлое, он скажет: *«Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записи того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой*

степени умственной экзальтации, до которой я дошёл тогда. Это было и мучительное и хорошее время. Никогда ни прежде, ни после я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся 2 года. И всё, что я нашёл тогда, навсегда останется моим убеждением» (из письма А.А. Толстой в апреле 1859 года [143, т.18, с.67-68]).

Толстой никогда больше не бывал на Кавказе, в краю «кипучей жизни» и «смелых мечтаний», любовь к которому пронёс через всю жизнь.

1.3. Азербайджан в художественном пространстве произведения «Хаджи-Мурат»

Вершиной художественного сознания позднего Толстого стала повесть «Хаджи-Мурат» (1896–1904). Она по праву считается жемчужиной его творчества. «Одним из совершеннейших творений» назвал её Ариф Гаджиев [43].

Образ смелого горца покорила и Сулеймана Рагимова: «Когда я впервые прочитал «Хаджи-Мурата», я остался в полной уверенности, что если бы мне пришлось встретить реального живого Хаджи-Мурата, я мог бы наверняка сказать ему: *«А ты настоящий, тот, какого описал Толстой. Только ты у него изображён ярче, интереснее, твой внутренний мир в его описании богаче. Я вижу в том Хаджи-Мурате не тебя одного, а многих таких как ты»* [111,с.13].

Сам же Толстой так отзывался о храбреце: *«Хаджи-Мурат – народный герой, который служил России, затем сражался против неё вместе со своим народом, а в конце концов русские снесли ему голову»* [85].

Интерес к личности отважного аварца подогревался событиями на Кавказе, участником которых был сам писатель, сообщавший брату Сергею Николаевичу из Тифлиса в 1851 году: *«...второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях передался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость»* [143, т.18, с.328].

Лишь полстолетия спустя удалось вернуться к давнему «личному увлечению» и осуществить задуманное. Взяться за перо побудил случай, описанный в

дневнике (запись от 19 июля 1896 года). Однажды, возвращаясь домой, писатель заметил на краю пыльной, серой дороги куст татарника. Забрызганный грязью, сломанный и затоптанный, он всё ещё был жив. И это напомнило ему Хаджи-Мурата, с его стойкостью, силой духа и жизнелюбием. *«Отстаивает жизнь до последнего и один среди всего поля, хоть как-нибудь да отстоял её»* [143, т.22, с.48].

Описание репейника и легло в основу пролога повести. «Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз. Но он всё стоит и не сдаётся человеку, уничтожившему всех его братьев кругом его.

«Экая энергия! – подумал я...

И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе» [143, т.14, с.23].

Так начинается повествование о Хаджи-Мурате, прославленном горце, опальном наибе, перешедшем под власть Российской империи.

На встречу с русскими из немирного чеченского села он ехал *«впереди всех на белогривом коне, в белой черкеске, в чалме на папахе и в отделанном золотом оружии»* [143, т.14, с.46].

Это был «человек внушительного вида». Храбрость и бесстрашие сочетались в нём с умом и редкой проницательностью, необычайная воля и хладнокровие с впечатлительностью и страстностью, а сознание собственного достоинства с простодушием и открытостью.

Воинственность героя смягчала детская улыбка, покорявшая всех. Воображаемый страшный горец, мрачный, сухой и чуждый, теперь предстал как *«самый простой человек, улыбающийся такой доброй улыбкой, что он казался давно знакомым приятелем»* [143, т.14, с.46].

Его образ воссоздан Толстым с документальной точностью. По собственному признанию писателя, когда он писал об историческом, то был верен действительности до мельчайших деталей. «И Хаджи-Мурат и его наибы выписаны так, что их видишь и веришь их реальному существованию», – писал Ч.Айтматов. – Мне довелось говорить с потомками Хаджи-Мурата, и они уг-

верждают, что Толстой создал достоверный, точный характер. Как ему это удалось? Секрет, великая тайна художника. Это тайна огромного сердца Льва Толстого, владевшего пониманием «человека вообще» [85].

Воскресить героя и события прошлого писателю помогло не только мастерство художника и необычайная прозорливость, но и глубокое знание истории и этнографии. Толстой точно передал хронологию фактов и дух того времени. Согласно архивным материалам, 19 ноября 1851 года Хаджи-Мурат в Тифлисе был представлен лично наместнику на Кавказе князю Михаилу Семёновичу Воронцову. Здесь ему был оказан достойный приём со всеми почестями. Российский двор рассчитывал с его помощью на скорейшее завершение военных действий. По тактическим соображениям Воронцова, 18 апреля 1852 года он был отправлен в Нуху.

«Хаджи-Мурат стал просить Воронцова разрешить ему съездить на время и пожить в Нухе, небольшом городке Закавказья, где он полагал, что ему удобнее будет вести переговоры с Шамилем и с преданными ему людьми о своей семье. Кроме того, в Нухе, магометанском городе, была мечеть, где он более удобно мог исполнять требуемые магометанским законом молитвы. Воронцов... разрешил Хаджи-Мурату переехать в Нуху... В Нухе Хаджи-Мурату был отведён небольшой дом в пять комнат, недалеко от мечети и ханского дворца... Жизнь Хаджи-Мурата проходила... в разрешённых ему прогулках верхом по окрестностям Нухи» [143, т.14, с.118–119].

Но гостеприимство длилось недолго. По прибытии в Нуху, по собственному настоянию, Хаджи-Мурат фактически оказался на положении узника, находящегося под постоянным надзором и лишённого права на свободное передвижение. Так и не став своим среди чужих, он стал отверженным и для своих.

Толстой психологически точно передаёт безмерные страдания, душевные муки человека, оторванного от родины и семьи, что придаёт образу ещё больше трагизма и обречённости.

Выразить всю тяжесть переживаний, состояние души автору помогают

описания природы. Пейзаж служит не только гармоничным фоном разворачивающихся событий, но и несёт психологическую нагрузку, подчёркивая одиночество героя, безвыходность положения. Решение бежать в горы ради спасения семьи, как и сцена борьбы и смерти Хаджи-Мурата, не случайно сопровождается пением соловьёв. Они ещё более обостряют стремление героя к свободе.

«Как только он вышел в сени с отворённой дверью, его охватила росистая свежесть лунной ночи и ударили в уши свисты и щёлканье сразу нескольких соловьёв из сада, примыкавшего к дому» [143, т.14, с.121].

«Перед рассветом Хаджи-Мурат опять вышел в сени, чтобы взять воды для омовения. В сенях ещё громче и чаще, чем с вечера, слышны были заливавшиеся перед светом соловьи» [143, т.14, с.122].

Соловьи усиливают поэтическое восприятие образа, лирические интонации. Они придают особую выразительность описанию ночного пейзажа в Нухе.

«Молодой месяц, светивший сначала, зашёл за горы, и ночь была тёмная. Соловьёв в Нухе было особенно много. Два было и в этих кустах. Пока Хаджи-Мурат со своими людьми шумел, въезжая в кусты, соловьи замолкли. Но когда затихли люди, они опять защёлкали, перекликаясь. Хаджи-Мурат, прислушиваясь к звукам ночи, невольно слушал их» [143, т.14, с.132].

На творческую связь Толстого с азербайджанской действительностью впервые обратил внимание известный учёный М.Рафили. *«Выписывая в своей статье эту прекрасную художественную картину, он называл эти строки Толстого изумительными»,* – отмечал профессор С.Асадуллаев [29, с.21]. А по мнению А.Ализаде, изображение полностью соответствует реальному пейзажу, из чего можно заключить, что *«великий русский писатель, вероятно, сам любовался этой природой, иначе невозможно было бы дать такое точное и яркое описание»* [23, с.75].

Толстой восхищался не только дивной кавказской природой, но и смелыми горцами, умеющими гордо смотреть в лицо смерти. Хаджи-Мурат, желая отстоять свою свободу, вступил в неравную схватку с вооружённым отрядом. Но его борьба была безнадёжна, и он был обречён на гибель.

«...пуля попала Хаджи-Мурату в левый бок... Рана была смертельна, и он чувствовал, что умирает. ...Он собрал последние силы, поднялся из-за завала и выстрелил из пистолета в подбежавшего человека и попал в него. ...Потом он совсем вылез из ямы и с кинжалом пошёл прямо, тяжело хромя, навстречу врагам. Раздалось несколько выстрелов, он зашатался и упал... Но то, что казалось мёртвым телом, вдруг зашевелилось. Сначала поднялась окровавленная, без папахи, бритая голова, потом поднялось туловище...» [143, т.14, с.135].

Еле живой, изрешечённый пулями, он всё же сумел подняться, ухватившись за дерево. Но вдруг, совершенно обессилев, как подкошенный репей, упал навзничь. Выжидавшая вооружённая толпа, как разъярённая свора, набросилась на полумёртвое тело, чтобы раскромсать его.

В последних сценах повествование достигает необыкновенного трагизма, обретает драматическое звучание. Автор уже не беспристрастный летописец событий, а великий гуманист, глубоко сочувствующий своему герою.

«Он не двигался, но ещё чувствовал. Когда первый подбежавший к нему Гаджи-Ага ударил его большим кинжалом по голове, ему казалось, что его молотком бьют... Это было последнее его сознание связи с своим телом. ... враги топтали и резали то, что не имело уже ничего общего с ним. Гаджи-Ага, наступив ногой на спину тела, с двух ударов отсёк голову и осторожно, чтобы не запачкать в кровь чувяки, откатил её ногою. Алая кровь хлынула из артерий шеи и чёрная из головы и залила траву...» [143, т.14, с.135].

Толстой с беспощадной правдивостью обличает изуверство царских прислужников, учинителей жестокой расправы. Устами своей героини Марьи Дмитриевны, жены майора, он гневно обрушивается на них. *«Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право. Мёртвое тело земле предать надо, а они зубоскалят. Живорезы, право» [143, т.14, с.128].*

Хаджи-Мурата казнили с неистовым зверством, безжалостно и нещадно. Его обезглавили, считая изменником, подосланным выведать военные секреты. Быть может, именно так всё и обстояло. Это был тактический манёвр, и учёным ещё предстоит открыть истинные причины «вражды» с Шамилем. Ведь трудно

поверить в то, что смелый, храбрый воин, глубоко верующий человек мог оставить свой народ в разгар войны и перейти к русским, тем самым подвергнув неминуемой опасности и свою семью. Возможно, Толстой интуитивно это ощущал и поэтому наотрез отказался печатать свою повесть при жизни, со всеми её «промахами и слабостями». Так или иначе писатель не осуждает храброго горца, и даже оправдывает его за мужество, любовь к родине и славную смерть.

Гибелью Хаджи-Мурата повесть фактически заканчивается. А как всё происходило на самом деле? И был ли Толстой правдив до конца?

Ранним утром 23 апреля 1852 года на лесной опушке под Нухой, близ селения Беяджик (Кахский район Азербайджана), Хаджи-Мурат со своими мюридами принял свой последний бой. В статье известного журналиста Ф.Закиева приводится свидетельство подполковника А.Зиссермана из книги «25 лет на Кавказе», изданной в 1888 году в Тифлисе: *«Гаджи-ага выдвинулся со своими людьми вперёд и крикнул по-аварски: «Хаджи-Мурат, сдавайся, а то погибнешь!». Но когда тот ответил: «Ты изменил святому делу мюридов, попробуй меня взять!», Гаджи-ага сделал по кустам залпы, а затем, выхватив саблю, с сыном бросился к кустам... Пять выстрелов встретило их почти в упор, но не остановило. Хаджи-Мурат, раненный уже до того несколькими пулями, он всякий раз вырывал из своего бешимета куски ваты и затыкал себе раны, сидел под кустом с пистолетом в руках и, как только показались первые люди, выстрелил в упор, убив одного из илисуйцев. Гаджи-ага рубанул его саблей по голове раз, другой, – и знаменитого наездника, грозы наших передовых линий, лучшего шамилевского наиба не стало»* [71, с.132-133].

Художественное описание в повести почти совпадает с рассказом участника событий. Как видим, писатель не отступал от правды и был точен в деталях и подробностях, хотя порой и давал волю своему воображению, как в эпизоде с пьяным донским казаком, бродящим ночью по Куринскому укреплению и несущим в мешке за плечами отрубленную голову наиба.

Конечно, это всего лишь художественный вымысел, совершенно далёкий от правдоподобия. Тело горца после битвы было зарыто, а голова как трофей

отправлена сперва в Шемаху губернатору, оттуда в Тифлис князю М.С.Воронцову, где выставлялась на всеобщее обозрение в анатомическом театре. А затем уже была доставлена в Санкт-Петербург, где по приказу Николая I передана на хранение в военный музей.

«В Помпейском зале Зимнего дворца заканчивался очередной обед. Император сделал знак, и военный министр Чернышёв встал.

–Господа! – торжественно объявил министр, – хочу сообщить вам приятную новость. Известный многим из вас легендарный горец Хаджи-Мурат убит на днях нашими войсками на юге. Вот-вот его голову должны доставить на обозрение. Будем надеяться, господа, что в скором времени подобная участь постигнет Шамиля, и на Кавказской линии наступит мир» [97].

Приведённый отрывок «Трагедия на десерт» из статьи азербайджанского журналиста М.Мирзоева явственно свидетельствует о том, что расправа над Хаджи-Муратом не так уж и расстроила Николая I, сожалевшего лишь о том, что так и не удалось с помощью храброго аварца покорить имамат.

Противостояние русских с горцами затянулось ещё на 7 лет. И лишь в 1859 году Шейх Шамиль был пленён «на почётных условиях» в своём прибежище – ауле Гуниб, приняв предложение о мире. Так был положен конец войне, продолжавшейся четверть века!

Известный в республике учёный-филолог Вилаят Гулиев в статье «Роковое пересечение» так описал всё происходившее тогда: *«Шейх Шамиль... в сопровождении русских офицеров был торжественно доставлен в Петербург. Здесь его ждала не Петропавловская крепость, а Зимний дворец.*

...прибывший в северную столицу в середине сентября, он был встречен с невиданной торжественностью. Все проявляли интерес к кавказскому герою – от членов императорской семьи и царедворцев до мещан и простолюдинов.

На пути в Петербург 15 сентября 1859 года в Чугуеве император Александр II принял Шейха Шамиля. А через две недели в Царском Селе императрица приветствовала непокорного горца. Не счесть было желающих познакомиться с Шамилем и быть представленным ему» [60].

Так же, как когда-то и с Хаджи-Муратом, имя которого было предано забвению, как и могила, затерявшаяся среди рисовых полей. Долгие годы о ней никто не вспоминал. И только столетие спустя нашли последнее пристанище героя.

Недалеко от селения Загаталы, на опушке леса, под одной из каменных плит с высеченной на арабском надписью: «Здесь покоится павший за веру аварец из Хунзаха Хаджи-Мурат. 1268 год хиджры» обнаружили его останки. Надгробие было установлено ещё в 1864 году старшим сыном наиба Гуллой. Именно оно и навело на след. А началось всё с археологических раскопок, которые проводил в этих местах учёный-археолог Мамедали Гусейнов. Случайно узнав, что вблизи селения Кипчах есть пир Гаджи Мурад-бабы, он вместе с проводником пробрался на поляну, где под раскинувшимся ореховым деревом стояла белая плита с арабской вязью. Получив разрешение на вскрытие могилы, сотрудники музея истории Азербайджана М.Гусейнов и Ш.Садыхзаде спешно приступили к поискам захоронения. Оно было обнаружено почти у подножия одной из стен ограды. *«Спиной к стене лежал скелет... без головы. Левая нога прямая, правая – полусогнута. На шейных позвонках следы рубящих ударов»* [97].

Как видим, Толстой не отступал от правды, и был настолько точен в деталях, что именно его повесть стала главным ориентиром в поисках.

Такова история опознания могилы легендарного горца.

В 1958 году решением археологической комиссии АН Азербайджана она вошла в «Перечень ценных исторических памятников» за № 670. А на месте старой плиты появилась новая мраморная, с выбитой прежней надписью.

В статье М.Мирзоева приводится интересный факт посещения могилы внучкой Хаджи Мурата. Осенью 1914 года, облачившись в мужскую одежду, *«башлык, черкеска, у пояса кинжал, ружьё перекинута через седло»*, она прибыла в село Дашкенд [97]. Приняв её за юношу, сельчане собрались поглядеть на внука знаменитого Хаджи Мурата. Старожилы принялись взахлёб пересказывать историю гибели горца, а потом сопроводили её к месту его захоронения. И здесь чувство гордости и почтения заставили откинуть с головы башлык. Ка-

ково же было удивление окружающих, когда вместо приезжего пред ними предстала девушка с длинными, волнистыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Как оказалось позднее, это старая, слепая бабушка Сафиат наказала ей посетить могилу деда, и внучка решила исполнить последнюю просьбу умирающей. Семья Хаджи Мурата, сосланная в Казань, долгие годы жила этой надеждой. И она сбылась...

Конечно же, многое изменилось здесь по прошествии лет. Но старые деревья, возможно, ещё помнят храброго горца. А дуб, под которым он стоял насмерть, теперь стал «памятником мужеству».

«Голые развесистые ветви... Корявые, похожие на змей корни... Терпким запахом отдаёт потрескавшаяся кора. Дубу, по всей вероятности, не меньше трёхсот лет. Перед глазами всплывают рисунок Е.Лансере и строчки Толстого: «...несколько человек... с торжествующим визгом бросилось к упавшему телу», – писал известный журналист Ф.Закиев, побывавший на месте гибели Хаджи Мурата, «кровавом месте», как окрестили его местные жители [72]. Уединённый дуб, ещё не разбуженный весной, настроил на грустный лирический лад: «У дуба Хаджи Мурата я был ранней весной, в пору, когда у нас в Баку в лёгкий зелёный пушок только-только начинали укутываться ветки плакучих ив. Было ещё далеко до белых кашек, колокольчиков, овсюга и первых бабочек-крапивниц. Не пели, замирая на высокой ноте, и соловьи, напомнившие Хаджи Мурату песню о храбром джигите Гамзате. В апреле же, когда начинает «пылить» орешник и зацветает вяз, а на опушках ноги тонут в лютиках и незабудках, в Дашкендском лесу, рассказывают, по утрам ликующей трелью заливаются соловьи. Совсем как в повести» [72].

Кто знает, может и душа Хаджи Мурата прислушивается к этим соловьиным трелям, одиноко блуждая по земле, в долгом ожидании, когда голова его будет предана земле и воссоединится, наконец, с телом.

Прошло уже более полувека, но споры вокруг могилы героя-горца не утихают до сих пор. Известный российский учёный, историк-кавказовед Рудольф Иванов, во время приезда в Баку, в своих многочисленных интервью вполне

определённо высказался на этот счёт: передать череп Хаджи-Мурата Азербайджану, место ему в могиле. *«Это нужно сделать, чтобы избавиться от позора длиною в 160 лет»* – заявил он [123].

Ровно столько лет теперь уже списанный военный трофей находится в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого в Санкт-Петербурге.

В своей книге «Правда о Хаджи-Мурате: в документах, очерках, искусстве, поэзии» Р.Иванов, с присущим ему вниманием к фактам, объективно подходит к событиям, связанным с жизнью и трагическим концом бесстрашного воителя [74]. Документально точно описано и пребывание Хаджи-Мурата в Нухе, его бегство из-под надзора, отчаянная схватка с преследователями и гибель. Эти сведения представляются для нас особенно интересными, так как имеют прямое отношение к нашей стране. На это указывал и академик И.Габиббейли: *«В сочинении о легендарном горце Хаджи-Мурате, возглавившем освободительную борьбу народов Кавказа, особое место принадлежит фактам, ценным материалам, связанным с Азербайджаном»* [42].

Это отмечал и профессор Г.Гулиев: *«Именно финал жизни неустрашимого горца, его могила на азербайджанской земле, усилия наших археологов по её сохранению, бережное отношение к памяти аварского воина, действия руководства республики, направленные на сохранение всего, что связывало Хаджи-Мурата с Азербайджаном, находят отражение в книге»* [104].

Сам автор книги признаёт, что Хаджи-Мурат искренне любим в Азербайджане. И что, несмотря на смену властей (императорская, коммунистическая, ныне – демократическая в лице Азербайджанской Республики), отчаянного храбреца высоко ценили. А его могила стала местом паломничества [123].

Кстати, во время одного из посещений могилы, учёный выступил с предложением перенести её из приграничного Загатальскому и Кахскому районов села Тангит в город Шеки (Нуха). Шеки, как известно, считается «региональной столицей». Это повысит статус уникального памятника [108].

Одно можно сказать с уверенностью: где бы ни был установлен памятник Хаджи-Мурату, «не зарастёт к нему народная тропа». Ведь Хаджи-Мурата свя-

зывают с Азербайджаном не только исторические, литературные узы, но и духовные. Он покори нас своим мужеством, благородством, безудержным кавказским темпераментом, а главное, привязанностью к родной земле и готовностью погибнуть за свободу.

1.4. Отражение мусульманских традиций в повести «Хаджи-Мурат»

Всё «чуждое» имеет право на существование, считал Л.Толстой и призывал к уважительному отношению к культуре народов Кавказа, их обычаям и традициям. Эта мысль озвучена и его героем Хаджи-Муратом: *«У каждого народа свои обычаи... У нас пословица есть, – сказал он переводчику, – угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном, – оба голодные остались. – Всякому народу свой... обычай хорош»* [144, т.12, с.355].

Находясь на Кавказе, писатель проявлял живой интерес к жизни горцев, изучал их быт, нравы, фольклор. Картины горской действительности, запечатлённые в памяти, воплотились позднее в повести «Хаджи-Мурат».

В тексте представлен обширный этнографический материал: описания одежды, пищи, убранства жилища, национальные и религиозные обряды и т.д. Детально вырисованы образы героев, их характерные черты, внешний вид. При этом особое внимание уделено цветовой палитре. Восточный наряд насыщен яркими и сочными красками: «красный бешмет на жёлтой рубахе и синие шаровары», «красные шаровары и зелёный бешмет с закрывавшей всю грудь занавеской из серебряных монет», «жёлтая черкеска с оборванными бахромой рукавами», «длинная белая черкеска», «коричневый, с тонким серебряным галуном на воротнике, бешмет», «красные бесподошвенные чувяки», «чёрные чувяки, как перчатка, обтягивающие ступни», «чёрные спущенные ноговицы» и т.д.

Цвет имеет и выразительно-смысловую значимость. Разноцветие – символ близости к природе, красоты и силы жизни. Ещё в молодости, в годы военной службы, когда Толстой вместе с братом жил в Старом Юрте, небольшом чеченском поселении, он подолгу любовался необыкновенной статью восточных

женщин и их живописным нарядом, «прелестным, хотя и бедным». И эти картины представлялись ему очаровательными.

Но если в одежде горянок преобладали преимущественно яркие цвета, то устройство их жилища было простым и неброским: «врытая в гору сакля с галёркой», «маленькое оконце», «пахучий дым зажжённых... кизяков для кипячения», «в комнате особенный, кислый, кожаный запах», мазанные, белёные стены, войлочный пол в гостевой, красные пуховые подушки и т.д.

Этнографические детали, облачённые в образную форму, словно растворяются в описаниях. Толстой подмечает самое характерное, типичное и рисует это наглядно и живо. При этом, чтобы не нарушить художественную ткань своего повествования излишними этнографическими подробностями, он даёт их в подстрочных примечаниях (сакля – хижина; кизяк – смешанный с соломой и высушенный навоз, употребляемый для топлива; кунак – друг, товарищ и т.д.).

Сакля делится на общую и гостевую (кунацкую). *«Садо в особенно весёлом и возбуждённом состоянии вышел из кунацкой и вошёл в то отделение сакли, где жило всё его семейство»* [144, т.12,с.270].

Мусульмане всегда отличались особым радушием. Делиться теплом очага и куском хлеба принято на Кавказе. Гость считается «посланником Аллаха» (Allahın elçisi). Ему стараются во всём услужить. Вспомним встречу Хаджи-Мурата в доме Садо, жителя аула Махкет. Его жена, приветствуя гостя, «перегнувшись вдвое», раскладывала подушки у стены. Затем несла «низкий круглый столик, на котором были чай, пильгиши, блины в масле, сыр, чурек – тонко раскатанный хлеб – и мёд» [144, т.12, с.269]. А старшая дочь кумган с полотенцем.

Без гостей нет и достатка в доме, считают горцы (у нас говорят «qonaqsız ev ruzusuz olar»). А поделиться хлебом– значит породниться (çörək kəsmək).

Правилам гостеприимства следуют и хозяева и гости. Хаджи-Мурат не поддаётся соблазну наесться досыта, и чуть утолив голод, отстраняется от еды. Так поступает и его мюрид Элдар. Неприхотливость и сдержанность в еде являются проявлением уважения к принятившему дому.

За угощением не принято было вести серьёзных разговоров, и особенно при женщинах. Их не посвящали в мужские дела.

«Хаджи-Мурат... замолчал, увидав входивших в саклю двух женщин». «Садо и Хаджи-Мурат – оба молчали во всё время, пока женщины... устанавливали принесённое перед гостями», «Элдар... был неподвижен, как статуя... пока женщины были в сакле» [144, т.12, с.269].

Удел горской женщины вести хозяйство. А обязанность главы семейства заботиться о домочадцах и защищать их, если придётся. *«Пока ты в моём доме и голова моя на плечах, никто тебе ничего не сделает»* – говорит Садо своему кунаку [144, т.12, с.270]. Он считает это своим долгом, даже если это будет стоить ему жизни. Обидеть гостя, значит обидеть хозяина.

Гостей не только оберегают, но и одаривают подарками. По мусульманской традиции любая приглянувшаяся вещь должна быть отдана гостящему. *«...такой закон, ...всё что понравилось кунаку, ...надо отдать кунаку»* – говорит Хаджи-Мурат и дарит сыну Воронцова Бульке булатный кинжал, а тот взамен дорогие часы [144, т.12, с.93]. Одаривает он и Марью Дмитриевну и Ивана Матвеевича. Ей отдаёт белую бурку, а ему шашку, при этом отказавшись от ответных подношений. *«Так надо. Адат так»* – считает он.

«Толстой высоко ценит отношение мусульман к женщине, гостю, к таким чертам, как верность, честность, достоинство, человечность, – отмечает проф. А.Дж.Гаджиев. – В описаниях мусульманских ритуалов и обрядов он показал себя тонким знатоком исламской культуры» [41, с.127].

Среди мусульманских ритуалов и традиции богослужения. Упоминается пение муэдзина – служителя мечети, зовущего на молитву. Описан сам ритуал совершения намаза: *«Разувшись и совершив омовение, Хаджи-Мурат стал босыми ногами на бурку, потом сел на икры и, сначала заткнув пальцами уши и закрыв глаза, произнёс, обращаясь на восток, обычные молитвы» [144, т.12, с.282].*

За типично горским этнографизмом выступает и особенное, индивидуальное в личности героя. Органическое сочетание этих черт придаёт образу боль-

ше правдоподобия. Хаджи-Мурат предстаёт как праведный мусульманин, всецело преданный своей вере, он свято чтит исламские обряды, обязательные для всех правоверных. Поклонение Аллаху – их священный долг. *«...старик,.. закрыв глаза, поднял руки ладонями кверху, прочёл молитву, отёр руками лицо»* [144, т.12, с.267].

«Надо было прежде всего совершить полуденный намаз... неисполнение которого было не только невозможно.., но так же необходимо, как ежедневная пища» [144, т.12, с.350].

«Шамиль вернулся к себе во время полуночной молитвы» [144, т.12, с.353].

«Он (т.е. Хаджи-Мурат) просит, чтобы его отвели в то место, где бы он мог помолиться» [144, т.12, с.291].

Имя его Хаджи и чалма поверх папахи означает совершивший хадж, паломничество в Мекку. Сам он говорит, что *«надел чалму для спасения души»* [144, т.12, с.320].

Хаджи-Мурат и живёт по вере, и воюет за неё (хазават – священная война), и жертвует собой.

Человек должен жить по нравственным законам своей веры – утверждает писатель. Лишь так можно не сбиться с истинного пути. Толстой прославляет стойкость духа, мужество борьбы и непреклонность в стремлении к свободе. Ему близка дикая, как сама природа, непокорность горца, и одновременно его простота, доброта и открытость. Именно эти качества притягивают к нему простых русских людей. Им нечего делить и незачем воевать. Они всегда смогут найти общий язык. Ничто так не связывает, как простота, считает автор.

В повести показано сближение двух культур, неподдельный взаимный интерес русских и горцев друг к другу. Воинственному Хаджи-Мурату особенно нравилась простая русская женщина Марья Дмитриевна, жена майора. *«...её простота, и особенная красота чуждой ему народности, и бессознательно передававшееся ему её влечение к нему»* [144, т.12, с.347].

И она питала к нему особые чувства уважения и симпатии и положительно отзывалась о нём, как о «хорошем татарине», обходительном, справедливом и

умном. *«...побольше русских таких...»* – говорит она в его защиту. Её поддерживает и Бутлер. Молодой офицер и сам был охвачен «поэзией особенной, энергетической горской жизни». Желая во всём походить на горцев, он приобрёл бешмет, черкеску и ноговицы, и ему казалось, что он теперь как они, и жизнь у него такая же.

Бутлер сдружился с Хаджи-Муратом, Элдаром и Ханефи. С Хаджи-Муратом часто вёл беседы через переводчика, а иногда и собственными средствами, знаками и улыбками. Они много и охотно говорили, рассказывая каждый о своём. А Ханефи пел для них горские песни с грустным напевом, и Бутлер их записывал. Образ Бутлера во многом автобиографичен. Толстой в годы военной службы тоже водил дружбу с чеченцами, «конными джигитами», «молодцами-кавказцами», и также с волнением слушал горские песни, и постигал характеры, сформированные исламом.

Именно тогда и пробудился интерес к религии мусульман. А уже позднее, в поисках высшей истины, он пришёл к осознанию духовных ценностей ислама, утверждающих идеалы высокой нравственности, добра и справедливости. *«Толстой... пришёл к той системе миропонимания, которая наиболее полное и яркое выражение... нашла в исламе – отмечает профессор А.Дж.Гаджиев. – Поэтому ислам оказался системой нравственных и религиозных ценностей, полностью соответствующей духовному миру писателя»* [41, с.126].

Высказывания Толстого об исламе встречаются в сохранившейся переписке с Е.Е.Векиловой, которая обратилась к нему в связи с решением сыновей поменять веру: *«...для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия». Писатель признавал превосходство религии мусульман, видя в ней простоту и ясность, самый верный признак истины: «...для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтёт магометанство с признаками одного догмата, единого Бога и его пророка вместо сложного и непонятного богословия...»* [137].

Толстой был убеждён, что в исламе больше любви, нравственности и чело-

веколюбия. И призывал смотреть на него как на «доброго мусульманина». В Коране ему открылась истина и это изменило его представление о мире и божественном. Известно, что к концу жизни он всё чаще обращался к восточной философии, Корану. Тщательно изучал «Изречения Магомета» индийского автора Абдуллаха Аль Сухраварди, которые произвели на него столь сильное впечатление, что он взялся за составление книги из избранных изречений Магомета, не вошедших в Коран. Она увидела свет в 1910 году. Многие из этих изречений были включены им и в «Книги для чтения».

Коранические выражения нашли отражение и в повести «Хаджи-Мурат»: «Бисмиллях ир-рахмани рахим – во имя Бога всемилостивого», молитвословие, с которого начинается каждая глава Корана;

«Ля иллаха илл Аллах»– нет Бога, кроме Аллаха;

«Мухаммад ун Расуллах»– Магомет есть посол божий,молитвословие;

«Я хакк» – о праведный боже!

«Я кайюм» – о боже сущий!

«Гу» – О ты, который есть;

молитвословие:

«Зикр» – молитвословие;

«Истихар-намаз» – особая молитва.

В «Хаджи-Мурате» отражены попытки взглянуть на жизнь сквозь призму восточной мудрости. Писатель творчески использовал опыт философии Востока, выдвигающий на первый план духовную сущность человека и нравственную чистоту.

Хаджи-Мурат - смелый воин с «богом в душе». В его образе Толстой воплотил свой идеал «естественного человека», близкого к природе. Ему удалось сохранить и детскую улыбку, и чистую душу, способную глубоко чувствовать и преданно любить. Его влечёт к народной поэзии, песням, сказаниям. В них душа народа, его характер, чаяния и устремления, настоящее и прошлое.

Горский фольклор заинтересовал писателя ещё задолго до написания повести. Ещё в 1852 году он записал от своих чеченских друзей Садо Мисарбиева и

Балты Исаева две лирические песни - «Я сама бы себя убила» и «Ах, тяжко мне, родимая матушка». Они были написаны русскими буквами и имели перевод. В 1927 году эти записи признаны *«первым по времени письменным памятником чеченского языка»* [76].

Ещё в 1875 году Толстой признавался А.А.Фету: *«Читал я в это время книги... которыми упивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные... Вот вам образчик «Высохнет земля на могиле моей...»* [143, т.18, с.773–774].

Именно эту песню он ввёл в повесть «Хаджи-Мурат», назвав её «песней о кровомщении». Она особенно нравилась главному герою своим торжественно-грустным напевом. *«Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать! Порастёт кладбище могильной травой – заглушит трава твоё горе, мой старый отец! Слёзы высохнут на глазах сестры моей, улетит и горе из сердца её. Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отмстишь моей смерти. Не забудешь ты меня, и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной. Горяча ты, пуля, и несёшь ты смерть, но не ты ли была моей верной рабой? Земля, чёрная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конём топтал? Холодна ты, смерть, я был твоим господином. Моё тело возьмёт земля, но душу примет небо»* [144, т.12, с.354].

По словам известного лингвиста М.Т.Тагиева, в текстах песен *«Толстой сохраняет стиль оригинала»*, что выражается в *«системе фраз и их сцеплении»* [132, с.230].

Фольклор используется писателем как одно из средств создания и раскрытия образа горцев, построения сюжета и формирования композиции. Песня словно предсказывает скорую гибель Хаджи-Мурата. Он слушает её с закрытыми глазами, предаваясь тягостным раздумьям. Она является предвестником грозящей опасности – покушения на него кумыцкого князя Арслан-Хана, его кровного врага. Чудом удаётся Хаджи-Мурату уцелеть, увернувшись от пули. «Что ж, – убьёт, значит так алла хочет», – говорит он Бутлеру, целиком полага-

ясь на судьбу и зная, что не в силах что-либо изменить.

Так же следует он воле providения, когда решается бежать в горы и освободить семью. Другого выбора ему не остаётся. И вспоминается тавлинская сказка о соколе, пойманном людьми, а по возвращении к своим в горы в путях с бубенцами, отвергнутом ими. *«Так заключают и меня»*, – думает Хаджи-Мурат [144, т.12, с.365].

Глубокая печаль охватывает его сердце. Он, гордый, смелый, сильный человек, не может покориться Шамилю, но и остаться у русских, «заслужив славу, чины и богатство», тоже невозможно. Он непоколебим в своём решении и будет отстаивать своё право на жизнь до конца.

Сказка позволяет проникнуть в суть национального характера, передать стремление героя к свободе.

Готовясь к побегу, перед рассветом, он слушает песню Ханефи о джигите Гамзате, который угнал у русских табун белых коней. Но за Терекон его настигли русские, окружили войском. Гамзат бился с ними до тех пор, «пока были пули в ружьях и кинжалы на поясах и кровь в жилах».

Такая же кровавая и беспощадная схватка предстоит вскоре и самому Хаджи-Мурату.

Концовка песни пророчит гибель героя и его мюридов в чужой стороне, вдали от родного дома: *«Вы, перелётные птицы, летите в наши дома и скажите вы нашим сёстрам, матерям и белым девушкам, что умерли мы все за хазават. Скажите им, что не будут наши тела лежать в могилах, а растаскают и оглодают наши кости жадные волки и выключат глаза нам чёрные вороны»* [144, т.12, с.367].

Когда пришло время выйти против русских, и Хаджи-Мурат стал «биться, как Гамзат». Он яростно сопротивлялся и погиб как настоящий воин. Но в его гибели заключено подлинное бессмертие: только пожертвовав собой, можно оставить о себе достойную память.

Прославление мужества и героизма героя в духе народной поэзии и традиций. Песня напоминает лучшие образцы азербайджанской фольклорной поэ-

зии.

Близка к произведениям азербайджанской народной словесности и задушевная песня матери Хаджи-Мурата, воспевающая любовь к сыну. Её песня сложена на основе действительных событий: не подчинившись мужу, она отказалась оставить своего ребёнка и стать кормилицей ханского сына, за что получила удар кинжалом. Вот как представлена песня в повести:

«Булатный кинжал твой прорвал мою белую грудь, а я приложила к ней моё солнышко, моего мальчика, омыла его своей горячей кровью, и рана зажила без трав и кореньев; не боялась я смерти, не будет бояться и мальчик-джигит» [144, т.12, с.368].

Рисуя её образ, писатель подчёркивает самоотверженность этой женщины, доходящей в любви к своему сыну до самопожертвования. И Хаджи-Мурат привязан к семье столь же сильно. Ему вспоминается мать не сморщенная, седая, с решёткой зубов, а молодая, красивая, сильная, которая носила его за спиной в корзине. Вспоминает он и деда, чеканящего серебро, и родное селение с запахом и вкусом дыма и кислого молока. Видит он и сына Юсуфа, теперь уже молодого красавца джигита с румяным лицом и тонким станом, которого грозит ослепить Шамиль. И он уже не в силах больше ждать. И спешит навстречу судьбе.

Его образ овеян романтикой мужества, «чудными песнями о мщении и удалстве», в которых воспеваются бесстрашие, храбрость, отвага, неистребимая сила жизни. Они усиливают эмоциональное восприятие героя и раскрывают глубину национального характера.

Характерные черты горцев, их мироощущение, психология и народно-образное мышление нашли выражение не только в песнях, но и в горской речи. Толстой стремился отразить живой разговорный язык, используя пословицы, поговорки, афоризмы, благопожелания. Именно в них заключена народная мудрость. В беседе с русским офицером Хаджи-Мурат приводит пословицу об ишаке и собаке, как им пришлось не по душе угощение друг друга, и они оба остались голодными. Здесь образно выражена мысль о невозможности насиль-

ственного навязывания чужой культуры.

На противопоставлении персонажей горского фольклора зайца и орла построена и фраза старика-чеченца, намекающего Хаджи-Мурату о положении в ауле: «Только и нового, что все зайцы совещаются, как им орлов прогнать». И дальше продолжает: *«А орлы всё рвут то одного, то другого. На прошлой неделе русские собаки у мигицких сено сожгли, раздерись их лицо»* [144, т.12, с.266].

Как верно подметил проф. А.Дж.Гаджиев, «речь горцев в повести строится весьма своеобразно – в лаконичной, порой завуалированной форме, полунамёками они могут обсуждать самые важные вопросы» [41, с.125].

Пословицы и поговорки, вкраплённые в текст, придают речи особый национальный колорит. В метких изречениях находят отражение не только народные представления и наблюдения над жизнью, но и реальная ситуация: *«Я связан и конец верёвки – у Шамиля в руке»*, *«Имамом будет тот, у кого шашка востра»* [93,с.321], *«Лучше жить во вражде с русскими, чем жить с неверными»* [93,с.351], *«Судите по прошедшему о будущем»* (имеется в виду, что произошло бы с покорением горцев русскими) [144, т.12, с.351], *«Я с Кораном и шашкою приду»* [144, т.12, с.351], *«У женщины ума в голове – сколько на яйце волос»* (связано с приниженным положением женщины-горянки) [144, т.12, с.312] и др.

Художественно-образное восприятие мира и своеобразие мышления горцев выражается и в сравнительной характеристике персонажей и явлений действительности. Хаджи-Мурат говорит об Умма-хане: *«Он был телом сильный, как бык, и храбрый, как лев, а душой слабый как вода»* [144, т.12, с.311]. Имеется в виду его чрезмерная чувствительность, мягкость. А о его матери-ханше, женщине дерзкой и колючей, что она *«как пчела, знала в какое место больнее ужалить»* [144, т.12, с.312]. Себя же он сравнивает с хищной птицей, рассказывая, как пытался выйти из окружения русских: *«Я как ястреб, поджавши крылья, прыгнул вниз в пропасть»* [144, т.12, с.318]. Это проявление отчаянной смелости и безрассудства, присущих герою. Эти качества передались ему с молоком матери, с родниковой водой родных мест. Про свой аул Цельмес, где ро-

дился, в одной ёмкой фразе отмечает: «...аул небольшой, с ослиную голову, как у нас говорят в горах» [144, т.12, с.310]. И это отражает местный колорит.

Наряду со сравнениями часты и устойчивые сочетания. «Недалеко от нас выстрела за два под гору» [144, т.12, с.310], «Он (Гамзат) сам выехал на встречу за два выстрела» [144, т.12, с.312].

Речь горцев насыщена также приветствиями и пожеланиями: «Сыновья твои да чтобы живы были», «Приход твой к счастью» [144, т.12, с.266], «Да получишь ты радость и жизнь» [144, т.12, с.270], «Бог да воздаст вам» [144, т.12, с.280], «Желаю вам вечный мир с богом всемогущим» [144, т.12, с.351] и др. Они тесно связаны с обычаями и горским этикетом и придают национальное своеобразие повествованию.

Приветствие (как и пословицы, поговорки, речения) имеют многовековую традицию, в них заключена устойчивая вера горцев в магическую силу слова. Многие из них по сей день бытуют на Северном Кавказе, почти в неизменённом виде, так, как их слышал Толстой. Известно, что писатель тщательно отбирал их и отшлифовывал (что видно из различных редакций повести), приближая к оригиналу. При этом они естественно увязаны с конкретной обстановкой. В этом проявляется поразительная интуиция и фольклорное чутьё великого художника.

Освоению горской действительности – быта, нравов, устного народного творчества – в немалой степени содействовало и знание «татарского» языка. Известно, что писатель обучался тюркским языкам в Казанском университете у одного из основателей русского востоковедения Мирзы Казембека.

Вкладывая в уста горцев характерный для них язык, он сохраняет некоторые особенности стиля их речи. В общении с русскими они говорят на «несклоняемом» ломаном наречии и используют смешанные выражения, как и русские. Это отмечал и азербайджанский учёный-лингвист М.Т.Тагиев: «...в речь горцев вплетались русские слова и фразы, и это явление, которое исторически сложилось на Кавказе, не могло не отразиться в произведении, реалистически изображающем кавказские события» [132, с.223]. Проиллюстрируем

это примерами.

Хаджи-Мурат, слушая песню Ханефи, восклицает: «*Хорош песня, умный песня*» [144, т.12, с.355]. А уезжая из укрепления, говорит Бутлеру: «*Прощай!.. Кунак булур. Крепко кунак твоя. Время, – айда пошёл*», – сказал он, тряхнув головой как бы тому направлению, куда надо ехать» [144, т.12, с.356]. Прощается он и Марьей Дмитриевной: «*Прощай, матушка,.. – спасибо*» [144, т.12, с.358]. И она желает ему вызволить семью: «*Дай бог вам сына выручить. Улан якиш*» [144, т.12, с.356].

Как видим, Толстой отражает не все особенности речи персонажей нерусских. А, по словам проф. М.Тагиева, «*воспроизводит лишь отдельные, наиболее типичные элементы этой речи, являющиеся как бы условными намёками на реальную речь горцев*» [132, с.225]. И это вполне соответствует принципу типизации речи персонажей, который использовали и другие русские писатели.

Вполне естественно, что горцы, с трудом выговаривающие русские слова, вносили в него элементы своей родной речи и строили фразы по образцу своих: «*Мюрид мой. Элдар имя ему*» [144, т.12, с.267] ; «*Это можно, только много, очень много есть чего рассказывать*» [144, т.12, с.310].

Как видим, расположение слов в том порядке, какой свойствен тюркским языкам.

Сам писатель часто составлял схожие конструкции и обращался к изобразительно-выразительным средствам, присущим местным языкам, что нашло отражение в его авторской речи: «*Осман и Хаджи-Мурат были как орлы смелы, ловки и сильны*» [144, т.12, с.310]; «*...и Гаджи-Ага, и Ахмет-Хан, и все, как охотник над убитым зверем, собрались над телами...*» [144, т.12, с.381].

Для передачи особенностей горской речи и местного колорита Толстой широко использовал заимствованные слова, причём в большинстве своём уже знакомые широкому читателю. Однако некоторые из них впервые были привнесены самим писателем: пешкеш, саубул, гурда, бар, кошкильды, мюршид, ламаро, булур, тахта, чайпильники, пильгиши.

В русском языке уже прижились такие восточные слова, как аллах, мечеть,

мусульманин, чалма, мулла, адат, салам-алейкум, алейкум-салам. А также тюркизмы: чурек, чубук, башлык, аул, чихир, кунак, чувяки, папах, якши, сюртук, кинжал и др.

По мнению М.Тагиева, наличие тюркских элементов вполне оправдано, поскольку *«повесть является одним из последних произведений русской литературы, посвящённых теме присоединения Кавказа к России... относится к тем памятникам реалистического искусства, которые написаны на основе исторически достоверного, реального факта...»* [132, с.221].

Как известно, многие исследователи связывали тюркскую лексику только с кумыкским языком. Учёный считал неправомерным такой подход и обосновывал это тем, что Толстой знал не только кумыкский язык. Известно также, что горские народности изъяснялись между собой в основном на азербайджанском. На данный факт указывает и исследователь А.Ализаде, отмечая, что в повести имеются не только элементы дагестанской лексики и фразеологии, но и, как говорится в статье, лексики азербайджанской [23, с.85]. Не случайно многие устойчивые сочетания повести аналогичны выражениям родного языка. Сказанное можно проиллюстрировать наглядными примерами: Ханефи, чтобы прекратить раздор между семьями и положить конец кровомщению, просил Хаджи-Мурата «принять его братом» (*qardaşlığa götürmək*). Лексический оборот вводится с сопроводительным комментарием: *«Я не брил два месяца головы, ногтей не стриг и пришёл к ним. Они пустили меня к Патимат, к его матери... и я стал его братом»* [144, т.12, с.316].

Такого же типа сочетание «лёгкий человек» (*yüngül adam*). Так называет Хаджи-Мурат своего нукера Хан-Магому, имея в виду, что он несерьёзный, поверхностный человек.

В переносном значении употреблено и выражение «взять кровь» (*kiminsə qanını almaq, sanını çıxartmaq*): *«...Гамзату только мы с братом не хотели покориться. Нам надо было кровь его за ханов. Мы делали вид, что покорились, а думали только, как взять с него кровь»*, т.е. покончить с ним, уничтожить его [144, т.12, с.317].

Но если эти выражения вполне ясны и понятны даже вне контекста, то собственно заимствованные слова нуждаются в пояснениях.

Надо сказать, что Толстой не перенасыщал текст «экзотической» лексикой, соблюдая меру и сообразность в её употреблении. Она органически вплетена в ткань повествования. Чтобы избежать излишеств, он использует приём присутствия третьего лица.

В разговоре с русскими посредником выступает переводчик. Так, офицер Петроковский, впервые увидевший Хаджи-Мурата, через переводчика всё спрашивает его о Тифлисе [144, т.12, с.355]. Или когда Бутлер интересуется, за что Арслан-Хан хотел его убить: *«Он говорит, что такой у нас закон, – передал переводчик слова Хаджи-Мурата»* [144, т.12, с.357].

Переводчики являются связующим звеном не только между героями повести, но и между читателями и художественными созданиями писателя. Образ легендарного наиба Хаджи-Мурата стал нам ещё родней и ближе во многом благодаря нашим азербайджанским переводчикам, которые сумели передать дух времени, национальное своеобразие горской действительности.

Переводы повести были осуществлены К.Карабековым (1912), Б.Талыблы (1929), М.Эфендиевым (1958). Более поздний вариант можно назвать самым удачным. По мнению проф. Ф.Рзаева, Мустафа Эфендиев проявил особое мастерство в «воспроизведении идейного содержания и художественного своеобразия повести на родном языке». А помогло ему в этом изучение языка и стиля писателя, вживание в мир его идей и образов. *«Переводчику, – пишет Ф.Рзаев, – удалось воспроизвести реалистические принципы Толстого в описании горских аулов, картин природы, внешней характеристики и внутренних переживаний героев, их индивидуальной речи»* [117, с.76]. Однако это не было слепым переложением текста. Смысловой перевод был сделан с учётом особенностей родного языка, его изобразительно-выразительных средств, интонационно-ритмичного строя. Здесь проявляется осмысленное отношение к тексту, глубокое восприятие содержания написанного.

Языковое чутьё и отточенное мастерство помогли ему и при переводе об-

разцов устного народного творчества, представленных в повести. По словам Ф.Рзаева, *«переводы из фольклора кавказских народов могут служить примером творческого и вдохновенного отношения М.Эфендиева к работе»* [117, с.76].

Народно-песенный фольклор в художественной версии переводчика столь же притягателен, как и в оригинале. Переняв творческую манеру и язык писателя, его образ мыслей и способ их выражения, М.Эфендиев сумел максимально приблизить перевод к тексту повести. И поэтому он воспринимается так же естественно, как и само произведение великого художника.

Творческое восприятие традиций Толстого наиболее ярко проявилось и в переводе-инсценировке повести, выполненной классиком азербайджанской литературы, драматургом Джафаром Джаббарлы в 1928 году. Перевод был приурочен к 100-летию со дня рождения писателя. Автор создал пьесу из восьми сцен с переплетением всех сюжетных линий.

Ключевую роль в идейно-композиционном строении текста, как и в оригинале, играют народные песни. Взяв за основу темы и образы фольклора, драматург переработал их по-своему и создал проникновенные поэтические произведения (по мотивам песни матери и песни о Гамзате). Здесь сполна проявился его дар поэта-лирика.

Джафар Джаббарлы был подлинным художником, у него было своё видение мира, своя авторская позиция, стиль и художественная манера. Осваивая творческий опыт Толстого, его реалистические принципы, он оттачивал и своё мастерство.

В 1934 году, будучи делегатом Первого съезда писателей, азербайджанский драматург выступил с призывом учиться у великого художника: *«Когда Хаджи-Мурат Толстого, простреленный насквозь, поднимается во весь рост и падает трупом, вам кажется, что обваливается громадная вековая гора. И этому умению, этому искусству мы должны научиться»* [117, с.121].

Повесть о Хаджи-Мурате поистине великое искусство. Через образ героя Толстой прославил мужество и стойкость горцев в борьбе за свободу, их герои-

ческий дух, и показал, что народ не сломить и культуру его не уничтожить, и что русские должны жить с соседями-мусульманами в мире и согласии. Истинное величие Толстого как художника в этом и проявилось.

ГЛАВА II

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ Л.ТОЛСТОГО В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2.1. Влияние творчества Л.Толстого на становление отечественного романа

Начало XX столетия было ознаменовано ростом национального самосознания, что оказало воздействие и на развитие литературы. Писатели стремились отобразить важнейшие события исторической эпохи, идейные устремления передовой интеллигенции. Предпочтение отдавалось жанру романа, способному охватить сложнейшие взаимосвязи личности и общества, показать переплетение человеческих и народных судеб. Осваивался неисчерпаемый опыт русской и мировой классики. И, в первую очередь, литературное наследие великого Толстого, имеющее непреходящее значение для общечеловеческой культуры.

Его творчество стало подлинной школой художественного мастерства и высокой идейности, образцом эстетического совершенства и нравственности для азербайджанских писателей. Исследователь А.Багиров в своей книге «Толстой и Азербайджан» отмечал: *«Воспитанные на национальных традициях, азербайджанские писатели, наряду с традициями других выдающихся личностей, продолжают и толстовские, извлекая из богатого наследия пользу для себя в решении определённых литературно-художественных задач.*

Всесторонне изучивший правду жизни, Толстой, как в прошлом, так и сегодня, помогает азербайджанским писателям своим умением смело и вдох-

новенно отражать эту жизнь, стремлением своим к совершенствованию литературных форм и приёмов, своим тонким анализом и способностью к постижению внутреннего значения событий.

Ю.В.Чеменземинли, М.С.Ордубади, С.Рагимов, М.Гусейн, Мир Джалал и другие наши прозаики, с детства любившие Толстого, всегда ощущали на себе его воздействие как художника» [3, с.161].

Его влияние в той или иной степени испытали также Абульгасан, М.Ибрагимов, А.Шаиг, В.Бабанлы, И.Шихлы, Г.Аббасзаде и многие другие, что, несомненно, обогатило их художественное видение мира, понимание человека и природы.

Использование принципов и приёмов Толстого нашло отражение в широком изображении картин народной жизни, правдивом воссоздании образов, типизации характеров и событий, глубоком психологизме.

Традиции Толстого находят своеобразное преломление в азербайджанском эпическом, историческом, социально-психологическом, философском романе. Ученый Салида Шарифова, известный специалист в области теории литературы, вплотную занимающаяся изучением жанра романа, отмечает: *«Именно на вторую четверть XX века приходится расширение подтипов азербайджанского романа. Если для азербайджанской прозы XIX века характерны в основном романы-хекаяты, то для прозы начала XX века – «маленькие» романы. Уже во второй четверти... азербайджанская романистика рождает «модификации»...» [158, с.83].*

К этому периоду относится и зрелое творчество Ю.В.Чеменземинли, одного из видных представителей азербайджанской литературы. Автор известных романов «Али и Нино», «Студенты», «Девичий родник», «Между двух огней» («В крови»), он был приверженцем толстовских традиций. И уже в первом его романе «Студенты» (1914) отчётливо сказалось влияние великого мастера.

Произведение состоит из двух частей. В первой повествуется об азербайджанских студентах, получающих образование в Киеве. Здесь учился и сам Чеменземинли, поступивший в 1910 году на юридический факультет Импера-

торского Университета имени Святого Владимира.

Вторая часть – «В 1917 году» – характеризуется эпическим размахом событий и вниманием к судьбам героев по прошествии 25 лет. Образы остались всё те же, но они изменились, возмужали духовно, у них сложились твёрдые убеждения.

Правдиво изображены реалии первой февральской революции 1905 года и последовавшей за ней политической реакции. Вторая мировая и гражданская война, которые сыграли решающую роль в формировании мировоззрения революционно настроенной молодёжи и интеллигенции.

Роман по своему идейному звучанию и многоплановости перекликается с толстовской эпопеей. Романы сближает масштабность отображения событий, поведения героев, представителей интеллигенции в эпоху бурных исторических перемен, глубокий патриотизм, гражданские мотивы.

Роман «Студенты» - объективное, художественное воссоздание активного участия студентов – азербайджанцев в политических событиях.

Следует отметить, что изображение жизни азербайджанского студенчества впервые стало предметом эпического воплощения.

Сам автор был не только очевидцем происходящих перемен, но и их активным участником. В 1917 году из числа студентов, обучающихся в Киеве, он основал азербайджанское общество и возглавил его. Интересно отметить и тот факт, что после установления АДР Чеменземинли был назначен дипломатическим представителем в Крыму.

В романе отображен его собственный жизненный и духовный опыт, личные наблюдения и впечатления. Но он пишет не столько о себе, сколько о своем окружении и событиях того времени.

Принцип историзма, заложенный в основу жанра исторического романа, требует достоверного отображения конкретных событий и переломных моментов истории, а также реальных исторических лиц, сыгравших огромную роль в судьбе народа.

«Автор романа на стыке переломных, судьбоносных событий показывает

трансформацию героя, изменение его внутреннего мира по истечении времени – пишет С.Шарифова.–В азербайджанской романистике среди таких произведений можно выделить роман «Студенты» Ю.В.Чеменземинли (1887-1943)» [158, с.71].

В романе-автобиографии четко прослеживается связь с толстовской трилогией «Детство», «Отрочество», «Юность».Используется принцип преломления реального объективного мира в восприятии героев. Но мир борцов-вольнодумцев резко отличен от того «безмятежного» мира, в котором пребывал Николай Иртеньев.

Студенты-азербайджанцы у Чеменземинли в гуще революционных событий. Они живут идеалами, борются за идеи. Им близок бунтарский дух Толстого. Не случайно, в романе часто упоминается имя русского писателя. К примеру, персонажи романа Джалал и Салман сравнивают Рустамбека с Толстым. Но каждый исходя из своих соображений. Один учитывает интерес сотоварища к религии и философии, его духовные искания. Другой критически подходит к толстовскому учению.

Особое место в романе отводится и описанию волнений, происходящих в Киеве в связи с печальным известием о смерти великого мыслителя. В городе устраиваются уличные шествия, проходят выступления и митинги, в которых участвуют и азербайджанские студенты-активисты.

Примечательно, что в романе звучит имя не только Толстого, но и одной из его любимых героинь – Наташи Ростовской.

Воздействие Толстого проявляется в художественной типизации явлений и характеров, правдивом отображении окружающей действительности, внимании к внутреннему миру своих героев.

Ценность романа «Студенты» исследователь С.Шарифова видит также в том, что в нём *«уже сильны мотивы тюркской самоидентификации... В ходе дискуссии о национальном возрождении и путях развития национального самосознания Джалал высказывает другу Гасану следующую мысль: «Брат, из нас вряд ли что-то получится! Мы до сих пор не осознали кто мы. Говоря «му-*

сультмане», мы растворяемся в трёхсотмиллионной толпе... Да, ты только-только стал называть себя тюрком. Наш народ осознаёт, что они тюрки? Мы не знаем, кто мы, поэтому и другие не будут знать, кто мы» [158, с.207].

Чеменземинли был патриотом, любил свой народ и видел цель всей жизни в том, чтобы быть полезным отечеству, как и Толстой, «великий писатель земли русской».

Писатель обращался к истории родного края, изображал величайших представителей своего народа. Он является одним из зачинателей исторического жанра в азербайджанской литературе.

Роман «Девичий родник» (1934) переносит нас в древний Азербайджан, в период огнепоклонничества. Долгие годы ушли на изучение документальных источников, прежде чем писатель приступил к его написанию.

Жанр «Девичьего романа» можно определить как историко-этнографический. Интересно, что среди действующих героев романа нет исторических лиц.

В другом романе «Между двух огней» («В крови») (1936–1937) также отображается историческое прошлое. События разворачиваются в Карабахском ханстве во время правления Ибрагим хана (1759–1806). Среди центральных персонажей – поэты Молла Панах Вагиф и Молла Вели Видади, иранский шах Ага Мухаммед Гаджар и др.

Мамедгусейн Тахмасиб так отзывался о романе: *«Этот роман – один из завершённых произведений автора. Он является результатом наблюдений и исследований учёного, фольклориста, историка, этнографа, востоковеда, хорошо знакомого с историей, культурой и традициями, верой и убеждениями, обрядами и церемониями народа» [19].*

«Исторический роман не просто повествует о прошлом, для него характерна положительная модернизация, стирание граней времён, узнавание в прошлом вечного настоящего... Узнавание... проявляется в романе в оценке политических целей и действий Вагифа (был везиром Ибрагим хана) с позиций азербайджанской национальной государственности начала XX века» [158, с.281].

В этих романах явственно прослеживаются традиции Толстого: отражение

внешних событий в духовном мире людей, верность жизненной правде до малейших подробностей и т.д.

Чеменземинли разделяет мысль Толстого о роли личности в истории, о народе как ведущей, решающей силе и т.д. Следуя за Толстым в создании широких эпических картин, азербайджанский писатель создал глубоко национальные по духу художественные произведения, где судьбы героев показаны в неразрывной связи с важнейшими событиями общественной жизни.

Чеменземинли писал не только об общественном, но и о самом личном. Но не в романах, а в своих дневниках-откровениях. Многие отрывки словно списаны со страниц романов. Так, в небольшом тексте под названием «Юношеская любовь» (запись от 13 июля 1907 г.) читаем: *«1904 году декабре месяце вернулся из училища. Вдруг она высокого роста барышня, своим добрым выражением лица обратила моё внимание на себя. Окутавшись в шаль, она стояла на балконе. На первый взгляд она казалась мне ангелом небесным с тёмными как ночь локонами и белою девственною грудью. Она, как потом узнал, была дочь казачьего офицера, приехавшего по делам службы к нам в Шушу. Её звали Ольгой. Фамилия и теперь остаётся мне неизвестной. Как в захолустье, приезд её дал сильный толчок местным ученикам. Последние толпою прохаживали под балконом, любуясь чудесной фигурой приезжей. Скоро все привыкли и перестали смотреть на неё так удивительно, но один только я не переставал и всё прохаживал под балконом, бросая на неё пристальный взгляд. Несмотря на то, что она ходила всегда с казаком, я всё-таки следовал по её стопам. Куда бы она ни ходила, я за нею. Я был влюблён безумно. Ни холод, ни голод, ни усталость не действовали на меня. Выходил из дому рано утром, переодеваясь чисто и поправляясь долго перед зеркалом. Увидя на далёком расстоянии Олечкин балкон, я машинально оборачивал лицо туда. Когда она была на балконе, я сильно радовался, лицо моё сияло торжественно. А когда её не было там, сердце как-то покрывалось туманом, грустило, скорбело»* [155].

Или другая запись и снова о женщинах – «Влияние женщин на меня» (Ашгабад. 27 июля 1907 г.).

«Две женщины в моём воспоминании играют важную роль. Смело могу сказать, что эти женщины были причиной важных переворотов в моей жизни. Первая была моя милая Олечка, а вторая вдохновенная Верочка. Ольга... спасла меня от... разных грехов молодости. Она дала мне новую жизнь, новое счастье. Любовь моя к ней поселила во мне нравственную чистоту, правдивость, неизменчивость и, наконец, самое важное: святую идеальность. Думая найти в романах подходящие фразы для неё, я знакомился случайно с литературой... Я переменялся и во внешнем отношении – из неряхи в франтишку, часто умывался, переодевался чисто и проводил время на прогулке. От чего и физически и телесно поправился, совершенно пополнил.

Вторая – тоже имеет свою долю в перевоспитании. Она ведёт меня в общество, в клуб, в танцевальные вечера, во что я смотрел косо – сквозь пальцы; восстановив чуть было рухнувшие рамки нравственности и святой идеальности. Я делаюсь серьёзным.

Первая встреча с Верочкой заставила меня взяться за перо, описать прелести её улыбки и этим расширяет литературную деятельность во мне» [153].

Как эти строки напоминают дневниковые записи Толстого, в которых он признаётся в своих чувствах к Зинаиде Модестовне Молоствовой, воспитаннице Родионовского института благородных девиц, с которой писатель познакомился ещё будучи студентом Казанского Университета.

«Не знаю, что называется любовью, – пишет он 8 июня 1851 года. – Ежели любовь то, что я про неё прочитал и слышал, то я её никогда не испытывал. Я видел прежде Зинаиду институточкой, она мне нравилась, но я мало знал её... Отчего я был так счастлив? Я не сказал бы, что это потому, что я влюблён. Я не знаю этого. Мне кажется, что это-то незнание и есть главная черта любви и составляет всю прелесть её. Как морально легко мне было в то время! Я не чувствовал этой тяжести всех мелочных страстей, которая портит всё наслаждение жизни... Мои отношения с Зинаидой остались на ступени чистого стремления двух душ друг к другу. Но, может быть, ты сомневаешься, что я тебя люблю, Зинаида, прости меня, ежели это так, я виновен, одним словом

мог бы и тебя уверить» [143, т.21, с.41].

Как видим, толстовская манера письма довольно схожа со стилем Чемензеинли. Само построение речи, языковое своеобразие. И та же самооценка, самоанализ. Внимание сосредоточено на чувствах, их сложном переплетении. Внешние события преломляются в духовном мире. Всё это говорит о глубоком восприятии достижений Толстого-психолога азербайджанским романистом.

Чемензеинли обращался к наследию великого классика не только как прозаик, но и как переводчик. Именно ему принадлежит первый перевод на родной язык романа «Воскресение» (1929). Это стало своего рода плодотворной формой освоения художественного опыта писателя-реалиста. Он фактически вжился в мир его идей и образов, чувств и мыслей.

В своих теоретических литературно-критических статьях он также апеллировал к творчеству великого художника. Так, в статье «Чехов, Горький и Толстой» (1935), отдавая дань художественному гению Толстого, Чемензеинли резко осуждал его теорию непротивления злу насилием, как в своё время Чехов и Горький. Вместе с этим он ясно осознавал, что Толстой, несмотря на своё непротивленчество, призыв к всепрощению и моральному усовершенствованию, выступал против «людоедского» строя царской России. Вопреки своему учению, он оставался заступником и «адвокатом стомиллионного народа». Выступая как выразитель народных интересов, он создал подлинно народные, глубоко правдивые произведения.

О настоящем мастерстве писателя, о его новаторских принципах и приёмах изображения говорится в статьях Чемензеинли «Типизация лиц и событий», «О манере письма Тургенева» и других.

Перу Чемензеинли принадлежит и ряд публицистических статей: «Фактическое положение азербайджанской мусульманки», «Кровавые слёзы», «Мать и материнство», «Азербайджанская автономия», «Кто мы и чего хотим?», «Наша внешняя политика», «Проблемы нации и культуры». Они, хотя напрямую и не связаны с Толстым, но во многом перекликаются с его статьями. Оба выступали с активных гражданских позиций и остро откликались на злобу дня.

Ю.В.Чемензеинли посвятил свою жизнь служению народу, его духовному просветлению. Как и классик русской литературы Л.Н.Толстой, к наследию которого он обращался.

Влияние Толстого сказалось и на творчестве М.С.Ордубади. Исследование типологических взаимосвязей их романов является одним из актуальных направлений азербайджанского литературоведения, считает видный учёный республики, академик Иса Габиббейли.

По мнению ученого, вклад Ордубади в развитие национальной литературы и общественной мысли страны столь же значим, как и роль Толстого в мировой культуре [8, с.9].Эту мысль академик И.Габиббейли озвучил и в своем выступлении на презентации книги «Жизнь и среда» М.С.Ордубади, проходившей в Музее миниатюрной книги: «У России есть великий Л.Толстой, а у Азербайджана М.С.Ордубади».

В романах писателя «Табриз туманный», «Сражающийся город», «Подпольный Баку» нашли отражение события, происходившие в Иране и Азербайджане в 1905–1920 годах. По мнению учёного Арзу Гусейновой, «через призму сегодняшних реалий становится ясно, что под завесой большевизма М.С.Ордубади удавалось воспевать идеи национального единства и свободы. Опираясь на революционность, он показал освободительное движение... в Южном Азербайджане. Роман «Табриз туманный» раскрывает не только писательский, но и исследовательский талант автора, показывает его как пытливого учёного-историка и специалиста по географии» [79].

Идея единого Азербайджана нашла отражение и в историческом романе «Меч и перо» (1939). «Роман можно смело сравнить с романом-эпопеей «Война и мир» – считает академик И.Габиббейли.– Они очень тождественны. Он очень верно описал в своем романе роль литературы в становлении общества, четко отметил значимость духовного в формировании личности» [64].

Действие переносится в Гянджу в период правления Атабеков. Основные герои – великий поэт и мыслитель Низами Гянджеви и его близкий друг Фахреддин. «Общественная атмосфера Гянджи XII века, отношения поэта и

монарха, социальные настроения и морально-этический климат – всё это нашло своё яркое и живое воплощение в романе «Меч и перо», – отмечает в своей статье учёный Афет Ислам. Он приводит выдержки из доклада профессора Т.Керимли: *«Многие считают это произведение сугубо историческим романом, описывающим жизнь и творчество Низами. Однако гораздо важнее представляется главный мотив романа, выражающийся в идее единого Азербайджана. Потому что накануне второй мировой войны создавалась такая политическая обстановка, при которой наиболее возможным было объединение Южного и Северного Азербайджана, и именно эта идея единства в своём художественном воплощении и в устах великого поэта легла в основу романа»* [79].

Профессор отметил и мастерство писателя в выборе названия для своего произведения – «Меч и перо». Что это значит? Свобода и счастье народа, его борьба за свою независимость достигаются не только мечом и кровью. Не менее важны и национальная идея, честь и преданность, гражданская позиция преданных своей родине сынов. Эти общечеловеческие идеи, подчеркнул профессор Т.Керимли, М.С.Ордубади почерпнул из произведений великого учёного и философа Низами, его обобщения и выводы свидетельствуют о глубоком научном подходе и тонком объективном анализе исторических событий и роли личности. Чтение этого гениального произведения раскрывает его важную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Талант и сила пера азербайджанского писателя сближают его с великим Толстым. Все его романы отличаются исторической достоверностью, большой художественной убедительностью, увлекательным сюжетом и живостью изложения. Ордубади, как и Толстой, был верен жизненной правде. Она была его «главным героем». Романы Толстого стали для него ориентиром, эталоном высшего мастерства. И если в них, как в зеркале, отображена картина русской жизни, то произведения Ордубади, по словам Расима Набиоглы, являются *«подлинной энциклопедией социально-политической жизни Азербайджана, характеризующейся объективным отношением к истории»* [79]. По словам учёного Афета Ислама, *«его романы и сегодня звучат актуально и современно»* [79].

Сравнительному изучению женских образов в романах «Война и мир» и «Меч и перо» М.С.Ордубади посвящена статья Н.Х.Джебраилова [64, с.210-211]. Автор заостряет внимание на трёх главных женских характерах, выведённых в романе-эпопее: Элен Курагина, Мария Болконская и Наташа Ростова. Это разные типажи. Элен холодная, бессердечная красавица, Мария же её полная противоположность. Если Элен тяготела к европейским женщинам, то Мария, напротив, была «чисто русской» аристократкой. Элен была далека от страданий, Мария же принимала всё близко к сердцу, сострадала чужому горю. Она помогала отцу, брату, сыну брата, спасла от обнищания и разорения мужа Николая Ростова. Элен же опозорила мужа и сделала его несчастным. Материнство было для неё чуждо, а Мария была прекрасной матерью. Что касается Наташи Ростовской, то она воплотила в себе качества обеих. У неё свой мир, она мечтает о счастье.

По словам автора статьи, женские образы Ордубади, как положительные, так и отрицательные, во многом напоминают толстовских героинь. К первым относятся Мехсети, Дильшад, Рена, Гёзал, Талия. Ко вторым – Гатиба и Саба. Первые достойны любви и сочувствия, вторые заслуживают презрения.

Проводя параллель между женскими образами Толстого и Ордубади, учёный приходит к заключению, что одни персонажи связывает национальный характер, тяготение к народу, другие далеки от правды и духовности.

Поборником правды и справедливости писатель выступал не только в своих романах, но и в публицистике. Ордубади, как и великий русский классик Л.Толстой, был видным представителем реалистической школы. Вместе с М.А.Сабиром и Д.Мамедкулизаде он сотрудничал в журнале «Молла Насреддин», где публиковал свои злободневные статьи под вымышленными именами. Автор проявил себя как глубокий патриот, преданный идеалам прогрессивного развития своей страны.

Изучение и пропаганда богатого художественного опыта писателя являются одной из главных задач азербайджанского литературоведения.

2.2. Толстовская линия в романе-эпопее нового времени

Со II-ой четверти XX века жанр национального романа – эпопеи получает дальнейшее развитие. Расширяются тематические горизонты, выразительно-изобразительные средства.

Новое время формировало художников нового типа, в свои произведения они привносили свое мироощущение, многовековые традиции своего народа.

Следует отметить, стремление азербайджанских писателей к художественной полноте, глубокому анализу как общественных перемен, так и частной жизни героев. Как и в романах Толстого, картины духовной жизни народа воссоздаются в историческом и в национально-идейном плане. Азербайджанские писатели утверждают уважительное отношение к культуре народа, его традициям, нравственным ценностям и идеалам. В своем творчестве они стремились сохранить свою самобытность и индивидуальность, связанную с национальным самосознанием.

В отображении национального значительную роль играют компоненты образной системы, органически связанной с бытом, традициями, психологией народа. Национальное видение мира проявляется и в языке (эпитеты, сравнения, метафоры с ярко выраженным национальным колоритом). Эти тексты обладают особым стилистическим строем, своеобразным оформлением мыслей.

Азербайджанские писатели широко применяли новые изобразительные возможности. Национально-экспрессивная окрашенность придает их художественным произведениям особую выразительность и неповторимость.

В исторических романах они стремились осознать историческое прошлое, нравственный опыт азербайджанского народа. Историческая проза тесно связана с национальным самосознанием, менталитетом.

Национальное мировосприятие проявилось и в творчестве выдающегося азербайджанского писателя и учёного Мир Джалала.

Обширно и многообразно творческое наследие писателя, талантливого беллетриста, автора романов «Воскресший человек», «Манифест молодого че-

ловека», «Открытая книга», «Сверстники», «Новый город», «Куда ведут дороги», в которых прослеживается влияние великого Толстого. Это сказывается в создании портретов героев, их точной психологической характеристике, глубоком анализе внутренней душевной жизни. Об этом сам прозаик писал: *«...азербайджанские писатели, расценивающие произведения великого художника как богатую и неиссякаемую сокровищницу искусства, упорно учатся у него законам художественного мастерства»* [29, с.59].

Творчество Толстого находит отражение как в его прозе, так и научной деятельности. Профессор А.Дж.Гаджиев в статье «Мировая литература в восприятии Мир Джалала» отмечает: *«Взыскательный учёный-филолог Мир Джалал писал не обо всех..., а только о тех, чей стиль и творческая позиция были ему близки. Именно этим объясняется тот факт, что созданный им в 1940–1960-е годы своеобразный цикл из двадцати трёх статей по персоналиям русской классической литературы, охватывает творчество только пяти её ярчайших представителей»* [46].

Начало было положено в 1948 году двумя статьями – «Великий русский писатель» и «Лев Николаевич Толстой», приуроченными к 120-летию писателя. В последующие годы Мир Джалал вновь обратился к Толстому в статьях «Великий русский писатель» (1953) и «Гениальный художник слова» (две статьи под одним названием: одна посвящена 50-летию в 1961 году со дня смерти Толстого, другая – 150-летию в 1978 году со дня его рождения). *«Мир Джалал, – пишет А.Дж.Гаджиев, – со свойственным ему тонким литературоведческим чутьём говорит и о всемирном значении творчества этого великого представителя русской литературы, и о плодотворном влиянии его наследия на азербайджанскую литературу, на азербайджанскую прозу»* [46].

Как отмечает автор, в своих произведениях Мир Джалал нередко прибегал к реминисценциям из русской и мировой литературы. В качестве примера приводится рассказ «До бала», написанный им в «военное лихолетье», в 1942 году, и посвящённый автору рассказа «После бала» Л.Н.Толстому. В рассказе повествуется о неистовых зверствах фашистов, которые истребляют целую семью

Агафоновых во время захвата Крымского полуострова. *«Описывая в начале... истязания и побои, которым подвергалась дочь Агафоновых Армина, азербайджанский писатель как бы проводит параллель между нею и героем толстовского рассказа «После бала» солдатом-татаринем, которого за побег прогоняют сквозь строй».*

Что же касается реминисценции в заглавии произведения, то, на наш взгляд, смысл её в том, что в толстовском рассказе зло торжествует после бала, а в мирджалаловском – до бала, до изгнания из Крыма фашистских захватчиков. Реминисценции эти мастерски вклиниваются писателем в сюжетную интригу произведения.

Мир Джалал – признанный мастер короткого рассказа, его проза лаконична, но весьма глубока и содержательна. Ясно, что в сюжетную линию произведения, написанного кратким, лаконичным стилем, не просто вклинить чужую мысль. Именно поэтому таких случаев в прозе Мир Джалала немного, но они весьма интересны» [46].

В статье говорится также о том, что в качестве эпиграфов к той или иной главе своих романов или отдельных рассказов часто использовал целые цитаты из произведений классиков мировой литературы. Так, в «Манифесте молодого человека» (1938) эпиграфом к первой главе «Оскорбление», повествующей о семье главного героя романа Мардана, взято начало «семейного» романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина» – «Все счастливые семьи похожи друг на друга. Каждая несчастливая семья несчастна по-своему». *«Известно, что в центре романа «Анна Каренина» семейная трагедия супругов Карениных. В «Манифесте молодого человека» никаких семейных передраг нет, однако материальное положение семьи главного героя позволило Мир Джалалу причислить семью Мардана к несчастливым семьям» [46].*

И в другом романе «Куда ведут дороги» (1957), посвящённом замечательному азербайджанскому поэту-сатирику, эпиграфом к двенадцатой главе служат слова Толстого: *«Когда ему ясно представилась возможность освобождения..., несправедливость этого положения показалась ему ещё жёстче и*

ужаснее, чем прежде, и ему страшно захотелось не только освобождения, но и наказания тех, которые устроили и поддерживали эту жестокую несправедливость» [46]. По словам автора, эпиграф «подобран так, чтобы читатели поняли те ощущения, которые испытывает главный герой романа». Речь здесь идёт об идейных столкновениях М.А.Сабира со своими противниками [46].

О принципиальном, тактическом споре между Джалилом Мамедкулизаде и Алибеком Гусейнзаде речь идёт и в одиннадцатой главе «Лицом к лицу»: *«Мир Джалал показывает, как по-разному подходят к деятельности Л.Н.Толстого стоящие на диаметрально противоположных позициях деятели азербайджанской литературы начала XX столетия. Если для Алибека Гусейнзаде важно сочувственное отношение русских писателей к исламской религии («Нужно помнить, что философию ислама усердно распространяли даже иноверцы, в частности граф Лев Николаевич Толстой»), то редактора журнала «Молла Насреддин» привлёк реализм воззрений этого русского классика («Толстого-то мы бы охотно печатали, да цензура не разрешит»)* [46].

Статью автор заключает словами: *«...блестящий знаток и тонкий исследователь азербайджанской литературы Мир Джалал, не замыкаясь в своём художественном творчестве, черпал в богатой кладези мировой литературы отдельные идеи и мотивы, творчески используя их в качестве реминисценций и эпиграфов. Тем самым Мир Джалал вносил свой вклад в развитие межнациональных контактов азербайджанской литературы, в претворение в жизнь преемственной связи между культурами Востока и Запада»* [46].

О любви к мировой литературе и признании великого Толстого своим наставником свидетельствуют и воспоминания об отце сына писателя, Хафиза Пашаева, ныне ректора Дипломатической Академии. *«Как и всё моё поколение, я много читал. Я живу в квартире, где жил мой отец, и вся его библиотека сохранилась. Всё это прочитано и не единожды, каждая книга дорога и любима. Это Мопассан, Тургенев, Толстой... Хорошо помню, как я устраивался поудобнее в кресле, брал книгу и, читая, «уходил». Там, в библиотеке, до сих пор висит портрет Л.Толстого. Второго такого нет в Баку, работа Репина. Это*

подарок отцу в 50-е годы от его близкого друга» [101].

Наверное, символично, что в журнальной статье (в рубрике «Пьедестал»), где приводится выступление Х.Пашаева, между отрывками речи вкраплены выдержки из произведений Мир Джалала, в частности, его романов. К примеру, небольшая часть из текста «Манифеста молодого человека»: *«Медленно плыли облака, похожие на снежные сугробы. Вокруг стояла тишина. Воздух был чист, напоен смешанным запахом зелёных колосьев, мака, ромашки, мяты, душистых трав. Размякшая от тёплого весеннего дождя земля, и поднявшиеся по пояс и налившиеся соком хлеба, журчание воды в канавке и шёпот травы – всё это твердило: весна, весна!» [101].*

Или же из романа «Воскресший человек»: *«Старый мир, жестоко истоптанный на протяжении веков, в это утро почему-то дышал невозмутимым покоем. Ни малейшего дыма на горизонте, ни клочка тумана в долинах, ни облачка над горами. Не слышно ни вздохов людских, ни стенаний. Точно мир, утомлённый борьбой и войнами, не прекращающимися со дня его рождения, теперь, получив передышку, предавался продолжающемуся отдыху» [101].*

Как эти описания природы перекликаются с пейзажами Толстого!

Наряду с этим в статье приводятся и отдельные высказывания Хафиза Пашаева из его «Манифеста одного посла». *«Кто-то из знаменитых писателей сказал, что нельзя писать, не чувствуя острой необходимости. Я тоже всегда считал, что нельзя писать, если нет уверенности в ценности темы, которую хочешь донести до читателя» [101].*

Мир Джалал и Толстой сумели донести до читателя всё самое важное и ценное – свои мысли.

Современником Мир Джалала был и Мехти Гусейн, в творчестве которого также прослеживается влияние великого классика. Называя Толстого «подлинным учителем азербайджанских писателей», М.Гусейн говорит о популяризации его наследия в стране: *«Почти все его художественные создания переведены на азербайджанский язык. Я не ошибусь, если скажу, что культура перевода в процессе работы над «Войной и миром», «Анной Карениной», «Хаджи Му-*

ратом», «Воскресением» стала намного богаче. А появление их.., безусловно, вдохновило ряд наших прозаиков, прежде писавших только рассказы, на создание романов» [63, с.11].

При этом он обращается и к собственному жизненному опыту: *«Нередки случаи, когда молодые люди, читая Толстого в переводе, прониклись желанием ещё больше вникнуть в особенности толстовского творчества и решительно брались за изучение русского языка. Так было, кстати сказать, и со мной, что, безусловно, пошло мне, как писателю, на пользу...» [63, с.11].*

М.Гусейн не только приобщался к языку и культуре русского народа, но и постигал «все тонкости дивных, великих творений» мастера, учился у него глубоко психологическому раскрытию характеров. *«Правда, не все мы одинаково умели пользоваться достижениями толстовского классического психологического реализма. Тем не менее появление и развитие социально-психологического романа в азербайджанской литературе просто невозможно себе представить без благотворного влияния гениального русского писателя» [63, с.11].*

Автор так определяет главное направление исследований по Толстому: *«Мы должны не только практически показать, но и теоретически разъяснить, – чему следует в первую очередь и главным образом учиться у Толстого, какие стороны его творчества должны войти в понятие реализма и под каким углом зрения нужно рассматривать этот вопрос» [63, с.11].*

Профессор С.Г.Асадуллаев отмечал: *«Задача эта и сегодня звучит весьма актуально и требует своего дальнейшего решения. Однако решение данной проблемы намечено уже в статье М.Гусейна, пытавшегося определить своеобразие эпохи, когда формировался стиль Толстого, герои которого долго и неторопливо размышляли, переживали, что, с точки зрения критика, не характерно для эпохи, когда мысли нашего современника всегда логически переходят в действие, иными словами, ритм и темпы жизни современного героя более динамичны, чем у героя Толстого. Конечно, можно указать на определённую прямолинейность подобного противопоставления, но нельзя не согласиться с заключительной мыслью автора: «Но это абсолютно не значит, что наш сов-*

ременник не способен глубоко, обстоятельно думать и размышлять о больших проблемах жизни, философии, искусства и т.д. Речь идёт, таким образом, об особенностях характера героя» [33, с.65].

Разнохарактерные герои изображены в романах писателя «Половодье» (1936), «Апшерон» (1947) и его продолжение «Чёрные скалы» (1957), «Утро» (1949–1952), «Подземные воды текут в океан» (1966). Так, в «Чёрных скалах» выведен колоритный образ руководителя республики Моллаева, прототипом которого послужил Мир Джафар Багиров. Фигура жёсткого и бескомпромиссного политического деятеля и годы его правления правдиво воссозданы автором.

Наряду с настоящим М.Гусейн обращался также и к событиям начала века: революционная борьба бакинских рабочих в 1907–1908 годах, гражданская война. В его романах на тему революционного прошлого трудно усмотреть прямую связь со стилем и манерой Толстого. Влияние проявляется не в сходстве образов и мотивов, а в изображении переломных периодов истории, общественного подъёма («мысли народной»), сложных судеб и характеров героев.

Размахом эпического повествования отличаются и произведения С.Рагимова, народного писателя Азербайджана, автора таких известных романов и повестей, как «Шамо» (1931–1964), «Сачлы» (1940–1948), «Голос земли» (1941), «Медальон» (1942), «Братская могила» (1943), «Мехман» (1944), «Кавказская орлица» (1971–1973), и др. Толстовские традиции нашли в них своё яркое воплощение. *«Из всех классиков мировой литературы наиболее читаемый и почитаемый мною – Лев Толстой, – писал он. – Я брал уроки мастерства у этого литературного гения. Мне кажется, великий учитель и сейчас пристально наблюдает за мной, а я, как робкий ученик, отчитываюсь перед ним. Толстой мне очень близок» [113, с.4].*

Творчество Толстого он считал «школой совершенства, академией мастерства», где нужно учиться каждому писателю. *«Но нужно знать Толстого, понимать его, уметь углубиться в присущий ему духовный мир. В академии Толстого нет тесноты, она очень просторна, и двери её всегда распахнуты*

настежь. И в эти двери надо входить смело, чтобы сердце не колотилось, а ноги не дрожали, чтобы ты мог здесь перенять полезное и в дальнейшем уметь создавать своё, оригинальное. Это школа – не для тугодумов или простых копировщиков, она – для умных, сильных, проницательных и трудолюбивых» [113, с.3].

Именно таким был и сам писатель, создавший грандиозную пятитомную эпопею «Шамо», которую с полным правом можно назвать главным романом его жизни.

Работа над ним растянулась на несколько десятилетий, что не охладило творческого энтузиазма автора. Первые наметки появились ещё в годы учёбы на историко-общественном отделении педфака университета, а в последующем оттачивалась форма и содержание: включались отдельные эпизоды, уточнялись детали, углублялись характеры. Так возник образ Шамо и других героев-тружеников. Шамо – вымышленный персонаж, но он изображён вместе с реальными историческими личностями – М.Азизбековым, Н.Наримановым. Здесь налицо один из художественных приёмов Толстого, который использован в «Войне и мире».

С народной эпопеей связано и понимание народа как творца истории, мысль о величии патриотического подвига и высоте нравственного чувства, внимание к конкретным человеческим судьбам, глубокий психологизм. Можно усмотреть и генетическую связь с «Войной и миром», который содержит элементы разных типов романа. По этому поводу С.Шарифова пишет: *«В романе-эпопее мы встречаемся со смешением жанровых особенностей исторического, философского и психологического романа. Таковым является «Шамо» С.Рагимова, который был одним из первых образцов романа-эпопеи в азербайджанской литературе. Историзм в романе проявляется в раскрытии судьбы азербайджанского народа в перипетиях революций начала XX века. Философский аспект проявляется в противопоставлении различных социально-политических парадигм, начиная с национальной... Особенности психологизма «Шамо» сближают его с шолоховским «Тихим Доном» [158, с.190].*

«Толстовские» средства и формы изображения людей и событий прослеживаются и в историческом романе «Орлица Кавказа», обращённом к теме Гачаг Наби и Хаджар. И здесь, несомненно, сказывается влияние романа «Война и мир». *««Войну и мир» я впервые читал давно – с огромным волнением и трепетом, – отмечал С.Рагимов в одной из своих статей. – Тогда я не смог сразу одолеть всю глубину этого грандиозного произведения. Взялся читать ещё раз. Медленно, не спеша, словно адаптируясь, вникал я в атмосферу происходящего, познавал окружающее. Перед мысленным взором ярко, со всеми деталями, раскрывались панорамы сражений и картины мирной жизни. ...ярко и всеобъемлюще описано Толстым всё, что он решил описать. Да, Толстой – художник слова, которого ни с кем не спутаешь, не сравнишь, не сопоставишь. Это и есть признак подлинного мастерства, неповторимости гения»* [113, с.4].

Сильнейшее тяготение к могучему таланту великого писателя он испытывал на протяжении всей жизни. *«Я читал все произведения Толстого, большинство из них – по нескольку раз. И ныне я часто с прежней радостью раскрываю книги учителя. Мне кажется, для того, чтобы полностью прочитать и до конца познать многочисленные романы, повести, рассказы, статьи – всё, что вышло из-под пера Толстого, одной человеческой жизни мало. ...произведения Учителя навсегда стали моими настольными книгами, потому бронзовый бюст великого писателя навсегда занял своё место на моём письменном столе»* [113, с.4].

Толстого он считал недостижимой высотой, состязаться с которым ни у кого не хватит ни сил, ни дыхания: *«Потому что встать на творческую дорогу Толстого трудно даже маститому художнику слова. Но если выйдешь на неё с крепкой волей, незаурядным талантом, пронизательностью подлинного мастера, можешь смело по ней идти»* [113, с.4]. Сулейман Рагимов вышел на эту литературную тропу и шёл по ней до конца.

Толстовскую школу мастерства прошёл и народный писатель Азербайджана Мирза Ибрагимов. Его перу принадлежат романы «Наступит день» (1948) о национально-освободительном движении в Иране, «Великая опора» («Слия-

ние вод») (1957) о послевоенных преобразованиях в деревне, «Перване» (1967–1970) о революционной деятельности Н.Нариманова, «Новые времена» (1971).

Переняв художественный опыт Толстого, М.Ибрагимов создал новый тип народной эпопеи. Его герои оказываются в водовороте бурных событий, они свидетели и участники решающих исторических перемен. Их мысли и чувства, стремления и идеалы отражают веяния времени. Их мир отличен от толстовского.

Внутреннее родство с «Войной и миром» проявляется в изображении поворотных моментов в истории страны, народного героизма и патриотизма в сочетании с индивидуализацией характеров и глубоким психологизмом. А главное – это идеи гуманизма и правдивости. *«И мы можем с гордостью сказать, что лучшие умы Азербайджана... видели, чувствовали и высоко ценили именно эти качества творчества Толстого и завещали потомкам учиться у великого русского писателя его человечности и правде»,* – писал М.Ибрагимов [73, с.2].

Учился у великого Толстого и Абульгасан (Абульгасан Алибаба оглы Алекперзаде), принадлежащий к поколению писателей новой эпохи.

Начало его творческой деятельности пришлось на 30-е годы, период сплошной коллективизации и создания нового уклада в деревне. Всё это нашло отражение в его романах «Подъёмы» (1930), «Мир рушится» (1933), запечатлевших исторические преобразования в стране, небывалый трудовой подъём народа. Но то, что было завоёвано кровью и потом, созидательным трудом, оказалось под угрозой разрушения и полного уничтожения в годы фашистского нашествия.

Азербайджанцы плечом к плечу с представителями других народов встали на защиту Отечества. Это братство было скреплено совместно пролитой кровью. Отсюда и название его 4-томной эпопеи «Бастионы дружбы», посвящённой суровым испытаниям Великой Отечественной войны и обороне Севастополя (1941–1942), в которых принимал участие и сам писатель.

Уже само название осаждённого города наталкивает на мысль о связи с творчеством великого Толстого, его романом-шедевром «Война и мир» и военными рассказами, поражающими правдой и глубиной отображения войны и че-

ловека на войне, «в крови, в страдании, в смерти...».

Это отмечал и критик М.Рафили: *«Благотворное влияние стиля и мастерства Толстого на нашу литературу нетрудно проследить по ряду крупнейших произведений писателей Азербайджана. В частности, это влияние сказалось на романе Абульгасана «Война», описывающего участие азербайджанских воинских частей в героической обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Абульгасан следует за Толстым в приёмах изображения психологии героев, в авторских характеристиках, в применении внутренних монологов и т.д. В композиционном построении романа Абульгасана, в чередовании картин войны и тыла также можно уловить художественные особенности «Войны и мира» Толстого. Учёба у великого русского писателя помогла азербайджанскому писателю создать крупное произведение...»* [14, с.49].

Абульгасан, как и Толстой, сумел передать героизм защитников родины, их мужество и стойкость, твёрдость духа и несокрушимую веру в победу. Общая беда объединила людей – рядовых солдат и генералов и пробуждала в них высокие патриотические чувства, желание дать решительный отпор врагу. Вот как описывает Абульгасан один из эпизодов войны:

«Старшина быстро вскочил и, пригибаясь, потащил пулемёт за собой вверх по склону... Оттуда в направлении шоссе, ведущего к Севастополю, двигалась вражеская пехота... Мамедов ухватился правой рукой за пулемёт и хотел было сдвинуть его с места, но не удержался на ногах» [21,с.73].

Или другой отрывок:

«...Затихшая было после полуночи перестрелка к четырём часам снова разгорелась и продолжалась до самого утра. Но это уже были отдельные вспышки борьбы за город. На Севастопольском фронте начиналась полоса длительного затишья» [21, с.73].

Но это затишье перед новым сражением, где снова будут гибнуть люди и будет проливаться кровь.

Невольно вспоминаются строки из рассказа Толстого «Севастополь в мае»: *«Вопрос, не решённый дипломатами, ещё меньше решается порохом и кро-*

вью... Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать» [143, т.2, с.102].

Как и Толстой, Абульгасан осуждал бесчеловечность захватнической войны с её разрушениями и страданиями и утверждал идеи нравственности и гуманизма.

С Великой Отечественной прошло уже более семи десятков лет. Но тема войны и мира не утратила своей актуальности и сегодня. Над миром нависла угроза новых кровавых конфликтов и истребительных войн.

Трагедия войны не обошла стороной и нашу страну. Много бед и страданий принесла она с собой, много человеческих жертв. Много сынов и дочерей Азербайджана стали шехидами, сложили головы во имя освобождения родной земли от армянской оккупации.

Но наш народ не сломить! Сила в народе, в его единстве, в его патристическом духе, – утверждал и великий классик Л.Н.Толстой. «Патриотизм и гуманизм Толстого, – писал М.Рафили, – укрепляют в сердцах трудящихся Азербайджана чувство любви к великому русскому народу... Творчество Толстого – великая школа мастерства и познания жизни, обогащающая наш опыт, расширяющая границы нашего духовного мира, воспитывающая наши эстетические чувства» [114].

2.3. Толстой и азербайджанский современный роман

Художественный опыт Толстого нашёл своё продолжение и в современной азербайджанской литературе.

В романе В.Бабанлы «Потаённое», вобравшем в себя элементы толстовской трилогии, сюжетная система выстроена на основе деталей личной биографии. Писатель не только обращается к воспоминаниям детства и юности. Наряду с этим он описывает события в культурной жизни страны. Приводит отдельные факты из жизни известных азербайджанских писателей: Джафара

Хандана, Али Султанлы, Мамед Арифа Дадашзаде, Микаила Рафили, Мамед Джафара Джафарова, поэтов Самеда Вургун, Расула Рзы, Сулеймана Рустама, Османа Сарывелли, Мамеда Рагима, Наби Хазри, Джабира Новруза, Арифа Гусейна, писателей Мирзы Ибрагимова, Али Велиева, Мехти Гусейна, Абульгасана, Мир Джалала Пашаева, Энвера Мамедханлы, Ильяса Эфендиева, Исмаила Шыхлы, Байрама Байрамова, Исы Гусейнова, драматурга Сабита Рахмана и др. *«Несмотря на то, что В.Бабанлы претендует на абсолютную достоверность приведённых в романе событий, ряд общеизвестных фактов свидетельствует о том, что при построении сюжетной линии автор прибегает и к художественному вымыслу. Если для автобиографических событий, отражённых в романе, это несколько затруднительно выявить, то при описании событий из жизни азербайджанских мастеров наглядно прорисовывается художественное «домысливание» отдельных фактов»* [158, с.68].

Такое «домысливание» характерно и для содержания трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», в которой собственный жизненный материал служит основой для обобщения и типизации. Другими словами, «личное» получает общее значение. Именно поэтому Толстой «с крайним неудовольствием» воспринял публикацию первой части (в журнале «Современник») под названием «История моего детства», считая, что это заглавие противоречит мысли сочинения. Как верно подмечает С.Шарифова, *«даже при построении сюжета романа исключительно на описании достоверных и реально происшедших событий и фактов, вымысел проявляет себя как минимум в самой творческой переработке действительности»* [158, с.67].

Что касается соотношения вымысла и действительности в содержании романа, учёный считает, что эта проблема в целом охватывает ряд взаимосвязанных между собой аспектов: *«Одна из главных особенностей романного изложения – это претендующий на правдивость вымышленный миробраз. Роман, как эпический жанр, не допускает вымысла, который воспринимался бы читателем как невозможный. Фантазия писателя ограничивается лишь пределами осмысления автором описанных событий как возможных»* [158, с.62].

Естественно отображение реальности творчески преломляется в сознании автора. Таким образом, в художественном произведении, в частности, в романе, объективное и субъективное, тесно переплетаясь, дополняют друг друга, становясь единым целым при воспроизведении действительности.

Отражение объективной реальности и ее преломление через личность автора проявляется и в автобиографическом романе-исповеди Анара «Без вас», посвящённом светлой памяти его незабвенных родителей, выдающихся азербайджанских поэтов Расула Рзы и Нигяр Рафибейли.

Уже в самом замысле усматривается связь с трилогией Толстого. Образы горячо любимых отца и матери, очерченные с необыкновенной правдивостью и простотой, предстают как живые. Усвоение толстовских традиций проявляется в индивидуализации характеров, глубоком психологизме, передаче движения чувств и мыслей, самоанализе героя.

В одном из интервью, приведённом в книге московского критика и прозаика Людмилы Лавровой «Знакомый незнакомец», Анар прямо указывает на то, что произведение Толстого послужило источником его творческого вдохновения и оказало влияние на выбор темы и сюжета задуманного сочинения. *«Перед тем как сесть за работу над «Овном...» я внимательно перечитал Оруэлла, Замятина, Хаксли. Так же, как перед «Комнатой в отеле» – «Смерть Ивана Ильича»... [78].*

Да, именно под впечатлением одного из рассказов Толстого была написана повесть «Комната в отеле», навеянная поездкой в Турцию, где писатель читал курс азербайджанской литературы. Вспоминается эпизод из одноимённого кинофильма, снятого замечательным режиссёром Расимом Оджаговым в 1998 году. Герой Фахраддина Манафова Карим, интеллигент, учёный-тюрколог, остановившись на ночлег в одном из дешёвых отелей в Турции, лёжа на койке в тесной угловой камерке, в предчувствии смерти от сердечного приступа, начинает думать о близких. Режиссёр передаёт внутренний монолог героя, который расплачивается за верность своим убеждениям и нравственным принципам. Прямо как сам Толстой и его герои с их духовной, нравственной сущно-

стью.

Нравственные проблемы поднимаются и в романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» в переводе В.Портнова (в экранизации «Тахмина», 1993 года, режиссёр Расим Оджагов). Это история несчастной любви двух молодых людей, трагической гибели главной героини. Тема романа во многом созвучна «Анне Карениной» Толстого. Семья, общество, близкие – все не признают союз разведённой женщины и юноши из благополучной семьи, ополчаются на них, травят, пытаются разлучить. Но герои стараются уберечь свои чувства друг к другу от грубого постороннего вмешательства, не замечать мнения окружающих. Но обстоятельства порой оказываются сильнее, любовь не выдерживает испытания.

Анар осуждает эгоизм и душевную чёрствость и призывает быть добрее и человечнее. К этому призывал и Л.Толстой.

О Толстом, Гоголе и Достоевском, столпах русской литературы, писатель высказался в интервью: *«Мне кажется – все они недалеко от духа Пушкина, они от него росли, развивались, несли в себе его гуманизм и чувство истории...»* [78].

Значение русской культуры и языка неоценимо, – утверждает он. *«Я высоко ценю значение русского языка и всегда писал о том, что в обозримом будущем русский язык нам необходим... тот объём литературы, который доступен нам на русском языке, я считаю, это – наш выход в мир. Посредством его мы познаём всё богатство мировой культуры. И одновременно наши писатели через русский язык могут выходить на широкое мировое сообщество.*

Русская литература – это огромный пласт мировой культуры: от Пушкина и до наших дней, я помню её, люблю, ценю. Это и Толстой, и Достоевский, И Чехов и многие современные писатели» [25].

Вечность классики отмечает и прозаик-драматург Афаг Месуд. *«Я внимательно и с любовью читала и продолжаю перечитывать Достоевского, Гоголя, Чехова. То, что мне дала русская литература, невозможно ни с чем сравнить... Но никогда не пыталась им подражать»* [90].

Признавая гениальность Л.Толстого, она в то же время отмечает сложность его книг, полных нравоучений, из-за чего порой трудно бывает читать «долгие, спокойные» разговоры героев «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения». *«Ни в коем случае не умаляю его величия. Если бы автор «Смерти Ивана Ильича» ничего больше не написал ни до, ни после этой повести, он всё равно бы занял в истории литературы то же место, что и сейчас»* [89].

Наверное, потому что Толстой писал о душе, о бессмертном. *«...большее значение приобретает экология души. Массовая литература... работает на уничтожение божественного начала в человеке... Я не против модной литературы, изысканной творческой игры, но всё это должно покоиться на прочной нравственной основе. А новшество ради новшества – это не что иное, как красивые завитки вокруг пустоты...*

Для меня Человек – вселенная. Так что в литературе нет никаких периодов, нет границ, нет наций, нет времени... Происходит переключка в познании человеческого сердца и души. Через века» [90].

Такая переключка существует и между Афаг Месуд и Львом Толстым. Их сближает духовность, нравственные убеждения.

Можно усмотреть и прямые аналогии в их творчестве. Но если в романах А.Месуд, а их около десяти («Процессия», «Тюлень» и др.), это проявляется не столь отчётливо, то в пьесе «Женщина, бросившаяся под поезд» вполне конкретно. Бесспорно, она навеяна бессмертным шедевром Толстого «Анной Карениной». И дело не только в названии, но и в деталях. Именно на железнодорожном вокзале (первая встреча Анны с Вронским тоже произошла на железнодорожном вокзале, ставшем в конце местом её гибели) Гюльтекин Сарабская, бывшая актриса театра, встречается с неким Хасаем Дильгиром, с виду похожим на бомжа, и делится с ним воспоминаниями о прошедших на сцене днях. Выясняется, что она растратила свой талант, играя большей частью в заказных пьесах, за исключением нескольких классических спектаклей. И теперь очень сожалеет об этом.

Пьеса «Женщина, бросившаяся под поезд» была поставлена на сцене Азербайджанского государственного академического драматического театра. Постановку осуществили режиссёр Мехрибан Алекперзаде, художник Назим Бейкишиев, музыкальный оформитель Вугар Джамалзаде. В спектакле были заняты известные актёры Кямаля Гусейнова, Джафар Намиг Камал, Эльхан Гулиев, Первиз Багиров, Хиджран Насирова и другие [127]. Своей талантливой игрой они сумели передать весь драматизм и трагизм этой пьесы, генетически связанной с «Анной Карениной».

Обращение к Толстому послужило своего рода толчком для создания глубоко оригинального, своеобразного по стилю и содержанию, психологической наполненности произведения. И, быть может, в обозримом будущем А.Месуд задумает написать и целый роман на основе этой пьесы.

В азербайджанской литературе немало тому примеров. Так, известный писатель Н.Нариманов является автором романа и трагедии под одним названием «Бахадур и Сона». Кстати, он не только писал драмы и комедии, но и сам успешно выступал в качестве актера в театральных постановках. К примеру, в роли Имрана в собственной драме «Невежество» или в роли городничего в «Ревизоре» Н.В.Гоголя.

Известный писатель М.С.Ордубади тоже является автором романа «Туманный Тебриз», и одновременно одноимённой пьесы (из шести частей).

Он также увлекался театром. Написал либретто для оперы «Наргиз»-Муслима Магомаева и либретто для оперы «Низами» Афрасияба Бадалбейли.

Народный писатель, председатель Союза писателей Азербайджана Анар тоже создатель романа «Шестой этаж пятиэтажного дома», а также пьесы «Тахмина и Заур». В своих произведениях он раскрывает образ современного героя.

«Следует отметить, что созданные на основе романов пьесы отличаются более упрощённой композицией. Но в то же время, драматическая форма предоставляет автору более широкие возможности для художественного отображения всей остроты сложившейся конфликтной ситуации» – отмечает

С.Шарифова [158, с.264].

Но каким бы ни был тип романа, важно его бесспорное авторство. Литературе известно немало случаев прямого заимствования сюжетов. «На тиражирование идей современной литературой обращает внимание белорусский публицист В.Пепеляев в своей статье «Дорога в никуда»: *«Да, массовая культура нещадно тиражирует идеи. Но настоящую авторскую индивидуальность, на мой взгляд, стащить трудно. Вернее, при заимствовании чужой идеи пропадает в чистом виде элемент литературного волшебства. Очень многим изменяли жёны, но в истории литературы осталась одна Анна Каренина. Мне кажется, художник должен слушать совесть»* [158, с.127].

Л.Н.Толстой всегда слушал свою совесть и создал поистине великие творения, неподвластные течению времени. Они не утратили своей жизненности, как и уроки мастера, которые и поныне находят отражение как в объёмных романах, так и коротких рассказах. Примером тому может служить и рассказ-триптих Фирюза Мустафы «День лошади» (в переводе Медины Эльдаровой).

Сюжет во многом созвучен с толстовским «Холстомером» («История лошади») – бездушное отношение хозяина к лошади, ставшее причиной её самоубийства (в повести убийства ради наживы).

Так описана смерть пегого мерина в повести Толстого:

«...он почувствовал, что что-то сделали с его горлом. Ему стало больно, он вздрогнул, бетнул ногой, но удержался и стал ждать, что будет дальше. Дальше сделалось то, что что-то жидкое полилось большой струёй ему на шею и грудь. Он вздохнул во все бока. И ему стало легче гораздо. Облегчилась вся тяжесть его жизни. Он закрыл глаза и стал склонять голову – никто не держал её. Потом стала склоняться шея, потом ноги задрожали, зашаталось всё тело. Он не столько испугался, сколько удивился. Всё так ново стало. Он удивился, рванулся вперёд, вверх. Но вместо этого ноги, сдвинувшись с места, заплелись, он стал валиться на бок и, желая переступить, завалился вперёд и на левый бок. Драч подождал, пока прекратились судороги, отогнал собак, подвинувшихся ближе, и потом, взяв за ногу и отворотив мерина на спину и велел

Ваське держать за ногу, начал свежсвать.

–Тоже лошадь была, – сказал Васька.

–Кабы посытее, хороша бы кожа была, – сказал драч» [143, т.12, с.40-41].

Сравним описание с отрывком из рассказа.

«Его обманули... Ах, коварные люди... Но было уже поздно.

Собравшийся вокруг народ поражённо смотрел на гнедую и её жеребёнка. Жеребёнок поднялся на дыбы и дико заржал. Точно спокойное небо вдруг расколола молния. Пущенной и лука стрелой взвился жеребёнок вверх и со всего размаха бросился на землю. Голова его гулко ударилась об осколок скалы...

Изо рта жеребёнка текла кровь. Над набежавшей лужицей крови скоро зажужжала мошкара... Лошадь-мать тяжёлой осторожной поступью подошла к жеребёнку и склонила к нему голову. Из помертвевших глаз её стекали вниз крупные капли слёз... Взволнованные голоса людей заполнили округу. Солнце стояло в зените. До появления звёзд на небе было ещё далеко. Издалека доносилось лошадиное ржание. Кажется, с летнего пастбища табун спускался к зимовью» [100].

Герой мысленно обращается к соседу – основному виновнику случившегося, который ради забавы губит живое существо:

«Я того золотистого жеребёнка спас от волчьих клыков и по твоему наущенью бросил в лапы смерти. Бедный жеребёнок... бросился оземь и умер (не знаю, желают ли коням царствия небесного?); по-моему, у него был инфаркт. (Не знаю, бывает ли у коней инфаркт?). Я своими руками похоронил жеребёнка... Среди родственников и соседей были такие, что осуждали меня, смеялись надо мной; они хотели, чтобы чистейшее, цветами благоухающее мясо своего молодого коня я бросил их свирепым здоровым псам. Я же своего жеребёнка своими руками похоронил. Может, ты даже родных своих так не хоронил, сосед, как я его. Моё животное было гораздо благонравнее такого человека, как ты (не знаю, можно ли назвать тебя человеком?), намного нравственнее. Ты хотел привить животному своё хитроумие. Но животное не приняло твоих проделок, бросилось оземь и погибло, может быть, от инфарк-

та» [100].

Лошадь погибла, не выдержав издевательств, безжалостно выставленная на всеобщее посмеяние.

Люди жестоки и бесчеловечны не только по отношению к животным, но и друг к другу. И порой животные оказываются гуманнее людей, разумнее их, они способны чувствовать и сопереживать.

Вспомним размышления Холстомера о жизни, о людях и лошадях. Жизненный опыт складывался из множества наблюдений, сделанных им во время переходов из рук в руки.

Свои лучшие дни он провел у гусарского офицера, который и стал причиной его гибели. Хотя его хозяин и был красив, счастлив, богат, но ничего и никого никогда не любил. А Холстомер любил его бескорыстно, испытывая к нему «высокое лошадиное чувство». Его холодность и жестокость еще более усиливали его привязанность к нему, а его зависимость от него придавали особенную силу верности и покорности.

Он готов был даже быть загнанным, как когда-то в хорошие времена и чувствовал бы себя абсолютно счастливым.

Хозяин купил его лишь за то, что ни у кого не было пегих лошадей. Жизнь проходила однообразно. *«...с утра приходил конюх чистить меня... Он открывал дверь, выпускал пар лошадиный, снимал попоны и начинал ёрзать щёткой по телу... Я шутливо покусывал его за рукав, я постукивал ногой. Потом подвели одного за другим к чану холодной воды, и малый любовался на гладкие своего труда пегими, на ногу, прямую, как стрела, с широким копытом, и на лоснящийся круп и спину, хоть спать ложись...*

В их службе я потерял лучшие свои качества и половину жизни. Тут меня и опоили и разбили на ноги. Но несмотря на то, это было лучшее время моей жизни. В двенадцать приходили, впрягали, мазали копыта, смачивали чёлку и гриву и вводили в оглобли...» [143, т.12, с.28-31].

Но такая спокойная, размеренная жизнь продолжалась недолго. Всего два года. В конце зимы хозяин все же загнал ее.

«И стиснул кнут и резнул меня, и я поскакал, ударяя ногой в железо передка. ... Я довёз его, но дрожал всю ночь и не мог ничего есть. Наутро мне дали воды. Я выпил и навек перестал быть той лошадью, какою я был. Я болел, меня мучали и калечили... Сошли копыты, сделались наливывы, и ноги согнулись, груди не стало и появилась вялость и слабость во всём... Ни силы, ни езды во мне уже не было» [143, т.12, с.28-31].

Поразительное по силе воздействия описание! Стирается грань между человеком и лошадью. И кажется, что это крик души самого Холстомера, долгие годы безропотно переносившего невзгоды и страдания.

Толстой поистине великий художник, создавший подлинные образцы литературного творчества. Влияние его на азербайджанскую литературу трудно переоценить, оно обширно, многогранно, неисчерпаемо. Азербайджанские писатели унаследовали традиции реализма, гуманизма и правдивости, его художественные, эстетические принципы.

Освоение духовного наследия Толстого содействовало развитию и становлению национальной прозы, в частности романного жанра и во многом обогатило её новыми образами и идеями.

2.4. Воздействие Толстого на научно-популярный жанр национальной литературы

Интересно отметить тот факт, что очень много упоминаний о Л.Толстом содержится в книге «Этюды о гуманизации образования» известного учёного, академика А.М.Мирзаджанзаде. Не будучи литератором по специальности, он, бесспорно, обладал писательским даром.

Во введении книги автор так определяет свою задачу: изложить факты, свои соображения и данные, а читатель должен должен воспринять всю информацию, «вложив в чтение частицу своего интеллекта». Автор не стремится кого-то убедить или, напротив, разубедить в чем-то. Назначение книги в том, чтобы «заинтересовать, проинформировать, пригласить к размышлению».

Приводим подборку мудрых мыслей Л.Н.Толстого из указанной книги с оценкой автора и нашими комментариями.

«Делай, что должно, и пусть будет, что будет» (в трудные минуты эти слова вспоминал Л.Н.Толстой)» [96, с.12].

Великий писатель делал в жизни, что должно и что нужно согласно своим идеям и убеждениям. Он яростно выступал против мракобесия церкви и беспощадно бичевал власть имущих, обрекающих бедняков на нищету и гибель. И этим навлек на себя гнев царского двора и церкви, предавшей его анафеме.

Ему было присуще обострённое чувство справедливости и долга. И он должен был идти в своём стремлении до конца. Что и сделал. Ведь не мог поступиться своими принципами и совестью. И невозможно даже представить иной исход событий – примирение с церковью и властью, уход в монастырь, отъезд из страны (как поступили Герцен и Тургенев).

Человеческая жизнь подобна цепочке, где прошлое программирует настоящее, а оно будущее. *«Надо уметь на настоящее смотреть с точки зрения будущего» [96, с.15].* И никогда не забывать прошлого.

Об этом и рассуждает учёный: *«Последовательно оглядываясь на прошлое, мы всякий раз прибавляем к уразумению его весь опыт, мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего (А.И.Герцен)» [96, с.16].*

Именно эта мысль побудила Л.Толстого к созданию грандиозной народной эпопеи «Война и мир», которую он сам сравнивал с «Илиадой».

Поражает творческий дух, необъятная мощь эпического повествования. С необыкновенной силой воспет великий подвиг русского народа, поднявшегося на защиту своего Отечества против наполеоновского ига.

«Говорят..., что история мать современности» [96, с.16]. А от неё нельзя отворачиваться и отрекаться. Эту мысль проводит Л.Толстой в статье «Николай Палкин», отрывок из которой приводится в книге: *«Мы говорим зачем поминать? ...Зачем у меня была лихая болезнь или опасна и я полечился или избавился от неё, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только*

тогда, когда я болею и всё так же болею, ещё хуже, и мне хочется обмануть себя...» [96, с.17].

Далее учёный развивает мысль Толстого: «История должна быть злопамятной – надо, чтобы и малейшая несправедливость её не повторялась в будущем.

Нельзя согласиться во всех случаях с японской поговоркой *«Нет прошлого и будущего, а есть только настоящее»*, а также с высказыванием Шамиля: *«Кто о последствиях думает, из того храбреца не выйдет»* [96, с.17].

И Хаджи Мурат в одноимённой повести Л.Толстого был сорви-головой, храбрым, мужественным, отчаянным смельчаком, за что лишился головы, но не склонил её. И до сих пор не утихают споры о нём: был ли он предателем или может всё же верным другом и соратником имама Шамиля, подосланным к русским. А после своего разоблачения пытавшимся сбежать от них. Да и сам Толстой, как и его герой, был неустрашим, и до самого конца, до глубокой старости. *«Старости поклонись, у опыта учись»* (литовская пословица). Забыв собственную юность, некоторые позволяют себе важно и безапелляционно поучать новое поколение – не с её, а со своей точки зрения, втолковывая, что им нужно. *«Толстому принадлежит мысль о том, что воспитание кончается там, где мы перестаём учить другого, как надо себя вести, а, обращиваясь к себе, думаем, как надо жить, – тогда начинается истинная жизнь, работа самосознания»*, – пишет А.М.Мирзаджанзаде [96, с.21].

При всей своей умудрённости, Толстой никогда не навязывал своего мнения и не принуждал ни к чему ни своих детей, ни учеников Яснополянской школы. Он был демократичен и предоставлял им право выбора. Даже когда его близкие на требование отказаться от состояния и жить как простолюдины ответили решительным отказом, он, несмотря на обиду, пытался понять их. Или когда сын Андрей, бросив семью, женился на матери шестерых детей, он принял их союз. Ведь и сам был небезгрешен, о чём откровенно признавался в «Исповеди».

Лишь в терпимости, «непротивлении злу насилием», самосовершенствовании он видел средство устранения зла, преобразования мира и человека. Хотя

эти идеи и были утопичными, но они с покоряющей убедительностью отразились в его художественном творчестве.

Долог и труден был идейный путь «великого странника». Но он стремился к новому, смело перешагивая грань неразгаданного, отрицая порой всеобщие истины. А.Мирзаджанзаде пишет об этом, ссылаясь на высказывание самого Толстого: *«И как певец или скрипач, который будет бояться фальшивой ноты, никогда не произведёт в слушателях поэтического волнения, так писатель или оратор не даст новой мысли и чувства, когда он будет бояться недосказанного и неоговорённого положения. Нельзя найти истин верных, боясь спорных истин»* [96, с.24]. Одним словом, для достижения цели нужна твёрдость духа, упорство, настойчивость и решительность. Надо идти до победного конца, не останавливаясь на полпути, не оборачиваясь, не сомневаясь. Как шёл к правде, своему главному герою Л.Толстой. *«Л.Толстой утверждал, что истинный художник получается, когда живёт не только «умом ума», но и «умом сердца». Проникнуть в тайну любого поступка и действия – вот что А.М.Горький считал самым интересным для художника»* [96, с.30]. Эту мысль учёный дальше обобщает следующим образом: *«Искусство призвано организовать эмоциональную сторону сознания... искусство есть память чувства»* [96, с.210].

Толстой с поразительной силой смог раскрыть всё богатство и глубину чувств, мыслей и переживаний своих героев, их высокие стремления и стихийные бунтарские порывы ума и сердца. Ему удалось передать сокровенную сущность, «диалектику души», которая «зависит от положений им изображаемых». А диалектика – это и борьба противоположностей, с одной стороны, «зов сердца», чистота и благородство побуждений, подлинные человеческие качества, с другой стороны, – строгие рамки приличий, социальное положение и статус, т.е. противоречие между внутренним содержанием и внешней оболочкой.

Герои Толстого достигают внутренней гармонии в общении с простым народом, с природой. Так, Дмитрий Оленин из повести «Казачья» среди снежных гор, рядом с казаками, находит любовь и покой. Андрей Болконский, увидев зеленеющий дуб, ощущает оживление в душе. А Наташа Ростова, восхи-

щаяся красотой летней ночи, стремится постичь величие природы. Именно о ней Толстой говорит, что она умна не рассудком, а чувствами. В ней, как и в других его героях, проявляется русский дух.

О душе говорится и в следующей цитате Л.Толстого: *«Делайте лишь то, что возвеличивает душу, и не делайте того, что умаляет ее!»* [96, с.36]. Здесь же А.Мирзаджанзаде приводит и слова мольеровского Сганареля: *«Я нахожу, что ремесло врача – самое выгодное из всех: делаешь ли ты свое дело хорошо или худо, тебе всегда одинаково платят....мы кроим как угодно материю, над которою работаем...здесь можно испортить человека, ничем не платясь за это»* [96, с.36].

Нельзя поддаваться соблазну, искать легкой жизни, идти окольными путями, дабы не опорочить душу, не запятнать совесть.

Дмитрий Нехлюдов, герой романа «Воскресение» предстает в начале добрым, искренним, порядочным человеком, способным на высокие романтические чувства. Он и мысли не допускает обидеть Катюшу Маслову: *«Как только Катюша входила в комнату или даже издалека Нехлюдов видел ее белый фартук, так все для него как бы освещалось солнцем, все становилось интереснее, веселее, значительнее; жизнь становилась радостней...Нехлюдов, сам не зная того, любил Катюшу, как любят невинные люди, и его любовь была главной защитой от падения и для него и для нее»* [143, т.13, с.50-51].

Но спустя три года в нём происходит «страшная перемена», сказывается пагубное влияние среды. Женщина уже не представляется ему идеалом прекрасного, а всеголишь источником наслаждения. И он, при первой встрече с Наташей, поддавшись животной страсти, не задумываясь, губит невинную душу. Это уже совершенно другой человек, развращённый эгоист, жаждущий развлечений. Мир уже не представляется ему тайной, *«которую он с радостью, восторженно старался разгадывать, – теперь всё в этой жизни... определялось теми условиями, в которых он находился»* [143, т.13, с.52].

В человеке, как известно, изначально сосуществуют два начала: доброе и злое, светлое и тёмное, иногда это равновесие нарушается, и одно берёт верх

наддругим. Характеризуя Нехлюдова, Толстой пишет: *«Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то тёп-лая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на се-бя, оставаясь всё между тем одним и самим собою»* [143, т.13, с.201].

Толстой утверждает мысль о подвижности человеческой природы, её спо-собности к духовным переменам. Нехлюдов заново перерождается, добро в нём перевешивает зло, светлое одерживает победу над тёмным. Писатель прослежи-вает сложную духовную эволюцию своих героев.

Такие решающие повороты происходят и в судьбе Андрея Болконского, Пьера Безухова, Константина Левина, Дмитрия Оленина, Анны Карениной, Ка-тюши Масловой и др. Все они стремятся к духовному росту, самоусовер-шенствованию, нравственной чистоте. Им свойственны возвышенные идеалы, мысли и чувства, высокие нравственные качества. *«По определению Л.Н.Тол-стого, лучший человек тот, кто живёт своими мыслями и чужими чувствами, а худший – своими чувствами и чужими идеями. Посередине он располагал всё разнообразие человеческих душ, – пишет А.Мирзаджанзаде. – Три вида нрав-ственности различал Л.Н.Толстой: 1) нравственно то, что служит на пользу моему «я». Это нравственность дикости; 2) нравственно то, что служит на пользу тому кругу, который есть мой. Это нравственность варварства; 3) нравственно то, что служит на пользу всему человечеству. Это – нравствен-ность общечеловеческая»* [96, с.48]. А нравственность неотделима от добра и любви к людям. Учёный утверждает: *«Прав Л.Н.Толстой, говоря: «Мы любим тех, кому добро делаем, ну и не любим тех, кому зло причинили»* [96, с.50]. Наверное потому, что эти люди, постоянно находясь в поле нашего зрения, напоминают о нашем неблагоприятном поступке. В них, как в зеркале, отра-жаются наши ошибки и пороки, и мы испытываем чувство стыда и неловкости. А человек устроен так, что хочет поскорее забыть всё неприятное, отталки-вающее, и заполнить мысли приятными впечатлениями.

И опять о добре и зле и снова обращения к Толстому: «Бережное, тактичное отношение ко всем людям должно сочетаться с непримиримым отношением ко всем антиподам. Здесь надо помнить слова Толстого: *«Если злые люди делают свои скверные дела, объединяясь сообща, то и честным людям надо делать то же самое»* [96, с.57]. Т.е. объединить свои усилия в борьбе со всеобщим злом. Ведь сила в единстве.

Великий гуманист не только отчаянно смело выступал против господствующего класса, но и горячо откликался на все политические события своего времени, гневно осуждал поджигателей захватнических войн и взывал к угнетённым народам все силы употребить на борьбу со злом насилия. Готовясь к выступлению на Стокгольмском конгрессе мира, он писал в своём докладе: *«...мы, и десяток собравшихся с разных концов земли частных людей, намереваемся бороться.., надеемся и победить эту огромную силу.., имеющую в своём распоряжении миллиарды денег и миллиону войск...*

Победа наша несомненна... истина в том, что человек не может и не должен никогда... убивать другого человека... Одно несомненно, то, что людям, одарённым разумом и совестью, естественнее жить, руководствуясь этими свойствами, чем рабски подчиняться людям, распоряжающимся убийством друг друга... Но мне, 80-летнему старику, всякую минуту ожидающему смерти, стыдно и преступно было бы не сказать всю истину, как я понимаю её, которая, как я твёрдо верю, только одна может избавить человечество от неисчислимых претерпеваемых им бедствий, производимых войной. 4 августа 1909 г.» [138].

Война – бессмысленная кровавая бойня. Это одно из самых страшных зол на земле. «Л.Н.Толстой однажды записал такую мысль: *«Люди на протяжении всей истории работали, торговали, воевали, но главное, что в это время происходило и происходит, – они выясняли и уяснили, что такое добро, а что зло»*, – пишет А.Мирзаджанзаде.– *Молодёжи необходимы упражнения в добре, как музыканту гаммы»* – заключает он [96, с.76-77].

Кто-то из великих сказал, что если бы люди до конца осознавали, что они

невечны, то творили бы только добро. Творящий же добро, помогающий людям, жертвующий собой ради других, идущий по истинному пути, живущий по божьим законам выполняет своё главное предназначение.

Смысл своей жизни Толстой видел в служении народу своим могучим талантом и силой разума. Писатель был наделён этими качествами сверх меры. А может ли одно превалировать над другим или отрицать другое? «Относительно различия между талантом и разумом представляет интерес высказывание А.М.Горького в письме к С.Сергееву-Ценскому: *«Мне кажутся неверными ваши слова, что Л.Н.Толстой «внезапно постарел», я думаю, что он родился с разумом старика, с туповатым и тяжёлым разумом, который был до смешного и ужасного ничтожен сравнительно с его чудовищным талантом. Толстой рано почувствовал трагическое несоответствие этих двух своих качеств, вот почему он не любит разум, всю жизнь поносил его и боролся с ним»* [96, с.70].

Талант, бесспорно, дар божий, но это и труд неимоверно тяжёлый и мучительный. Он требует напряжения мысли и огромной душевной отдачи. *«Надо помнить, – пишет Мирзаджанзаде, – предупреждение В.Г.Белинского, что «талант, если он не подкрепляется умом, сведениями, образованием, более или менее оригинальным и верным взглядом на вещи, скоро переходит в бездарность»* [96, с.70]. Здесь речь идёт о двух качествах Толстого: уме и таланте, которыми он обладал в полной мере.

Далее учёный рассуждает о цифрах: *«...чаще всего встречаются предметы и явления, сгруппированные по 3 или 7»* [96, с.125]. И снова упоминает великого писателя: *«Л.Н.Толстой в каждом литературном произведении отмечает три элемента: а) содержание – главное; б) любовь автора к своему предмету; в) технику»* [96, с.126].

Интересно отметить, что цифра 3 имеет самое прямое отношение к творчеству Толстого. Он автор 3 романов-шедевров «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение», принесших ему мировую славу.

А.Мирзаджанзаде приводит слова Вольтера: *«...сочинитель романов, выдающий свои выдумки за правду, – презренен»*. И заключает: *«Естественно,*

что это не относится к Л.Н.Толстому» [96, с.35]. Далее он развивает эту мысль: «Для Стендаля – «только в деталях правда и подлинность». Л.Н.Толстой ищет за правдой частных правду целого...Л.Н.Толстой идёт от анализа, но углубляет его до такой степени, что все отдельные точки зрения начинают сопрягаться и сливаться в целостное мироздание, подобно разноцветным каплям, образующим живую, пульсирующую вселенную во сне Пьера. Достоевский, создатель подлинной полифонии (многоголосье), как считает М.Бахтин, углубляет её до такой степени, что множественные отдельные голоса начинают перекликаться и сливаться в конкретной живой целостности индивидуального сознания» [96,с.362]. Учёный указывает на интересное «открытие, последовательно применённое Л.Н.Толстым»: изображение реальных исторических людей (Александр, Наполеон, Кутузов) глазами вымышленных героев... «Вначале это открытие, – пишет он, – не было принято критикой, но впоследствии прочно укрепилось в литературе» [96, с.362].

Далее выражается мысль о том, что великие художники слова – Стендаль и Толстой – всю жизнь, по выражению Стендаля, разрабатывают «пять-шесть идей, тогда как Достоевский и Бальзак... целую биржу идей» [96, с.362]. «В литературе существует сравнение романа Толстого с монархией, в которой сталкиваются много умов и воля, но окончательное решение, кто прав, кто виноват, принадлежит одному государю, а романа Достоевского – с парламентом, в котором автор сохраняет за собой только роль спикера, – пишет автор. – Можно также сравнить роман Толстого с ньютоновской Вселенной, весьма сложной, но вложенной в пространство всеобъемлющего авторского ума с единой системой координат; роман Достоевского – это Вселенная релятивистская, в которой бесчисленное множество равноправных точек отсчёта» [96, с.362].

Вселенная бесконечна, а человеческая жизнь коротка и старость неизбежна. «На вопрос Л.Н.Толстому: «Как вы пожиаете?» – ответом было: «Слава богу, спокойно!». В этих словах нет восторга перед старостью. В них путь к сосуществованию с нею... Можно иметь гладкую кожу и сморщен-

ный мозг. Красота души дороже красоты мира», – заключает автор [96, с.130].

Старость – не радость. Эта поговорка совершенно не применима к Толстому. Он, как известно, отличался особой работоспособностью и до самой старости продолжал упорно трудиться, сохраняя ясность ума и бодрость духа. Обратимся к воспоминаниям А.Измайлова, журналиста и критика, посетившего Ясную Поляну 14 июня 1907 года: *«Несмотря на совсем недавно перенесённую болезнь, Лев Николаевич держится бодро и смотрится прекрасно. Лета внешне сказались на нём неизбежною старческой сутуловатостью... Семидесятидевятилетний Толстой не кажется мощным. Теперь его нельзя назвать и высоким. Отыскивая позднее брошюру, он стал у стены.*

Ни один из портретов не передаёт очаровательной лёгкости взгляда и доброты всего лица Толстого – взгляда типично русского умного мужика... выражение глаз... мягко и кротко... и есть что-то милое, старческое в подтянувшихся губах и складках у носа. Брови разрослись широкими грядками... предупредительное и внимательно доброе выражение его глаз.

Глубокой старости не чувствуется ни в этом пристальном и яркосознательном взгляде, ни в самой фигуре Толстого, ни в его шаге, быстром и уверенном, какого не знает старость. Руки его достаточно полны. Ни ям, ни обтянувшихся косточек, как обычно у стариков... И всё вместе – голос, свободный от старческой медлительности, живой взгляд глаз, быстрота его шага и всех движений, печать исключительной аккуратности, лежащей на всём, – как-то заставляет забывать о глубокой старости Толстого» [75]. Далее говорится о том, что писатель работает над переделкой «Круга чтения» – книги для детей. Кстати, несмотря на преклонный возраст, у себя дома, «в университете», как он его называл, обучает грамоте крестьянских ребятишек. *«В мои года надо торопиться делать задуманное. Ждать уже некогда. Иду к смерти. И уже не с боязнью жду её, а с равнодушием» [75].* Толстой рассказывает гостям о том, что ездит верхом, много работает, живо рассуждает о прочитанных недавно книгах, о русских и зарубежных писателях Андрееве, Горьком, Куприне, Короленко, Ясенском, Анатоле Франсе, Шопенгауэре, одновременно успевает встречаться с

другими приехавшими в имение за советом и помощью. И при этом ещё и подсучивает: *«Поднялся и уж устал. Точно мне семьдесят лет!»* [75].

При всей своей загруженности, физической усталости, он всё же находил в себе силы заниматься полезной деятельностью. *«Жизнедеятельность и трудолюбие, – утверждает А.Мирзаджанзаде, – определяются и таким обстоятельством: чем больше отдаёшь людям, тем больше получаешь от жизни, чем больше тратишь творческой энергии, тем больше она возрастает у человека. Образно говоря, человек должен жить по принципу как центро-стремительной, так и центробежной силы (получение и отдача)»* [96, с.130]. Учёный полагает, что чем больше мозг работает, тем медленнее старится.

Но бывают такие ситуации, когда нужно полагаться не на работу мозга, не на разум, а на случай, на волю судьбы и слепо следовать ей, т.е. стать фаталистом. *«В этом случае теория игр... рекомендует жребий «пятьдесят на пятьдесят», т.е. выбирает ходы случайным образом. Для этого можно воспользоваться телефонной книгой. Если попадают, предположим, последние две цифры номера чётные, то ставят орёл, – и наоборот»* [96, с.151]. И опять обращение к Толстому: *«Приведём образный литературный пример – героя романа Л.Н.Толстого «Война и мир» Пьера Безухова:*

–Поступить в военную службу и ехать в армию или дожидаться? – в сотый раз задавал Пьер этот вопрос. Он взял колоду карт, лежавших у него на столе, и стал делать пасьянс.

–Ежели выйдет этот пасьянс, – говорил он сам себе, смешав колоду, держа её в руке и глядя вверх, – ежели выйдет, то значит... что значит? ...Несмотря на то, что пасьянс сошёлся, Пьер не поехал в армию, а остался в опустевшей Москве, всё в той же тревоге, нерешимости, в страхе...» [96, с.151].

«Быть или не быть»– извечный вопрос. Достаточно часто жизнь ставит людей перед выбором и в самых банальных случаях, и в жизненно важных ситуациях. Осознанно или инстинктивно мы склоняемся к какому-то конкретному решению. Так и все «беспокойные» герои Толстого стоят перед выбором правильного пути, стремятся оправдать своё назначение на земле и находят правду

в духовном, нравственном. В поисках истинных человеческих ценностей они постигают смысл жизни и обретают душевную гармонию. Их напряжённые мучительные раздумья переданы с огромной художественной силой.

А.Мирзаджанзаде пишет: *«Человек идёт дальше всего, когда он не знает куда идёт», – говорили древние. Но шаг его при этом извилист и неровен – он то резко вырывается вперёд, то сильно откатывается обратно.*

Эти люди не знают, куда идут, и, заблудившись, выйдут на дорогу, которая в конечном счёте является дорогой в никуда... Нельзя забывать и слова Петрарки: «Иди своей дорогой, и пусть другие говорят что угодно... Надо знать, куда идти». Лопе де Вега: «Я следую самому себе» [96, с.144].

Быть верным себе и жить в согласии со своей совестью – таков был главный жизненный принцип Толстого. *«Восточная мудрость гласит, что слова не способны передать всю глубину внутреннего мира. Эта непередаваемая словами глубина и есть совесть. Она напоминает тонкий и чуткий инструмент, звучащий от малейшего дуновения человеческих отношений», – пишет автор в своей книге [96, с.137].*

Великому художнику слова удавалось передать всю глубину и полноту чувств и мыслей, возвышенность устремлений. Назначение искусства в этом и состоит – вызывать к уму и сердцу, пробуждать благородные порывы. *«Л.Н.Толстой полагал, что одной из причин резкого разрыва между искусством XIX века и искусством XX века является утечка из жизни людей того, что давало ей смысл, третье измерение, глубину», – констатирует учёный (58, с.180). Главное, по утверждению писателя, – высказать правду о душе человека: «Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям» [96, с.45].*

Схожая мысль высказана и в дневнике от 20 октября 1896 года: *«Когда автор пишет, мы – читатель, прикладываем ухо к его груди и слушаем... Если есть хрипы, они окажутся» [143, т.22, с.52].* А выражение души немыслимо без глубокой любви к предмету изображения: *«...если это есть, то произведение всегда будет удовлетворять и другим требованиям – содержательности и*

красоте: содержательности будет удовлетворять потому, что невозможно страстно любить ничтожный предмет, а красоте потому, что, любя предмет, художник не пожалеет никаких трудов для того, чтобы облечь любимое содержание в наилучшие формы» [143, т.15, с.34].

Сила искусства – в нравственном, – утверждает писатель. И это становится предметом его долгих и напряжённых размышлений. *«Утончённость и сила искусства почти всегда диаметрально противоположны» [143, т.22, с.52].*

Или другая запись в дневнике: *«Эстетическое наслаждение есть наслаждение низшего порядка. И потому оставляет неудовлетворённость. Всё хочется чего-то ещё и ещё. И без конца. Полное удовлетворение даёт только нравственное благо... дальше ничего не хочется и не нужно» (запись от 30 июля 1896 год) [143, т.22, с.50].*

«Искусство сытых и праздных, далёкое от идеала, – уродливо, голодных – грубое, жалкое... Но есть ещё и другое искусство, которое вызывает в людях лучшие и высшие чувства» [143, т.22, с.42]. Оно настоящее, «живое», и «...должно быть современное – искусство нашего времени. Люди же.., восхваляющие прошедшее... классическое и бранящие современное, этим только показывают, что они совсем не чутки к искусству» (запись от 27 февраля 1896 года) [143, т.22, с.42].

Подлинное художественное творчество – удел избранных художников, наделённых особым даром, светом озарения. Они беспощадны к себе и требовательны и критичны к другим. «В подтверждение приведём слова Л.Н.Толстого о Пушкине. Он писал: *«Я читал «Капитанскую дочку» и – увы! – должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара – не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо – в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет самых событий. Повести Пушкина голы как-то».* «Я терпеть не могу Шекспира, – но и ваши пьесы ещё хуже», – сказал он Чехову.

Л.Н.Толстой не принимал у Пушкина, Шекспира, Чехова именно то, что не отвечало конкретному содержанию его творчества, тем задачам, которые он перед собой ставил. В творчестве каждого большого художника реализм

проявляется индивидуально», – заключает А.Мирзаджанзаде [143,с.198]. Сила реализма не только в правдивом, верном освещении явлений действительности, но и в степени эмоционального воздействия. Это достигается за счёт выразительности языка и стиля речи, в частности использования приёма повторения слов и выражений, которые усиливают впечатление, «помогают нам лучше уяснить тему, замысел, поступки героев».

«...пример повтора в прозе Л.Н.Толстого связан с мучительными рассуждениями Анны Карениной в предсмертный час: «Да, очень беспокоит меня, и на то дан разум, чтобы избавиться, стало быть надо избавиться. Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше нечего, когда гадко смотреть на всё это? Но как? Зачем этот кондуктор пробежал по жёрдочке, зачем они смеются? Всё неправда, всё ложь, всё обман, всё зло!..».

Одни и те же слова (избавиться, смотреть, зачем, всё) передают волнение, смятение, лихорадочный поиск выхода из создавшегося положения. Каждый знает, что если какое-нибудь слово без изменения интонации повторять много раз, то оно теряет свой смысл, а если этонелепость, то может вызвать смех...» [96, с.200]. В ряде случаев повторение, будучи к месту, бывает вполне уместным, а также оправданным и необходимым, – добавим мы к словам учёного. «Ничего не утаю... Мало того, чтобы прямо не лгать: надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая» (Л.Н.Толстой)» [96, с.203].

«Известная пословица гласит, что «повторение – мать учения». Академик А.Н.Несмеянов как-то шуточно высказался, что «повторение – мачеха учения». «Но есть повторы, которые имеют различный смысл», – отмечает автор [96, с.200]. И в качестве наглядного примера приводит оперы Р.Вагнера, который сочетал «какой-нибудь музыкальный отрывок... с определённым действием артиста. И при каждом повторном звучании этого отрывка слушатели уже ассоциативно представляли себе само действие. Или в замечательном стихотворении А.С.Пушкина о безответной, «безмолвной, безнадежной» любви «фраза «Я вас любил» повторяется трижды, но нет повторения мысли», – замечает учёный [96, с.200].

Иногда встречаются и «*примеры отрицательного повторения*» [96, с.201]. Так, некоторые критики, «*чтобы придать значимость своим замечаниям, пользуются различными эпитетами: низкий уровень, наивный, неграмотный, неискроушенный читатель и т.д. и т.п. Причём эти эпитеты повторяются много раз. Если таким способом критикующий хочет обмануть читателя, то, как заметил Ларошфуко, естественно, обманутым оказывается сам критикующий. Кто-то из восточных мудрецов сказал, что если собеседник часто повторяет слова об искренности своего отношения, то надо сомневаться в этом. Частое повторение отрицательных эпитетов в разных формах также может навлечь на мысль об отсутствии как доброжелательности в критике, так и возможности её объективности*»,— замечает А.Мирзаджанзаде [96, с.203]. Сказанное нельзя отнести к Л.Толстому. Хотя в его публицистике, критических статьях и особенно в дневниковых записях достаточно часты «лишние» повторения, которые, на удивление, не режут слух, не бросаются в глаза, оставаясь «незамеченными». В дневнике от 2 мая 1900 года читаем: «*Каждое искусство представляет своё отдельное поле, как клетка шахматной доски. У каждого искусства есть соприкасающееся ему искусство, как у шахматной клетки – клетки соприкасающиеся. Когда верхняя поверхность клетки использована чтобы работать на ней., надо идти глубже...*» [143, т.22, с.115]. Скопление повторов, если и создаёт некоторую сложность для восприятия, но никак не отражается на глубине мысли. И, наверное, не случайно сравнение с шахматами. Ведь Толстой увлекался этой древней интеллектуальной игрой. «*...известно, что шахматы издавна привлекают к себе внимание выдающихся писателей, учёных, музыкантов и т.д. ...достаточно назвать имена Фирдоуси, Омара Хайяма, Низами, Данте, Гёте, Вольтера, Руссо, Пушкина, Толстого, Тургенева, Брехта, Хемингуэя, Галилея, Ньютона, Лейбница, Менделеева, Р.Штрауса, Э.Карузо, Римского-Корсакова и т.д.*» [143, т.22, с.205].

«*Встречаются ещё случаи,— пишет автор,— когда юноши, прочтя книгу о жизни выдающейся личности, пытаются оправдать наличие какого-то своего качества тем, что этим качеством обладал и выдающийся человек*» [96,с.205].

Думается, мало кто найдёт нечто общее с Толстым, да это и невозможно равняться с ним, с его противоречивой натурой, мощным интеллектом и критичностью суждений. *«В беседе с П.И.Чайковским, после первого рукопожатия, Л.Н.Толстой заявил, что Бетховен бездарен, – пишет А.Мирзаджанзаде. – Как отмечает Эдуард Эррио, «...творчество Бетховена, иногда в преображённом виде, отражается в самых могучих художественных образах». Толстой пишет «Крейцерову сонату» и разъясняет, какое огромное воздействие производит на него бетховенская музыка»* [96, с.206]. Здесь речь идёт о творческом разуме, которым писатель обладал в высшей степени. Вот как определяет его учёный, апеллируя к мысли философа Анри Бергсона. Он *«выделяет два вида разума – творческий, основанный на интуиции, и «делательный», свойственный... человеку... созидающему. Так вот, мост из мира реальностей в мир их осознания способен перекинуть лишь творческий разум, для чего он строит модели»* [96, с.206].

Иногда творческие люди приходят к познанию научных истин раньше, чем учёные. А.Мирзаджанзаде словами Дж. Диксона советовал *«обращаться к сокровищницам искусства в поисках полезных аналогий и «невероятных идей»* [64,с.216]. *«Многие способы кодирования сообщений изобретены художниками задолго до инженеров», – пишет он* [96, с.216]. Именно такое кодирование содержится и в характеристике Пьера Безухова, когда в тексте многократно повторяется, что он был толстым, массивным и неуклюжим молодым человеком, причем выше обыкновенного роста. Эта информация прочно закрепляется в памяти читателя. Данный прием, по определению ученого, является своего рода *«литературным прототипом метода накопления, широко используемого в современной технике»* [96, с.216].

Многие «открытия», сделанные Толстым, представляют интерес для психологии и медицины. *«Впервые Л.Н.Толстой дал схему несоответствия слов и движений, нарушения автоматизма простейших поступков, заключающегося в том, что мозг отключает всё, кроме того что ему хочется понять:*

«Останься ужинать, – сказал муж. – Так как я был занят рассуждением

о формулах третьего лица, я не заметил, что тело моё, извинившись очень прилично, что не может оставаться, положило опять шляпу и село преспокойно на кресло. Видно было, что умственная сторона моя не участвовала в этой нелепости...» [96, с.219-220].

Мирзаджанзаде приводятся и другие интересные примеры подобного «опережения» литературы. Так, *«состояние «опьянения сном» описано впервые не в специальной литературе, а у Гомера в «Одиссее» [96, с.345]. Кстати, про сонное состояние – «ощущение нереальности, спутанности» – описано Л.Н.Толстым и в «Войне и мире»:*

«Вдруг дальний крик пробудил Ростова. Он вздрогнул и открыл глаза. – Где я? – Да в цепи; лозунг и пароль дышло... И он опять упал головой на шею лошади. Вдруг ему показалось, что в него стреляют. «Что? Что? Что? Руби! Что...» – заговорил, очнувшись, Ростов» [96, с.346].

Подобные аналогии с наукой в мировой литературе можно встретить у Ф.М.Достоевского и Бальзака. Благодаря озарению известного французского писателя Оноре де Бальзака мир впервые узнал о гормонах. *«...И.Тэн считал возможным установление в области литературоведения и искусства закономерностей, сходных с закономерностями естественных наук...» [96, с.217].*

Известный физик Э.Л.Андроникашвили, родной брат литературоведа Ираклия Андроникова, в качестве примера приводит открытие Толстого – в рассказе Наташи Пьеру о своей любви к князю Андрею и о его смерти. Во время рассказа она начинает понимать, что уже не любит князя и у неё просыпается любовь к Пьеру. Для выражения нового чувства у неё нет слов, но есть слова для старой любви, с которыми, хотя они и перестали выражать истину, она ещё не может расстаться.

«...мысленное собеседование с учётом, по возможности, всех логических возражений.., это и было начало науки» (А.А.Ухтомский) [96, с.253]. Творчество Толстого – неиссякаемый источник идей и мыслей, рождённых «великим умом человечества». А «ум, настоящий на совести», и есть мудрость, – считает Ф.Искандер [96, с.259]. Гениального художника, мыслителя и про-

поведника можно с полным правом назвать мудрецом. Он, *«как сказал Г.Селье, видел то, что видят другие, но думал так, как не думал никто»* [96, с.263]. Он взывал к любви и милосердию, а люди от мудрости ждут именно этого, а не *«безупречных силлогизмов»* (умозаключений) [96, с.262].

«Достоинству нас не научит тот, кто недостойно сам себя ведёт» – гласит пословица. Чтобы учить других, надо прежде самому постичь все премудрости жизни, пройти *«сквозь огонь и медные трубы»*. *«По Л.Н.Толстому, мудрость содержит больше отрицательного, чем положительного, так как надо знать, что не должно, что незаконно, что неразумно»* [96, с.259]. Мудрость, как вино, чем больше настаивается, тем лучше, ценнее. Оно обретается с годами, с жизненным опытом, путём проб и ошибок. Но учиться надо на своём горьком опыте, хотя иногда бывает полезно перенять и чужой. *«Как то Л.Н.Толстой заметил, что один из самых обычных и ведущих к самым большим бедствиям соблазнов есть соблазн словами «Все так делают»* [96, с.388]. Не нужно забывать, что *«дурной пример заразителен»*.

«Опыт, представляя собой надёжный путь к мудрости, не является её гарантией. Более того, мерилом мудрости должно быть не столько количество пережитых событий, сколько то, насколько хорошо и глубоко они осознаны. Когда кто-то представил Наполеону одного из его офицеров на повышение на том основании, что тот был участником очень многих походов, император сказал: «Мой конь бывал в ещё большем числе походов». Или как Фридрих II спросил своих генералов: «Что стоит ваш опыт, если вы не размышляли над ним?» [96, с.260].

Далее Мирзаджанзаде развивает мысль и пишет о том, что читая какую-то книгу и натолкнувшись на знакомую мысль, удивляешься, что ты знал это раньше, но не понимал. *«Пройдя к ней путь, ты впитываешь её, и, несмотря на то, что она найдена до тебя, теперь это твоя мысль»* [96, с.260]. Л.Н.Толстой писал об этом: *«Обыкновенно, получая истинно художественное впечатление, получаемому кажется, что он это знал и прежде, но только не умел высказать»* [96, с.360]. И схожая мысль: *«На склоне лет, в 1901 году*

Л.Н.Толстой сказал о Ж.-Ж.Руссо: «Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я их написал сам» [96, с.391].

Толстой отличался не только мудростью, но и высокой культурой и образованностью. Будучи титулованным дворянином и принадлежа к высшему свету, он хотя и тянулся к народу, облачался в рубаху и брал плуг в руки, всё же сохранял графскую выправку. Это проявлялось в манере поведения: обходительности обращения, вежливости тона, тактичности, предупредительности. Горький в своих воспоминаниях так описывал его: *«Мужицкая борода, грубые, но необыкновенные руки, простенькая одежда и весь этот внешний, удобный демократизм обманывал многих...*

И вдруг из-под мужицкой бороды, из-под демократической, мятой блузы поднимается старый русский барин, великодушный аристократ...

Приятно было видеть это существо чистых кровей, приятно наблюдать благородство и грацию жеста, гордую сдержанность речи, слышать изящную меткость убийственного слова. Барина в нём было как раз столько, сколько нужно для холопов. И когда они вызывали в Толстом барина, он являлся легко, свободно и давил их так, что они только ёжились...» [59, с.72].

Непозволительно было для него грубое поведение. Даже в семье, несмотря на разногласия с Софьей Андреевной (Сонечкой, как он её ласково называл), он не позволял себе резких выпадов и шумных скандалов. И к жене при людях обычно обращался по имени и отчеству.

На «вы» разговаривал он с посторонними. *«Отношение Л.Н.Толстого к старому другу, Н.С.Кошкину, выражается в его обращении к нему: «...с ним (Н.С.Кошкиным) он на ты. Кажется, единственный из живущих, с которым Л.Н. был на ты» [96, с.324].* А.Мирзаджанзаде специально выделяет часть фразы чёрным шрифтом, считая это важной чертой характеристики Толстого и заостряя на этом внимание.

Учёным приводятся интересные примеры на употребление обращений из литературных источников. Так, даётся отрывок из повести «В грозу» С.Н.Сергеева-Ценского, где муж и жена называют друг друга по имени и отчеству (что

очень напоминает взаимоотношения Толстых), *«и посторонним с первого взгляда казалось, что в этой семье и близости не было, – однако же была и близость, и взаимное уважение и даже любовь»* [96, с.324]).

Толстой был связан близкими кровными узами не только с семьёй, но и находился в родстве с великим русским поэтом А.С.Пушкиным. *«Известно, что прабабушки А.С.Пушкина и Л.Н.Толстого – родные сёстры»* [96, с.327]. *«Великих представителей немецкой культуры и науки, поэта Шиллера, философов Шеллинга и Гегеля, физика Макса Планка связывают родственные узы. Не так давно выяснилось, что у Генриха Гейне и Карла Маркса был общий прадед... Известный биолог Н.К.Кольцов установил, что очень многие деятели русской музыки, литературы, науки и т.д. были в родстве друг с другом. Общих предков, дядек, тёток имели следующие деятели: Тургеневы – Иван, Николай, Александр Веневитинов, Станкевич; Одоевские – Александр и Владимир, Чаадаев, Римский-Корсаков, Карамзин, Глинка, Герцен, Огарев и т.д.»* [96, с.328].

А.Мирзаджанзаде усматривает здесь генетическую связь. *«Неужели так устойчивы гены? Неужели так незыблема и неопровержима поговорка «Яблоко от яблони недалеко падает»? Отрицать влияние наследственности на формирование человека, его характера, интеллектуальные качества значило бы погрешить против истины»* [96, с.328].

Как известно, Л.Толстой был потомком известных аристократических династий – князей Волконских (по матери) и дворян Толстых (по отцу). И это, если и не сыграло определяющей роли в формировании его как личности, но, безусловно, отразилось в развитии интеллекта. Именно об этом, о влиянии родовых корней на Пушкина и Толстого, рассуждает Н.К.Кольцов в статье «Родословные наших выдвигенцев» (1926), отрывок из которой приведён в книге А.М.Мирзаджанзаде:

«Конечно, совсем иная картина обнаружилась бы в иной среде, например, если бы родоначальники её были крепостными и вели тяжёлую борьбу за материальное существование. При таких условиях поэтический талант ценился бы мало, для борьбы затребовались бы совсем иные способности – физическая

сила, здоровье, приспособляемость. Большинство талантливых людей поэтов оказались бы плохими земледельцами... Некоторые оказались бы типичными жизненными неудачниками... Гении, как А.С.Пушкин и Л.Н.Толстой, конечно, выдвинулись бы и при таких условиях и проявили бы огромную силу лишь своего гено типа, но характер их деятельности и содержание их произведений были бы, конечно, совсем иными...» [96, с.334].

Дети – носители генов своих родителей, но часто черты их характера объясняются желанностью или случайностью их рождения. *«Желанные дети, кроме иных преимуществ, красивы, талантливы... Супруги Толстые различали своих отпрысков. Так, дети раздора были необузданны и агрессивны, бестолковы и бесшабашны»* [96, с.329]. Но при всём этом надо сказать, что им от их отца передалась способность к сочинительству. Но если бы у них не было желания или расположения этим заниматься, то вряд ли что-нибудь получилось. Хотя иногда приходится себя заставлять, даже принуждать к чему-то, принимать то, что не хочется, порой отталкивает. Об этом Л.Н.Толстой писал: *«Трудно победить дурное расположение духа и недоброжелательность к человеку, но можно. И если хоть раз удастся, то испытываешь такую радость, что хочется испытать её в другой раз». Надо уметь объективно оценивать и воздавать должное даже тому, что тебе чуждо и активно не нравится»,* – заключает А.Мирзаджанзаде [96, с.344]. Словом, перебороть себя, переступить через свои чувства, приглушить внутреннее чутьё. Как говорил Спиноза, «Не надо ни оправдывать, ни осуждать, а понимать». И важно помнить, что *«сами по себе вещи не бывают ни плохими, ни хорошими, а только в нашей оценке»* [96, с.345].

И в заключении своей книги автор пишет: *«Человек – дирижёр своей жизни... Поэтому он должен уметь обращаться с оркестром..., должен сопрягать свои желания с желаниями других..., интересы с интересами людей и всего общества...»* [96, с.387]. Именно так поступал и Толстой, утверждавший: *«Для того, чтобы читать книгу жизни, а не стоять растерянным перед нагромождением явлений, нужна целеустремлённость...»* [96, с.387].

ГЛАВА III

ЛИЧНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР Л.ТОЛСТОГО В АВТОРСКОМ ВОСПРИЯТИИ («Литературные раздумья» Э.Эфендиева)

3.1. О Толстом как о писателе и мыслителе

Творчество Л.Н.Толстого оказало сильнейшее воздействие и на известного писателя-драматурга Эльчина Эфендиева. С детства зачитываясь произведениями классика, познавая жизнь вместе с ним, он обогащался впечатлениями, яркими, незабываемыми, будящими мысль и воображение, которые выплеснулись в отдельные записи, в наброски, мини-эссе (как называет их сам автор). А позже все они были собраны воедино в книге «Время и слово. Литературные раздумья».

Мысли о Толстом даны вразброску, что вполне понятно. Это «искорки озарения», которые появляются вдруг, неожиданно, спонтанно. *«Всё это записывалось на протяжении многих лет на клочках бумаги, спичечном коробке, на полях книг, словом, на всём, что оказывалось под рукой, – мысли, суждения, какие-то впечатления, что-то взявшее за душу – всё это рождалось действительно вроде бы неожиданно, становясь следствием возможно даже сиюминутно испытанных переживаний и ощущений»* [22, с.10].

По словам самого автора, его книга «творческое происшествие», о котором он и «не помышлял». Приводя в порядок свой архив, он обнаружил множество старых бумажек, заметок, долгие годы пролежавших в папках, тетрадках, блокнотах, книгах. Часть этих записей утеряна навсегда, их не удалось «прочитать, «расшифровать»: восстановить торопливые, отрывочные... автографы двадцати-тридцатилетней давности оказалось... делом архитрудным, – многое забылось... и не удалось заново возродить переживания и ощущения, побудившие набросать эти полуслова, полуфразы, вспомнить, что подразумевается, под каким отточием, многоточием...» [161, с.4-5].

Некоторые суждения носят взаимоисключающий характер: *«это мысли одного и того же человека... с другой стороны, за прожитые годы, естественно, произошли какие-то изменения в отношении к литературе, к искусству, к жизни, и это отразилось... в первоизданном виде, без «современной редакции»... конечно, эти мини-эссе – есть субъективное самовыражение автора»* [161, с.6].

В отрывке, озаглавленном «Толстой как «матрёшка» мировой литературы» автор даёт краткую субъективную оценку членам его семьи, кровным родственникам. Все они были в той или иной мере одарены литературным талантом.

Начинается перечень с А.К.Толстого, дальнего родственника Л.Толстого, автора замечательных романов «Пётр I», «Хождение по мукам», фантастической повести «Гиперболоид инженера Гарина» и бессмертной сказки «Приключения Буратино». «А.К.Толстой доводится родственником... русский писатель (его роман «Князь Серебряный» я считаю одним из лучших русских исторических романов)».

«Николай Толстой – старший брат Льва Толстого, которого признавал даже такой строгий критик, как Лев Николаевич, то есть – младший брат (мне довелось познакомиться с его очерками об охоте – очень даже интересно)».

О сыновьях писателя Сергее, Илье и Льве, продолживших писательскую стезю своего отца, автор пишет: *«Сергей Толстой – талантливый писатель, его воспоминания считаю достойным образцом русской мемуаристики»*.

Илья Толстой –... яркий представитель пишущей братии, автор до сего дня не оценённых повестей «Труп», в особенности «Одним негодяем меньше».

Лев Толстой... интересен одной своей особенностью характера (возможно даже комплексом), заключающейся в том, что он писал свои произведения противореча (сопротивляясь!) произведениям своего отца (старца Толстого!). Например, в противовес идеям и атмосфере в «Крейцеровой сонате» он написал цикл рассказов и издал их под общим названием «Прелюдия Шопена», в бытность свою аспирантом я нашёл эту книгу в библиотеке» [162, с.23].

Здесь содержится и упоминание о Татьяне Львовне Сухотиной, оставившей

свои воспоминания и дневники, «написанные хорошим слогом» и с чувством».

Примечателен факт, что дочь Т.Сухотиной, внучка Толстого Татьяна Михайловна Сухотина-Альбертини (Татьяна Татьянна, как её прозвал дед) тоже написала несколько книг воспоминаний «Моя мать», «Моя бабушка», «Толстой и детство». Без сомнения, всем детям «генетически» передался дар отца. Известно, что сам Толстой поощрял их первые литературные опыты, в частности дневниковые записи, а иногда даже читал их.

Что касается Софьи Андреевны Толстой, «бедная (и бедовая!)», верная спутница жизни, хлопотливая мать большого семейства, надёжный друг писателя, то и она оставила нам бесценные «Дневники», *«незаменимое подспорье толстоведения и вообще русского литературоведения»* [162, с.23].

«Все эти люди, – пишет Эльчин, – в разной степени кто больше, кто меньше – связаны с Толстым, и он, в определённом смысле, похож на гигантскую «матрёшку»: открываешь, а там другой Толстой, его открываешь и там Толстой... А если взглянуть поглубже, то можно увидеть (во всяком случае, так мне видится!) в Толстом, как в матрёшке, и русскую и мировую литературу посттолстовской эпохи» [162, с. 23].

Бесспорно, Толстой был великим писателем, но вместе с тем и самым обыкновенным человеком – мужем, главой семьи и владельцем имения. Добрый, мягкий, нравственно чуткий, он был примерным отцом для своих детей, а их у него было тринадцать – три дочери и девять сыновей (из которых пятеро умерли в детстве, а остальные дожили до зрелого возраста).

Софья Андреевна (рождённая Берс), на которой писатель женился в тридцать четыре года, а ей было всего восемнадцать, целиком посвятила себя литературным делам мужа и домашним заботам. О разнице в возрасте супругов Эльчин пишет в наброске «Кто старше?»: *«Софья Андреевна Берс младше Толстого на шестнадцать лет, однако всякий раз, перелистывая её дневники, не могу отделаться от впечатления, что Софья Андреевна старше Льва Николаевича по крайней мере на те же шестнадцать лет»* [162, с.58].

В дневнике Л.Толстого от 5 января 1863 года сделана запись: «Счастье

семейное поглощает меня всего... Люблю я её, когда ночью или утром я проснусь и вижу – она смотрит на меня и любит... я не мешаю ей любить, как она знает, по-своему» [143, т.21, с.245].

Поначалу всё складывалось благополучно. Но в 80-е годы XIX в. из-за пережитого Толстым «духовного переворота», крутого перелома в его мировоззрении, отношения в семье осложнились. *«Со мной случился переворот, который давно готовился во мне, – писал Л.Толстой в «Исповеди», –...случилось то, что жизнь нашего круга... потеряла всякий смысл...*

И это сделалось... в то время, когда... было у меня то, что считается совершенным счастьем: ...добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое... росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, ...восхваляем чужими..., имел известность... пользовался силой и духовной и телесной: телесно мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно... работать по восьми-десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий.

И в таком положении пришёл к тому, что не мог жить... Я как будто жил-жил, шёл-шёл и пришёл к пропасти» [140].

Путь к спасению и духовному возрождению он видел в разрыве со своей средой, приобщении к образу жизни и сознанию трудового народа. *«Я отрёкся от жизни нашего круга, – писал он, – признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живём, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придаёт ей» [140].*

Софья Андреевна не могла принять новых идей мужа и его стремления «ухода в народ», раздачи собственности беднякам. Об этом она писала в своей книге «Моя жизнь»: *«...он ждал от меня, бедный, милый муж мой, того духовного единения, которое было почти невозможно при моей материальной жизни и заботах, от которых уйти было невозможно и некуда. Я не сумела бы разде-*

лить его духовную жизнь на словах, а провести её в жизнь, сломить её, волоча за собой целую большую семью, было немыслимо, да и непосильно» [146, с.89].

В любви к детям самоотверженность этой женщины доходила до полного самопожертвования. Заботливая жена и мать, она оставалась бессменной помощницей писателя: переписчицей его рукописей, переводчиком, издателем сочинений и личным секретарём. Уход и смерть мужа обрушились на неё тяжёлым ударом. Она даже пыталась покончить с собой. *«...я в отчаянии бросилась в пруд. Меня вытащили, увы!» (9 ноября 1910 г.) [147].* Узнав о болезни мужа (телеграмма поступила из редакции «Русского слова»), она вместе с сыном Андреем и дочерью Таней экстренным поездом отправилась из Тулы в Астапово. *«До Льва Николаевича меня не допустили, держали силой, запирали двери, истерзали моё сердце» (9 ноября 1910 г.) (139). 7 ноября в 6 ч. утра Толстого не стало.*

Чувство вины, одиночество и тоска преследовали её до конца. «Мрачна, ужасна жизнь впереди – и одиноко будет», – писала она в дневнике 29 ноября 1910 года [146]. И другая запись от 13 декабря: «Ох уж эти бессонные ночи, с думами, мучениями совести, мрака ночи и мрака в душе» [147]. И далее: «Плакала много, мучительна разлука вечная с Львом Николаевичем» (от 15 декабря) (139). Горечь утраты не утихает: «Перелистывала с болью в сердце последние письма ко мне Льва Николаевича и его маленький дневничок. Всё невыносимо тяжело и везде не он. Куда исчез мой любящий и любимый Лёвочка?» (11 февраля 1911 г.) [147].

После смерти Толстого Софья Андреевна опубликовала личную переписку с мужем, издала полное собрание его сочинений. В предисловии к изданию "Письма гр.Л.Н.Толстого к жене» (1913) она напишет: *«...пусть люди снисходительно отнесутся к той, которой, может быть, непосильно было с юных лет нести на слабых плечах высокое назначение – быть женой гения и великого человека» [147].*

Софья Андреевна, подобно жёнам декабристов, не оставила мужа до конца. Об этом читаем в «Теме Толстого» Э.Эфендиева. *«Вспоминаю одну очень*

выразительную (и печальную!) фотографию из жизни Льва Толстого: ноябрь 1910, известное на весь мир одноэтажное строение на станции Астапово. В студёную северную зиму, когда холод пронизывает до костей, Софья Андреевна стоит у окна снаружи и заглядывает во внутрь строения. Там умирает Толстой.

Толстой бежал прочь из Ясной Поляны (от Софьи Андреевны). Смерть настигла его на мало кому до того известной станции Астапово. Дети, близкие, врачи не пустили Софью Андреевну в помещение станции... 7 ноября она сделала запись: «Меня пустили в помещение, когда он был при последнем издыхании, не дали проститься с мужем, жестокие люди». Каждый раз, рассматривая эту фотографию, я словно бы вижу, как всё на ней оживает, приходит в движение, дышит, и, как живое существо, призывает перо Толстого, ибо весь драматизм происходящего в Астапово, то духовное напряжение и обострившиеся на холоде взаимоотношения может быть описано только и только пером самого Толстого. Сама эта фотография – тема Толстого. Порой, глядя на неё, Мне кажется, будто я рассматриваю иллюстрацию к одному из романов Толстого. И это не «Воскресение», не «Война и мир» и не «Анна Каренина». Роман этот Софья Андреевна» [162, с.68]. А события «романа» разворачиваются на маленькой железнодорожной станции Астапово, где умирал Л.Толстой – «самом скорбном месте действия», – по словам Э.Эфендиева [162, с.88].

Софья Андреевна ненадолго пережила мужа. Она ушла из жизни в 1919 году в Ясной Поляне. Погребена на Кочаковском кладбище.

В 2012 году исполнилось ровно 150 лет со дня венчания Софьи Андреевны и Льва Николаевича. Сегодня потомки Толстых рассеяны по всему миру (более чем в 25 странах). Их насчитывается уже около 350. Причём большинство из них по линии Льва Львовича, третьего сына писателя, имевшего 10 детей. Раз в 2 года все они съезжаются в родовое имение Ясную Поляну. Это стало семейной традицией.

Об этом Эльчин Эфендиев пишет в «Побеге Толстого»: «В Ясной Поляне

прошла встреча потомков Толстого, проживающих ныне в разных странах мира. Когда-то Толстой, заскочив в поезд № 12, убежал от Софьи Андреевны и вообще из Ясной Поляны. Читаю в газете имена потомков Толстого, съехавшихся в Ясную Поляну: Мария Сарандинаки (США), София Лопухина (Канада), Филиппо Альбертини (Италия), Николай Толстой (Россия), Татьяна Пенкарт (США), Пётр Толстой (Россия), Николай Толстой (Швеция) и т.д. Всматриваюсь в их лица на фотографии и мне кажется, что в эту минуту Толстой тем же поездом № 12 убегает от своих многочисленных внуков и правнуков из разных стран» [162, с.73].

В 2010 году состоялась очередная встреча потомков, приуроченная к 100-летию смерти Л.Н.Толстого. В Ясную Поляну приехало около 130 прямых потомков писателя из России, США, Англии, Франции, Италии, Швеции, Уругвая и Бразилии. А их самая первая встреча прошла в 2000 году. Тогда ещё были живы внуки Толстого, которые приезжали в родную усадьбу спустя много лет после того, как покинули её из-за революции.

Интересно отметить тот факт, что Толстые посещали и нашу страну. Так, в декабре 2014 года, в связи с 200-летним юбилеем М.Ю.Лермонтова, в Азербайджане побывала Колетт Толстая, супруга внука писателя графа Сержа Толстого, президент Ассоциации друзей Л.Толстого в Париже, которую в 1977 году создал её муж. Во время своего пребывания в столице она вместе с представителями другой известной фамилии Пьером и Хугуэт Шереметьевыми приняла также участие в церемонии официального открытия международной выставки искусств «Kükna» («Ель»). Среди почётных гостей была и вице-президент Фонда Гейдара Алиева Лейла Алиева, которая встретила с гостями и они вместе посмотрели произведения искусства [38].

Толстые всегда были ценителями настоящего искусства. Это у них в крови – аристократизм. Ведь у них знаменитая родословная, гениальный дальний предок – Лев Толстой, ещё при жизни ставший классиком.

Гневный обличитель всех проявлений общественной лжи и фальши, он решительно выступал против правящих кругов и официальной казённой церкви,

далёкой от истинного христианского учения, отвергал «догматическое богословие».

«Еретические» выпады и инакомыслие стали причиной его отлучения от церкви и предания анафеме (проклятию) решением Святейшего синода от 20–22 февраля 1901 года. Это последовало сразу после выхода в свет романа «Воскресение», где осуждение власти и церкви достигает своего апогея. *«Не случайно... Толстого... предадут во всеуслышание анафеме, – писал известный литературовед Джафар Хандан. Слава «бунтовщика» всё прочнее устанавливается за Толстым, которого царские сановники мечтали заточить в тюрьму, услать в Сибирь, упрятать в далёкий Суздальский монастырь. И не напрасно боялись власть предержащие Толстого. Всё, что выходило из-под его пера, – повести, рассказы, статьи, – всё было неопровержимым обвинительным актом против монархии, буржуазного строя»* [152].

Толстой был «могучим глашатаем истин», за что и навлёк на себя гнев царского двора и церкви, предавшей его анафеме, – отмечает Г.Султанова. Но они «в бессилии отступали перед его неземным могуществом. Один из царских прислужников, генерал Слёзкин, сказал ему: *«Граф, слава ваша слишком велика, чтоб наши тюрьмы могли вместить её»*. Ещё красноречивее выразился реакционный журналист А.Суворин: *«Два царя у нас, Николай Второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии... Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит...»* [130].

Эльчин Эфендиев в наброске «Мир полон невероятностями» пишет: *«Я не знаю второго такого человека, который был бы ближе Толстого к богу. А церковь «отлучила» его от себя»* [162, с.85].

Первой на защиту мужа встала Софья Андреевна. Она обратилась с гневным письмом к митрополиту Антонию: *«С точки зрения той церкви, к которой я принадлежу и которая должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех, – для меня непостижимо решение Синода. Оно вызовет не сочувствие, а негодование в людях и боль»*

шую любовь к Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъяснения – и им не будет конца – от всего мира» [105].

Это письмо и ответное митрополита были опубликованы 24 марта 1901 г. в Петербурге в «Церковных Ведомостях» (№ 17).

После долгих колебаний последовал ответ синоду Толстого: *«Верю я в то, что воля бога яснее, понятнее всего выражена в учении Человека Христа. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство; и в той мере, в какой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти»* [142].

Истина для Толстого была превыше всего. Он искал её на протяжении всей жизни, неустанно стремился к ней и нашёл в «духовной мудрости» народа. *«Сближался я с народом, слушал его суждения о жизни, о вере, и всё больше и больше понимал истину...»* [142].

В поисках истины Толстой задавался вечными вопросами о смысле бытия и мучительно пытался найти ответы на них: *«Я искал объяснения на мои вопросы во всех тех знаниях, которые приобрели люди... искал мучительно, упорно, ...как ищет погибающий человек спасения, – и ничего не нашёл», – пишет он в V главе «Исповеди». «Вопрос мой... самый простой... Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью? ...я испытывал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек...»* [142].

Над смыслом жизни задумываются и герои Толстого: Николенька Иртеньев и Дмитрий Оленин, Андрей Болконский и Пьер Безухов, Константин Левин и Дмитрий Нехлюдов, Наташа Ростова и Анна Каренина, Степан Касатский и Хаджи Мурат и др. Вспоминается эпизод с князем Болконским на поле боя под Аустерлицем, когда перед лицом смерти он понимает, что все желания и устремления далеки от истинного смысла жизни. Простиравшееся над ним

«неизмеримо высокое» небо с тихо ползущими по нему серыми облаками вызывает к мыслям о вечности, в сравнении с которой всё кажется ничтожным. Раннее понятное уступает место «величию чего-то непонятного, но важнейшего!».

«Всюду он, Толстой, – в вечных «поисках всеобъемлющей правды», – как сказал он нём Горький. И эта страсть сделала его художником, мыслителем, проповедником и одновременно. Художник изображал жизнь, мыслитель анализировал её, проповедник утверждал свою правду, как найденную, наконец, для спасения рода человеческого», – писал А.Гаджиев в статье «Великий писатель земли русской» [43]. Правда была неотделима от веры в бога, от любви к ближнему, которая придавала смысл жизни.

Важно отметить, что Толстой никогда и не отрекался от бога, а лишь отдалялся от него. Мучился, терзался, боролся с сомнениями, был в вечном смятении, что было неизбежным следствием его духовной эволюции. Всё это нашло отражение в его дневниках-откровениях. *«Всякий раз, когда я, взяв в руки, перелистываю дневники патриарха Толстого, – пишет Э.Эфендиев, – в памяти всплывает дневник еврейской девочки, жившей гораздо позже писателя, можно сказать, в совсем другую эпоху, и начинаю думать о ней. Почему? Если бы я знал» [162, с.24].*

Что же связывает Толстого с еврейской девочкой? Он – мыслитель, философ, она – ребёнок. Наверное, связь поколений и дневник – тайник души человеческой. *«Я не живу, когда теряю веру в Бога... я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его.*

Знать Бога и жить – одно и то же. Бог есть жизнь... И сильнее, чем когда-нибудь, всё осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня... Когда и как совершился во мне этот переворот, я не мог бы сказать... постепенно, незаметно возвратилась ко мне сила жизни... Я вернулся во всём к самому прежнему, детскому, юношескому... я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни – быть лучше... теперь же я знал, что без этого я не могу жить. Со мной случилось как будто вот что: меня посадили в лодку, оттолкнули от неизвестного мне берега... и оставили одного... Долго я не

мог понять, что случилось... Но, оглянувшись назад, вспомнил о берегу... и стал выгребаться назад... Берег этот был Бог... сила жизни возобновилась во мне, и я опять начал жить» [140].

Толстой так и не смог окончательно прибиться к берегу. Его влекло к новым духовным исканиям, к новым познаниям истинного смысла жизни. До конца дней своих он был раздираем противоречиями, метался между верой и безверием, между борьбой и кротким смирением. *«Я поверил в учение Христа – и жизнь моя вдруг переменилась... Со мной случилось то, что случается с человеком, который вышел за делом и вдруг дорогой решил, что дело это ему совсем не нужно и повернул домой. Направление моей жизни – желания стали другие: и доброе и злое переплелись местами. Всё это произошло оттого, что я понял учение Христа не так, как я понимал его прежде... то, что я понял, перевернуло мою душу и дало спокойствие и счастье» [140].*

Единственно, во что верил Толстой без колебаний, всей душой – это в силу, духовную мощь и нравственное величие русского народа, в его светлое будущее. Всё творчество писателя проникнуто безмерной любовью и сочувствием к людям труда. *«...большинство из них не может чувствовать себя в рабстве у тех помещиков, купцов, землевладельцев... терпят, не переставая, штрафы, побои, унижения... – говорится в статье «Великий грех, – народ... не может продолжать существовать, когда ему оставлена только малая часть земли, которой он должен кормить себя и всех паразитов, присосавшихся к нему» [136].*

Осознавая своё призвание быть «адвокатом 100-миллионного народа», он пишет В.В.Стасову 18 октября 1905 года: *«Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от неё, я не сочувствую» [143, т.22, с.591].*

У Эльчина Эфендиева в «Высшей троице» читаем: *«Любой писатель, известное дело, выражает себя. Если речь идёт о писателе талантливом, то одновременно с собой он выражает и свой народ. Великие писатели выражают всё человечество. В этом смысле для меня есть три великих общечеловече-*

ских писателя: *Старец Толстой, Шекспир, Сервантес*» [162, с.57]. Наверное, не случайно первым в этом ряду стоит имя великого Толстого. Он подарил человечеству бессмертные творения и пленительные образы, рождённые его необузданным гением.

Общечеловечность художественной правды Толстого наряду с Эльчином Эфендиевым отмечали многие азербайджанские писатели и учёные. *«Толстой был истинно национальным русским писателем. И именно поэтому его творчество... пользуется любовью, почитаемо... во всё мире... Он гений на все времена, для всего человечества!»*, – утверждал Ильяс Эфендиев [57].

«Человеком человечества» называл его Джафар Хандан [152]. Созвучные мысли были высказаны Арифом Гаджиевым: *«Писатель глубоко национальный... Лев Толстой стал в тоже время одним из гениев общечеловеческой культуры»* (19). А Мирза Ибрагимов уподобляет Толстого *«яркому, неугасимому солнцу над широким горизонтом русской литературы»* и называет *«гордостью великого народа и всего прогрессивного человечества»* [73].

С «волшебником» сравнивал его Мехти Гусейн и отмечал, что в его творениях *«наряду с национальными... особенностями, глубоко, во всей своей неотразимой правде раскрывается и общечеловеческое»*. И именно гуманизм «сделал Толстого явлением всемирного значения, придал его творчеству бессмертие» [63, с.10-11].

Для Сулеймана Рагимова Толстой являлся *«колоссом, титаном мысли, непревзойдённым художником»*, которого *«выпестовал русский народ... он дал человечеству Толстого»* [113, с.12]. А по словам Мамед Арифа, Толстой был поистине «нравственным писателем», и сам *«страстно желал России таких писателей»* [27, с.16].

«Нравственным писателем» можно назвать и самого Эльчина Эфендиева. Непомерная любовь и глубокое восхищение Толстым, несомненно, передались ему от отца, известного прозаика и драматурга Ильяса Эфендиева. Будучи почитателем таланта великого писателя, он всё же не идеализировал и не превозносил его, как сын. Об этом и состоялся разговор с отцом, который автор пере-

даёт в наброске «Величие Толстого»: *«Позавчера, наконец-то, вернулся домой из командировки в Гану. Маршрут «туда» был следующим: Баку – Москва – Будапешт – Триполи – Порто Ново (столица Бенина) – Аккра. Путь «обратно» пролегал соответственно в обратном порядке.*

Отец искренне удивился: «Всё побоку, – сказал он. – Удивляюсь, как ты боролся со скукой в стольких аэропортах, стольких самолётах?

–Очень просто, – отвечал я. – Со мной был том Толстого.

Отец не выдержал:

–Послушай, да ты просто идеализируешь Толстого!

Слова эти задели меня за живое, всё время допрашиваю себя, идеализирую ли я Толстого? Нет. Всё дело в том, что сам Толстой не позволяет идеализировать себя, потому что, как ни идеализируй его, «старец Толстой» всё равно выше сотворённого тобой идеала» [162, с.83].

Не только Эльчин Эфендиев признавал несравненное величие Толстого и, конечно же, идеализировал его. В представлении Сулеймана Рагимова Толстой – *«пророк, глубоко почитаемый аксакал в мире творчества... высота недостижимая... полководец, не знающий поражений в бою...» [113,с.4].*

«Толстой, – пишет Мирза Ибрагимов, – безбрежный океан творчества. Читая его, учась у него, люди духовно обогащаются и, кажется, от этого ещё шире, глубже, возвышеннее становится наследие титана художественной мысли, бессмертный гений которого и ныне помогает передовому человечеству в его борьбе против сил зла и мракобесия» [73, с.9].

И Расул Рза называет его титаном литературы. *«Отобразить эту бурлящую жизнь под силу только такому человеку, такой глыбе... Он как бы держал на ладони свою эпоху, широко охватывая её зорким и мудрым взглядом...» [116].*

«Лев Толстой – явление не только истории литературы. Он и в наши дни учит нас видеть прекрасное, верить в разум и красоту человека», – писал Ариф Гаджиев [43].

А можно ли учиться жизни, познавать её лишь по книгам, или всё-таки не-

обходим собственный жизненный опыт. Об этом и рассуждает Эльчин Эфендиев в своём наброске «Жизнь и Книга». Он высказывается против лозунга «жизнь надо изучать», отмечая его нелепость. *«Но и в том случае, если бы в хрестоматийном лозунге под словом «жизнь» подразумевалось бы изучение человеческих чувств и переживаний, быта и обихода людей, то и от этого лозунг не перестал бы звучать менее смешно, если не сказать менее глупо.*

Вы можете вообразить себе графа Толстого или лорда Байрона, отправившихся «с сумой на плечах» изучать эту самую жизнь?! Или, скажем, Горький или Джек Лондон, поднявшиеся буквально со «дна жизни», – разве они прожили детские и юношеские годы в нищете и лишениях с одной только целью «изучить жизнь»? Так сложились их судьбы, и именно по её велению они стали писателями (точно так же, как потомственный аристократ Пушкин и простолудин Бальзак, всю свою жизнь стремившийся «во дворянство»)» [162, с.31].

Автор выражает своё несогласие и с расхожей фразой «чтением книг жизни не познать, не научиться». Он задаётся вопросом: *«Разве произведения Толстого жизни не учат? Есть ли более величественный учебник жизни, чем «Дон Кихот»? И что в таком случае Шекспир? Нечто, не имеющее отношения к жизни?» ...стремление противопоставлять друг другу Жизнь и Книгу есть выражение махрового невежества» [162, с.31].*

«Художественные произведения Толстого – это подлинные свидетельства, живые картины реальных исторических событий, исторических судеб и характеров. В них сама жизнь» – вместе с Эльчином Эфендиевым утверждали азербайджанские писатели. «Как будто мы встречаемся с ними не на страницах книги, а в жизни, в водовороте событий, в борьбе, – пишет Мирза Ибрагимов. – Толстой взял этих героев из самой жизни, он прекрасно знает их душевный мир, их образ мышления, нравы, обычаи и именно потому с большим мастерством воспекает мечты и чаяния, чувства и страсти людей» [73, с.8].

Герои Толстого предстают словно живые из книг, ведь *«написаны столь сочными красками, воплощают самые характерные черты своей эпохи. Благодаря этим качествам они становятся школой жизни для многих поколений лю-*

дей, ибо их достоинства и недостатки одинаково характерны и поучительны» [73].

По словам Сулеймана Рагимова, *«когда перечитываешь сегодня Толстого, перед тобой словно открываются необозримые горизонты, безбрежные океаны» [113,с.12].* А в одном из своих выступлений он отмечал: *«Толстой близок каждому человеку, двери толстовской академии открыты всем читателям, а его сердце, широкое как мир, распахнуто людям. Проходят годы, а он всё ближе и ближе каждому из нас, и мы по праву зовём его своим учителем» [57].*

А в семье Мехти Гусейна и вовсе существовал культ Толстого. *«Если я или моя жена перечитываем какое-либо произведение великого художника, – писал он, – то мы считаем своим долгом безотлагательно сообщать друг другу то новое, что мы только что обнаружили в том или ином его произведении» [63, с.11].* Толстой так высокохудожественно отображал свои образы, что позволило М.Гусейну сказать: *«...мне кажется, что я и писатели моего литературного поколения никогда ничего нового не скажут о людях – так поразительно умение его раскрывать характеры, так велика сила убеждения его волшебного слова, пленяющая даже тех, кто очень много видел и пережил в своей жизни» [63, с.10].*

Не менее поэтично выразился и Расул Рза: *«Читая, перечитывая Толстого, забываю, что эти герои, созданные рукой чародея слова, суть литературные образы. Художественная правда толстовских творений столь велика, что мы ощущаем малейшие колебания душевных струн его героев» [116].*

Притягательная сила искусства в теплоте его произведений, что достигается богатством и выразительностью языка писателя, умением подобрать нужные слова для воплощения чувств и мыслей в ярких художественных образах. Эту мысль проводит Эльчин Эфендиев в отрывке *«Древние арабы повлияли на Толстого?». «Для меня, – пишет он, – одним из показателей классической русской прозы является феномен тепла, жара. Само по себе это довольно-таки страшное явление. Русские живут в холоде, но постоянно тоскуют по теплу. По-видимому, именно в этой тоске коренится их многовековая политическая*

тяга к «тёплым морям». В геополитическом плане это стремление приводит к колониальным притязаниям, в литературе же, напротив, вечная тяга, потребность в тепле обуславливает человечность, примат чувств в русской прозе. В этом смысле для меня самый «тёплый» русский писатель, безусловно, Толстой. Он и сам признаётся, что в детстве, наряду с русскими сказками, сильное влияние на него оказали и арабские сказки. И я абсолютно уверен в том, что терпкое тепло арабских сказок подсознательно согревало Толстого, и это чувствуется во всех его произведениях» [162, с.59]. Тепло это исходит от слов, которые передают особую энергетику автора, выступающего в роли «молчаливого» собеседника. Именно об этом пишет Г.Султанова: «Толстой нёс в себе огромный заряд энергии, способной изменить сознание людей, их миропредставления. Он обладал огромным даром нравственно перерождать людей, делать их чище, искреннее, душевнее» [130].

О теплоте и лучезарном свете его творчества говорит и Джафар Хандан: *«Он был художником, утверждающим жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых её проявлениях; его произведения всегда словно залиты солнечным светом, в них присутствует, живёт не устающая бодрая мысль. Он призывал сделать наш мир «прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нём» [152].*

Не только его творчество излучает яркий негасимый свет, но и любимое пристанище Ясная Поляна. *«На этот свет со всех концов планеты устремлялись люди в ту пору, когда был жив писатель, сказавший: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и моё отношение к ней...» [98].*

И после кончины Толстого не ослабевал людской поток. Горький писал: *«Весь мир, вся земля смотрит на него, отовсюду... протянуты к нему живые трепетные нити, его душа – для всех и – навсегда» – говорится в статье журналиста Светланы Мирзоевой, посетившей Ясную Поляну. – Под конец дня, покидая этот милый уголок, «люди идут молчаливо и сосредоточенно, будто оберегая огонёк, что загорелся внутри от света Ясной Поляны, света любви Тол-*

стого к истине, к природе, к человеку» [98].

Толстой незримо присутствует не только в своей усадьбе, живёт в своих бессмертных образах, в их мыслях и чувствах. Это целый мир, бесконечная вселенная. Это «седьмой континент», – как его называет Эльчин Эфендиев в одном из мини-эссе. Его *«населяют люди, чьи чувства, переживания, особенности их внутреннего мира, размышления лично мне интересны больше, чем, возможно, эти же самые аспекты людей остальных шести континентов. Самое главное же заключается в том, что эти люди мне по-человечески ближе, почти родственны (это чувство навсегда овладело мной). И я близок им, и меня они считают своим родственником. И я в этом уверен»* [162, с.76].

Схожие чувства испытывал и Расул Рза: *«Перед глазами словно оживает целый мир, населённый самыми разнообразными людьми, страдания, радости и мечты которых глубоко волнуют меня»* [116].

Такая же эйфория переполняет и Сулеймана Рагимова: *«Начинаешь читать Толстого, и словно погружаешься в насыщенный загадками океан разума. Его подводные течения увлекают в бесконечные глубины воображения. Здесь встречаешься с людьми совершенно различных характеров, стремишься ближе познать их, влюбляешься в одних и ненавидишь других, остаёшься равнодушным к третьим, а через них всех познаёшь самого себя. Читая Толстого, узнаёшь человека – царя и венец природы, чувствуешь его могущество, познаёшь, в чём сила честного, достойного человека, человека-патриота, и в тебе рождается глубокая вера в человека вообще»* [113, с.3].

3.2. О героях романа «Анна Каренина»

Из исторического прошлого в «Войне и мире» Л.Толстой переносит читателя в современную ему действительность в «Анне Карениной» (1873–1877). Здесь на первый план выступает «мысль семейная». Первоначально задуманный как сугубо семейно-бытовой роман, он в процессе художественного воплощения обретает социальную направленность.

Замысел относится к началу 1870 года, когда наметился сюжет о замужней женщине *«из высшего света, но потерявшей себя... жалкой и не виноватой»* [148, с.501]. Толстой считал, что *«роман надо писать не столько о том, что произошло до женитьбы, сколько о том, что произошло после...»* [148, с.568]. В письме к Н.Н.Страхову от 11 мая 1873 года он признаётся: *«Роман этот – именно роман (имеется в виду не жанр, а любовные взаимоотношения. – Г.Г.), первый в моей жизни, очень взял меня за душу, я им увлечён весь... он пришёл мне невольно и благодаря божественному Пушкину, которого я случайно взял в руки»* [143, т.18, с.732].

Об этом факте упоминает и сын писателя С.Л.Толстой в своих воспоминаниях: *«Это было 19 марта 1873 года. ... я... стал перелистывать том Пушкина. Отрывок «Гости съезжались на дачу» мне показался скучным. ...Я положил книгу на стол, открытую на этом отрывке. Вошёл отец, взял книгу и сказал: «Вот как надо писать!»* [148, с.568].

Материал для романа писатель черпал из наблюдений над окружающей жизнью и из личного опыта *«...психологических ситуаций, пристального изучения характеров и проникновенно угаданных душевных переживаний известных писателю людей»* [148, с.590]. Гибель Анны навеяна самоубийством Анны Степановны Пироговой, незаконной жены помещика А.Н.Бибикова, соседа Толстого по Ясной Поляне [148, с.568].

Прототипом А.Карениной «не характером, не жизнью, а наружностью» послужила Мария Александровна Гартунг, дочь А.С.Пушкина, которую писатель встретил в 1868 году на балу у генерала Тулубьева. Его поразили *«арабские завитки на затылке. Удивительно породистые»* [148, с.568]. Толстой словно срисовал её с портрета И.К.Макарова 1860 г.: то же чёрное кружевное платье, такая же гирлянда анютиных глазок в волосах, завитки курчавых волос и нитка жемчуга на шее.

С.Мирзоева, побывавшая в доме-музее Толстого, так описывает её портрет: *«В... музее поражает ещё один портрет в овальной раме – изображение дочери А.С.Пушкина – Марии Александровны Гартунг. Но это же Анна Каре-*

нина! Спутать невозможно! Явственно замечаем, что «в выражении мило-видного лица было что-то особенно ласковое и нежное», видим «блестящие, казавшиеся тёмными от густых ресниц серые глаза», «своевольные короткие колечки курчавых волос». К счастью, судьба Марии Александровны была куда благополучней. Трагедии Анны Карениной дала толчок история, происшедшая в соседнем с Ясной Поляной имении» [98].

Прообразом героини могли послужить А.А.Оболенская (урождённая Дьякова), её сестра М.А.Дьякова, дочь П.А.Вяземского, княгиня Е.А.Голицына (урождённая Черткова) и многие другие. *«Насколько приблизительны догадки о прототипах... можно видеть из вариантов и черновиков к роману, наглядно показывающих, как в процессе работы автора менялись и внутренний облик действующих лиц и их наружность. По мере развития романа образ Анны постепенно морально повышался, образы же Каренина и Вронского, наоборот, снижались» [148, с.568].*

Азербайджанский писатель Сулейман Рагимов также считал, что Анна Каренина – это образ собирательный, вобравший в себя черты многих женщин. *«Я глубоко убеждён, – пишет он, – что подлинной толстовской Анны Карениной – со всеми пережитыми ею событиями, с конкретными деталями её состояний, её размышлений, переживаний, в реальной жизни не было. Сила художественной типизации Толстого настолько неотразима, что никому и в голову не приходит задаваться вопросом, жила ли на самом деле такая Анна» [111, с.13-14].*

Создавая яркие, насыщенные, жизненно правдивые характеры, *«Толстой всегда шёл от... живых наблюдений и впечатлений, – отмечает Мирза Ибрагимов. – Словно одним пронизательным взглядом он сразу охватывал всё богатство, многообразие и сложность жизни человека. Когда он творил, в его памяти с волшебной силой и ясностью оживали лица, характеры, события, увиденные в жизни, всё сложное переплетение фактов и наблюдений. И ни одна деталь, необходимая для воплощения его творческого замысла, не оставалась вне поля его зрения. Хорошо сказал об этой способности Толстого Горький: «В паре глаз Льва Николаевича были тысячи глаз. От таких глаз, ко-*

нечно, ничто не скроется» [73, с.8].

Ничто и не ускользнуло от внимательного взора писателя и при отражении образа Анны. Главная героиня пытается вырваться из пут ненавистного законного брака, избавиться от мужа Каренина, и, всецело отдавшись любви с Вронским, обрести долгожданное женское счастье. Увлечённая глубоким чувством, она бросает вызов светской морали и должна понести наказание.

«Трагедия Карениной заключалась в слабости оправдания её вины», – считает Э.Эфендиев [162, с.58]. Она слепо и безоглядно отдаётся порывам чувств, не думая о последствиях. Её ослепляет губительная страсть, постепенно подводя к краю бездны.

С Вронским её связывает не духовная близость, а плотская. Толстой художественными средствами решает вопрос противостояния этих двух начал. Не зря говорят, что истинная любовь не в том, чтобы «смотреть друг на друга, а в том, чтобы смотреть в одном направлении». Именно этого не хватало в отношениях героев, что привело к духовной отчуждённости, стало причиной несчастья. Каренина жертвует ради Вронского всем: общественным положением, уважением окружающих, семьёй, единственным сыном. И поэтому ждёт от него такой же жертвенной всепоглощающей любви. Греховная страсть подавляет и даже материнские инстинкты, мешая наслаждаться любовью к новорожденной дочери, оттесняет чувство долга.

Невозможность соединить два дорогих сердцу существа – сына и любимого, когда «одно исключает другое», усугубляет внутренний разлад. Анна осознаёт всю безвыходность, отчаянность своего положения и это приводит к трагическому концу. Ей становится невыносима жизнь и хочется поскорее «потушить свечу». И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла «книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей всё то, что прежде было во мраке, стала меркнуть и навсегда потухла» [143, т.9, с.364].

Толстой не осуждает её, но и не оправдывает, ведь есть «грозный Судия... И мысли и дела он знает наперёд». *«Сагой о трагической судьбе женщины из*

«высшего общества» назвал роман Ариф Гаджиев [43].

Как образец романа-трагедии определяет его жанр С.Шарифова, так как он завершается катарсисом, чем и отличается от романа-драмы и мелодрамы [158, с.268]. Писатель размышляет не только о несчастной судьбе женщины, но и поднимает вопрос воспитания детей, лишённых родительского тепла и опеки. И не случайно, наверное, в романе выведен образ Долли Облонской, воплощающей черты добропорядочной матери. Её беззаветная любовь к своим детям – своеобразный укор главной героине. Материнское чувство свято, – утверждает Толстой. А Анна, даже умирая, не вспоминает о детях. Так кто же всё-таки виноват в её гибели, кто подвёл Анну к роковой черте? *«Убийца Анны. Звучит банально, но тем не менее подлым убийцей Анны Карениной является, конечно, не поезд, её убило общество»*, – считает Э.Эфендиев [162, с.90].

В азербайджанском литературоведении на этот счёт сложилась единая точка зрения: причина самоубийства Анны – в общественном порицании, сложившихся социальных условиях. *«Слова Анны, которую безысходность положения привела под колёса поезда: «Всё неправда, всё ложь, всё обман, всё зло!», – не просто крик души отчаявшейся женщины, а приговор всему социальному устройству того времени»*, – пишет Джафар Хандан [152].

Мирза Ибрагимов тоже бичует общество: *«Писатель ставит в романе очень серьёзные этические проблемы, с неотразимой убедительностью показывает всю гнилостность «нравственных устоев» дворянской семьи, в которой господствуют лицемерие, ханжество. Чувства Анны, долгое время изнемогавшей в своей золочёной клетке, внезапно воспламеняются при встрече с Вронским и в сердце её пробуждается сильная, страстная любовь, которую не признают ни Каренин, ни мораль аристократического общества. Они чёрной стеной встают на пути Анны к её счастью. Критическое остриё направлено в этом произведении против Каренина, вельмож и аристократов»* И далее: *«В «Анне Карениной» Толстой показывает негодность, порочность буржуазно-помещичьих, общественных и семейных отношений. На фоне глубоко жизненных, реалистически воссозданных событий, эпизодов он убедительно показы-*

вает, что порядки, нравы этого общества не дают человеку счастья и душевного равновесия, обрекают его на нестерпимые страдания и страшные трагедии. Такие порядки надо уничтожать. Этот вывод сам собой вытекает из живой и активной сущности толстовского реализма» [73, с.7].

О растлевающем влиянии николаевского общества пишет в статье и Г.Султанова: *«Идея о необходимости нравственно чистой жизни настойчиво утверждается Толстым в его романах «Анна Каренина», «Воскресение» и других произведениях. Бездушное, бесчеловечное общество, точно машина, жестоко перемалывает, растаптывает, уничтожает чистые человеческие чувства, искренние порывы. Здесь, в этом мире «сытых и равнодушных» царит ложь, разврат и лицемерие. Всё здоровое неизбежно обречено на гибель – таково растлевающее воздействие буржуазно-помещичьего строя» [130].*

Бесспорно, общество виновато в смерти Карениной, но ведь и её поступку нет оправдания: предала мужа, оставила сына, и всё из-за безумного увлечения, страсти, неожиданно вспыхнувшей в ней. Муж видится ей ненавистным стариком, министерской куклой в сравнении с молодым красавцем Вронским, горячим, пылким, страстным, искренно влюблённым. А страсть, как известно, недолговечна, заволаживает, окутывает и исчезает. Она как необузданная лошадь, которую если не остановить, то понесётся и сбросит седока. Она подобна пламени свечи, быстро возгорает и так же скоро гаснет.

Каренина забыла о святости семейных брачных уз, о верности. Вспоминаются слова Татьяны Лариной из «Евгения Онегина»: «Но я другому отдана и буду век ему верна». Чувства Анны взяли верх над благоразумием. Забыв о супружеском долге и материнстве, она целиком отдалась захватившему её чувству и позже испытала все его трагические последствия.

Если в начале Анна предстаёт спокойной, гордой, изящной красавицей, то в конце мы видим её глубоко несчастной, растерянной, раздражённой женщиной. Ни Каренин, ни Вронский – оба Алексея (Алексей в переводе с греческого означает «защитник», а Анна с древнееврейского «благодать») не смогли уберечь её. Спасти от самой себя и божьей кары невозможно. Именно такой роко-

вой исход был предрешён с самого начала, всё словно подводило к этой трагической развязке.

«Эпиграф «Анны Карениной» – «Мне отмищение, и аз воздам» находится во «Второзаконии» (гл.32, стих 35) и приведён в «Послании к римлянам» ап. Павла (гл.12, стих 19). Иными словами, это изречение значит: поступки против нравственного закона неминуемо караются, что и случилось с Анной. Лев Николаевич в то время идеализировал семейную жизнь и считал измену мужу или жене безусловно безнравственным поступком. Это он и хотел показать в своём романе» [148, с.568].

Построить счастье на несчастьях других невозможно. Страсть утихла, чувства поостыли, и она увидела всё в реальном свете. И наказала себя. Вот причина самоубийства! Во всяком случае для современного читателя это так.

Если мысленно перенести ситуацию в наши дни, то всё обстоит так же. Разве мы не стали бы осуждать и даже клеймить женщину, бросившую мужа и ребёнка ради возлюбленного? Ведь такие случаи встречаются в повседневной жизни. Опять обличать общество или всё же признать моральное падение этих людей, их слабости и ошибки, отсутствие воли, неумение противостоять чувственным наслаждениям и жизненным обстоятельствам.

«Когда Анна и Вронский, – пишет Э.Эфендиев в наброске «Магия Толстого», – подчиняясь безумной страсти, бросились в объятия друг друга, кто бы мог подумать, что дитём этой страсти будет девочка, которую воспитает и выведет в свет Алексей Александрович Каренин, к которому они оба испытывают генетическую ненависть и отвращение?» [162, с.92].

Каренин – типичный представитель светской знати. Как и остальные образы, он срисован с реальных лиц. С.Л.Толстой среди прототипов героя называет С.М.Сухотина, жена которого его бросила и ушла к Ладыженскому. Он был довольно богатым помещиком и служил в Москве, в дворцовой конторе, а не в Петербурге в министерстве» (148, с.570). По мнению С.Толстого, в Каренине есть и черты П.А.Валуева и В.А.Иславина, служивших в министерстве, а также свояка Л.Толстого А.М.Кузминского, «честолюбивого, корректного судебного

деятеля». Каренин похож также на знакомого Толстого, барона В.М. Менгдена, помещика и чиновника, отца двоих сыновей, с красавицей женой Елизаветой Ивановной (урожд. Бибиковой). *«Описывая чету Карениных, он мог вообразить себе чету Менгденов и то, что случилось бы, если б она изменила мужу»* [148, с.570].

Азербайджанские литературоведы категоричны в характеристике образа Каренина. Почти все представляют его холодным и бездушным. *«За образом Каренина, этой бездушной машины, – пишет Джафар Хандан, – как бы встаёт образ бюрократического царского государственного аппарата. Подобно тому, как личность Каренина со всем своим видом, поведением, своей потрясающей сдержанной холодностью и «правильностью» производит давящее, мертвящее впечатление, так и на пути живой жизни, её радостей и счастья стоит государственная самодержавная машина, перемалывающая в своих жерновах всякое проявление человеческой свободы. Анне в романе приходится вести борьбу не только с Карениным, но и со всем высшим обществом, с государственными законами. И смерть её – протест против этого общества»* [152].

Мирза Ибрагимовым также даётся отрицательная трактовка образа Каренина. Он подходит к нему через восприятие самой Анны: *«Каренин холонокровен и бесстрастен, как машина. Покорность лицемерной морали аристократического общества для него превыше всего. Он всячески оберегает свою репутацию, его заботит лишь то, чтобы внешне в его семье всё выглядело благополучно, а отсутствие большой настоящей любви мало беспокоит его. Каренин не способен любить и не заслуживает любви. Его сердце покрылось ржавчиной, чиновник задушил в нём человека»* [73, с.6]. Поэтому Анна и предпочла бесчувственному мужу страстного возлюбленного.

Отмечая умение Толстого «пристально следить за развитием чувств и мыслей» своих героев, М.Ибрагимов так описывает её состояние, когда она в беседе наблюдает за скачками: *«Два противоречивых чувства борются в её душе, причиняя ей невыносимые страдания. Два человека, ставшие для неё «двумя центрами жизни», не оставляют её, не дают ей покоя. Мысль о Вронс-*

ком наполняет её сердце светлой радостью. Образ Каренина омрачает эту радость, вызывает ненависть и презрение. Толстой с гениальным мастерством показывает эту сложную внутреннюю борьбу. Даже походка Каренина, его любезные улыбки, ищущие взоры нервируют Анну, причиняют ей боль, страдания. И в душевных муках Анны – через них – мы познаём низость Каренина. Вот как она думает о муже: «Одно честолюбие, одно желание успеть – вот всё, что есть в его душе, ...а высокие соображения, любовь к просвещению, религия, всё это – только орудия для того, чтобы успеть» [73, с.8]. И далее: «Терзаемая этими чувствами и мыслями Анна старается не замечать мужа, избегать его ищущих взглядов. Тут же Толстой передаёт беседу Каренина с аристократами и вновь возвращается к страданиям Анны, раскрывает новые чувства, новые мысли, непрестанно волнующие её сердце, и снова мы видим в этих чувствах не только душевное состояние Анны, но и новые черты, качества натуры Каренина» [73, с.8].

Толстой погружается во внутренний мир героини, как бы проникает вглубь её сознания, показывая скрытую, незаметную работу мысли, и, словно под микроскопом прослеживая мельчайшие оттенки переживаний. Анна в глубине души, конечно же, осознаёт свою неправоту и пытается найти оправдание себе. Ведь не зря говорят, что в несчастье нет лучшего утешения, чем найти виновника своих бед.

В коротком внутреннем монологе ярко высвечивается стремление героини самооправдаться, выплеснув всю ненависть и обиду на мужа: «Я дурная женщина, я погибшая женщина, – думала она, – но я не люблю лгать, я не переносижу лжи, а его пища – это ложь. Он всё знает, всё видит; что же он чувствует, если может так спокойно говорить. Убей он меня, убей он Вронского, я бы уважала его. Но нет, ему нужны только ложь и приличие...». «Мысли эти не оставляют Анну, – пишет М.Ибрагимов. – Доведённая до отчаяния, она объявляет войну высшему свету, не признающему свободы в любви, свободного брака. Как долго она желала хоть раз увидеть своего супруга мужчиной, человеком! Но это невозможно. Каренин холоден и бездушен как камень» [73, с.9].

Спокойствие и сдержанность мужа раздражают Анну, выводят её из себя, она ждёт от него решительных действий, словно принуждает к этому. Но он не поддаётся эмоциям. М.Ибрагимовым приводится отрывок из текста романа, в котором Анна резко и даже оскорбительно отзывается о муже в разговоре с Вронским: *«Это не мужчина, не человек, это кукла! Никто не знает, но я знаю. О, если бы я была на его месте, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену, такую как я... Это не человек, это министерская машина...»* [73, с.9].

Обвинения Анны вызывают в нас не ненависть к Каренину, а скорее сочувствие и жалость. Судьба его трагична. И он вовсе не «кукла» и не «машина», как называет его в порыве отчаяния Анна. А умный, образованный и глубоко порядочный человек, способный на искренние, неподдельные чувства. Именно таким мы видим его в сцене примирения с женой. Толстой, раскрывая всю тяжесть переживаний Каренина, объясняет его поведение, отношение к жене: *«Он до этого дня свидания с умирающей женой не знал своего сердца. Он у постели больной жены в первый раз в жизни отдался тому чувству умиленного сострадания, ...и которого он прежде стыдился, как вредной слабости... Он вдруг почувствовал, что то самое, что было источником его страданий, стало источником его духовной радости, то, что казалось неразрешимым, когда он осуждал и ненавидел, стало просто и ясно, когда он прощал и любил»* [143, т.9, с.459].

Как человека внимательного, мягкого, сострадательного характеризует его отношение к маленькой дочке Анны и Вронского: *«Он испытывал какое-то особенное чувство не только жалости, но и нежности. Сначала он из одного чувства сострадания занялся тою новорожденною слабенькою девочкой, которая не была его и которая была заброшена во время болезни матери и, наверное, умерла бы, если б он о ней не позаботился и сам не заметил, как он полюбил её»* [143, т.9, с.459].

Ребёнок, невинное создание смягчило душу Каренина, пробудило его отцовские чувства, хотя это дитя чужой крови и плод греха, и он готов принять его:

«Он по несколько раз в день ходил в детскую, подолгу сидел там. Он иногда по полчаса молча глядел на спящее шафранно-красное, пушистое... личико ребёнка... В такие минуты Алексей Александрович чувствовал себя совершенно спокойным и согласным с собой и не видел в своём положении ничего необыкновенного, ничего такого, что бы нужно было изменить» [143, т.9, с.459].

Но человек не предоставлен только самому себе, он живёт в обществе и должен подчиняться его законам. *«...кроме благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или ещё более властная сила, которая руководила его жизнью, и что эта сила не даёт ему того смиренного спокойствия, которого он желал» [143, т.9, с.450].*

Эта сила – благоразумие. На это указывает и сама фамилия героя, выбранная Толстым. *«Однажды он сказал мне, – вспоминает сын писателя, – Каренон – у Гомера – голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин».* [148, с.570]. Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин – головной человек, что в нём рассудок преобладает над сердцем, т.е. чувством?

Каренин лишь внешне кажется сухим и чёрствым, его высокомерие и холодность напускное. Он скрывает свои истинные чувства, не выставляет их напоказ, боясь выглядеть смешно и глупо и быть осмеянным в свете. Это та защитная стена, которой он старательно отгораживается от «живой» жизни, реальных проблем, душевных переживаний. Да, он скуп на эмоции и сдерживает их проявление. Но крах семьи, испытанная личная драма побуждают к этому. Рушатся все запреты и преграды, жизненные установки.

Анне чужды его боль и страдания, оттого что она не испытывает к нему любви и привязанности. Его судьба ей совершенно безразлична, она безучастна к ней. И то, что он стал мишенью для издёвок, насмешек и сплетен её абсолютно не заботит. В нём же не угасли нежные, тёплые чувства к ней, он потечески её опекает, думает о здоровье младенца, сетует, что жена не заботится об этом прелестном ребёнке, он даже соглашается на все её условия, вплоть до развода, ради её счастья. Так кто же более эгоистичен, жесток и несправедлив? И после всех этих адских мук он приехал на её похороны, забрал девочку. Те-

перь в семье будут расти двое детей: брат и сестра.

«Кто в мировой литературе пережил самое глубокое душевное потрясение? – Вронский после гибели Анны. – Но ведь роман фактически заканчивается смертью Анны. Что с того? – пишет Э.Эфендиев в наброске «Диалог с самим собой» [162, с.15].

Мучимый раскаянием, внутренне опустошённый, Вронский добровольцем уезжает в Сербию, чтобы вдали от родины заглушить боль тоски и, быть может, бесславно погибнуть на войне.

Мог ли он предвидеть, что всё так трагично обернётся, и очередной лёгкий флирт перейдёт в глубокое взаимное чувство, перевернувшее всё.

А ведь поначалу всё складывалось так удачно. Флигель-адъютант, беспечный богатый красавец, аристократ, типичный представитель «золотой молодёжи», которому уготована блестящая военная карьера. Но страсть к замужней женщине перечеркивает всё и заставляет порвать с привычной средой, отказаться от шумных забав и вольностей и уединиться в своём имении словно в заточении. Но такая размеренная спокойная жизнь сковывает его активную, деятельную, энергичную натуру. Самоотречённая любовь Анны не приносит ему счастья, не может по-настоящему заполнить его существование. Несмотря на сильное и глубокое чувство к ней, он всё же не способен до конца понять ни двусмысленности её положения, ни боли и мучений от разлуки с сыном, который своим «вопрошающим, противным» взглядом вызывает у него странное чувство «беспричинного омерзения». Он не готов принять её сына, он совершенно чужд ему, тогда как Каренин с самого рождения дочери Анны хотел заботиться о них, и после смерти жены забрал её к себе.

Каренин человек долга, на него можно положиться. Вронский же при всём его мужестве, благородстве, твёрдости и цельности характера, неглубокий, поверхностный человек, лишённый серьёзных устремлений. Он идёт по жизни напролом, не задумываясь о последствиях. Главное для него – добиться своего. *«Не знаю, взяты ли с известного лица индивидуальные особенности Вронского, – пишет С.Л.Толстой, – его энергичность, твёрдость его характера, огра-*

ниченность и условность его нравственных правил, его честолюбие, отношение к товарищам и женщинам. Толстой мог вспомнить гвардейских офицеров, знакомых ему по Крымской кампании, или тех, которых он знал во время своего пребывания в Петербурге» [148, с. 571].

Связь Вронского с Анной с самого начала была обречена и роковая развязка неминуема. Не случайно, каждая их встреча сопровождалась страшными предзнаменованиями: гибель вокзального сторожа под колёсами поезда, снеговая метель, закрутившая всё в вихре по дороге в Петербург, «плачевный и мрачный» свисток паровоза. А в сцене сближения с Анной он прямо напоминает убийцу, склонившегося над телом жертвы. Символичен также и эпизод скачек, когда Вронский из-за эгоизма загоняет лошадь. Кстати, кличка лошади совпадает с названием французской мелодрамы Мейлока и Галеви «Фру-Фру» (1870), героиня которой тоже погибает из-за измены мужу.

Сам того не осознавая, Вронский невольно становится причиной смерти Анны и жестоко расплачивается за это. Конечно, трудно было молодому военному, самоуверенному и отчаянному, пережить настоящую драму. Никто, как Толстой, не умел так живо и убедительно показать «текучесть» характера под воздействием неумолимых жизненных обстоятельств и впечатлений. Некогда статный, подтянутый щёголь, обольстительный соблазнитель, в конце выглядит постаревшим, осунувшимся, с застывшим окаменевшим лицом. И нет более того лоска и блеска: и глаза потухли, и залысина появилась, и борода отросла. Страдания глубоко отпечатались на его лице. А ведь Вронский ещё совсем молод.

О возрасте героев романа рассуждает Эльчин Эфендиев в наброске «Возраст Вронского»: *«Есть в стиле Толстого одна характерная особенность: в моём воображении его герои никак не могут перейти границы срока жизни, предначертанной им пером Толстого. Как ни стараюсь, не могу вообразить Анну, которой 60 лет, не могу и всё... Анна, допустим, не бросилась под поезд, жила себе и дожила до 60 лет, – абсолютно не вижу шестидесятилетнюю Анну! Или невозможно представить себе Вронского в возрасте 70 лет, во всяком случае, я не в состоянии этого сделать. Вот Левина в возрасте 70 лет*

вижу, а Вронского – никак. Могу представить себе юность даже такого типа, как Каренин, а вот старость Вронского невообразима» [162, с.18].

Мы видим героев такими, какими их изобразил автор на страницах романа. Анна и Вронский молоды и красивы, Каренин средних лет и не столь привлекателен. Такими они и останутся навсегда, а остальное можно лишь домыслить. И потом, если вспомнить блистательных актёров, воплотивших их образы на экране, то многих уже нет в живых, а остальные настолько состарились, что их трудно узнать. К примеру, российский Вронский – Василий Лановой, которому уже за 80 и лицо избороздили глубокие морщины. А его Анны – Татьяны Самойловой, увы, уже нет на свете. Вообразить литературных героев в старости можно лишь так, ассоциативно.

Определённые ассоциации возникают и при сравнении Стивы Облонского и его сестры Анны. Она его женский вариант, он же её мужской тип. Они как бы «отражаются друг в друге». Об этом Э.Эфендиев пишет в отрывке «Новая Анна Каренина»: *«В мыслях вертится предчувствие (представление) какого-то странного романа. Если точнее, такое ощущение, будто прочитал новый (а именно странный) роман – «Анна Каренина». Так вот, в этом романе у князя Облонского и Анны совсем другие черты характера: Анна осталась сестрой, но в то же время обрела черты женского варианта Облонского.*

То же самое и с Облонским: он продолжает оставаться братом, но выглядит мужским вариантом Анны. Остальные персонажи остаются в своей прежней ипостаси. В моём представлении – это невероятное событие, сравнимое с перестановкой мест Луны и Солнца: ночь – это на самом деле день, а день – это, выходит, ночь» [162, с.94].

Анна Каренина и Степан Облонский (Стива, как его ласково называют в кругу родных и близких) – единокровные брат и сестра. И потому очень схожи как внешне, так и свойствами характера. У обоих «неудержимый» блеск в глазах, что говорит о пылкости, страстности их натуры, огненном темпераменте. Оба стремятся к неограниченной свободе, нисколько не думая о близких людях.

Анна не любит мужа и открыто ему изменяет, и Стива тоже влюбчив и

легкомыслен, затевает интрижки с гувернантками. Причём ни он, ни она даже и не стараются скрыть свои похождения. Стива считает, что его терпеливая жена, мать шестерых детей, Долли должна прощать унижения и обиды, закрывать глаза на частые романы и при этом ещё быть снисходительной к нему. Анна же, не внемля просьбам мужа не разглашать своей любовной связи с Вронским, всё же не скрывает это от окружающих, выставляет постыдные отношения напоказ, тем самым уничтожив Каренина в глазах общества.

Избалованные светской жизнью, они оба безразличны и к своим детям. Анна бросает сына Серёжу, не дождавшись решения Каренина о разводе, и уезжает в Италию. К новорожденной дочери тоже равнодушна, поглощена лишь страстью. Стива тоже не занимается ни воспитанием, ни образованием детей. Всё возложил на хрупкие плечи своей послушной, покорной, забитой бытом жены.

Как видим, Анна и Стива родственные души, и не потребует особого напряжения мысли поменять их «сюжетные роли», как «Луну и Солнце», благодаря собственной фантазии и богатому воображению. Силой своего воображения и сообразно своим нравственным принципам Толстой «привёл» Анну на перрон и заставил броситься под поезд. *«О.Генри как-то сказал, что писатель пишет не своей, но кровью других, – пишет Э.Эфендиев в наброске «Чужая кровь». – Эту весьма интересную мысль можно трактовать по-разному. Я соглашусь с ней в том смысле, что писатель пишет кровью (других!) только в том случае, если он сам создал этих других – Анну Каренину и мадам Бовари, Отелло и Дездемону, Лейли и Меджнуна. В противном случае писатели выглядят вампирами»* [162, с.9]. Писатель, как актёр, обладает бесценным даром перевоплощения, выступая в роли то палача, то жертвы одинаково правдиво и талантливо. Он словно переселяется в душу своих персонажей, управляет их чувствами и мыслями и определяет дальнейший ход событий, построение сюжетной линии.

О сюжете и романе, о единстве формы и содержания Э.Эфендиев размышляет в отрывке «Роман и сюжет». *«Я абсолютно убеждён, – пишет он, –*

что сюжет не создаёт роман, напротив, роман создаёт сюжет. Роман – это значит люди, их чувства и переживания, различные уровни изучаемой натуры. В сущности, и сюжет вводит в роман те же самые компоненты... Замужняя женщина любит другого мужчину, испытывает внутренние потрясения, сталкивается с равнодушием возлюбленного; не желая и не умея примириться с этим, бросается под поезд – это сюжет «Анны Карениной». Но саму Анну впервые встречаем чуть ли не на сотой странице романа. Эти 100 страниц Толстого – подготовка к роману, подступ к нему, а вовсе не к сюжету» [162, с.33].

Цельность романа определяется не только сюжетом, описанием внешних событий, скажем, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, а, как отмечал сам Толстой, *«собранием мыслей, сцеплённых между собою для выражения себя. Само же сцепление составлено не мыслью, а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя, а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения»* [143, т.18, с.785].

Образы романа, видимо, оказали на Э.Эфендиева особо сильное воздействие. Полная драматизма судьба главной героини настолько тронула его, что он, переживая смерть отца, обратился именно к этому роману как к отдушине. Сам он пишет об этом в наброске «После Ильяса Эфендиева»: *«После кончины 3 октября 1996 года Ильяса Эфендиева ровно шесть месяцев я не прочёл ни одной книги (не мог) и только вчера, 3 апреля, ночью, до самого утра читал, как в первый раз, второй том «Анны Карениной» (пятая – восьмая части); почему именно эти части? не могу сказать...»* [162, с.62]. *«Читая «Анну Каренину», даже просто перечитывая страницы этого романа, начинаешь «ревновать его ко всем». Возникает жгучее желание запрягать его от посторонних глаз, чтобы никто не смог видеть... Будто он (роман) любимая женщина, которая предназначена только и только твоему взору»* [162, с.30].

Э.Эфендиев так увлёкся творчеством Толстого, что его постоянно манило в этот удивительный, волнующий, трепетный мир, он мысленно переносился в

воображаемое пространство. О своих ощущениях подкупающе искренне пишет он в наброске «Моя идиллия»: *«Ночами, когда одолевает бессонница.., я иногда даю себе команду «айда!» и телепортируюсь в свой мир... Там всегда конец лета или начало осени, листья ещё не все пожелтели и листопад ещё впереди, деревья ещё хранят живое тепло летнего солнца (здесь нет таких атрибутов XX в. как телефон, машинка, телевизор, диктофон, собрания, выступления...) и отбрасывают волнующие душу тени. И я усаживаюсь в этой тени, достаю ручку (не машинку, не диктофон!) и начинаю переводить на азербайджанский язык «Анну Каренину»...»* [162, с.56].

3.3. Рассуждения о толстовских образах

В книге Э.Эфендиева «Время и слово. Литературные раздумья» значительное место занимают мысли и суждения писателя о героях произведений Толстого – Оленине, Безухове, Болконском, Левине, Нехлюдове, Хаджи Мурате и, конечно же, о Кавказе, одном из самых ярких его художественных образов.

В одном из набросков «Вершины Кавказа... увлекают человека... в глубины» Э.Эфендиев пишет: *«Оленин из повести Толстого «Казаки» не только по происхождению и по образу жизни был аристократом – по своей природе он до мозга костей был «человеком высшего общества». Кавказ повлиял на его генетический код настолько, что он смог вырваться из пут условностей «аристократического общества» и познать в себе просто человека. Прошли годы и мне ясно как божий день, что именно оленинские переживания, именно оленинские прозрения подвигли стареющего Толстого написать «Исповедь» и «В чём мой грех?». Как и юный Оленин, молодой Толстой достаточно долгое время прожил на Кавказе...»* [162, с.82].

Известно, что образ Оленина во многом автобиографичен. Как и его герой, Толстой уехал на Кавказ в стремлении обновиться и «опроститься». *«Толстой был счастлив, что он едет. Он радовался тому, что ехал со своим любимым братом Николаем, что была весна, что он молод, а главное, радовался тому,*

что начиналось нечто новое, захватывающе интересное, такое, от чего изменится вся его жизнь и он избавится от своих пороков и найдёт самого себя» (134, с.49).

Оказавшись на лоне дикой природы, среди вольного казачества, в станице Старогладковской, где служил его брат Николай, он любовался красотой здешних мест и удальством казаков, и ему хотелось приобщиться к ним, и бросив всё, начать новую свободную жизнь. Его тянули к себе примитивные, здоровые простые люди. Они не коробили его своей банальностью, искусственностью. *«Люди живут, – пишет он в «Казаках, – как живёт природа: умирают, рождаются.., дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, исключая тех неизменных, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву. Других законов у них нет...».*

Куда девались убеждения Толстого... о том, что человек без перчаток «дрянь»? Он впадает в другую крайность: «Надо раз испытать жизнь во всей её безыскусственной красоте. Надо видеть и понимать, что я каждый день вижу перед собой, – вечные, неприступные снега гор» [134, с.51].

Толстой, как и Оленин, по словам Э.Эфендиева, «познаёт в себе просто человека в гармонии с природой»: *«...он смотрел вокруг себя на просвечивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо... И вдруг ему как будто открылся новый свет». «Счастье – вот что, – сказал он себе. – Счастье в том, чтобы жить для других... В человеке вложена потребность счастья...» [162, с.277].*

Но ему так и не удаётся ни самому обрести счастье, ни поделиться им с другими. Союз мужика и барина невозможен. Богатому дворянину, представителю высшего сословия не стать простолюдином, не изменить образ жизни и мыслей. Он так и остаётся чуждым местным жителям по душевному складу. Станица отворачивается от него, отказывается признать и принять в своё единство человека образованного круга. Он напоминает пушкинского Алеко, изгнанного из табора и обречённого на одиночество. И здесь прослеживается связь с традицией, определённая преемственность в изображении.

В кавказских произведениях Толстого грубая проза жизни переплетается с

романтическим накалом страстей, но без всякой экзотики. Именно об этом говорится в наброске Э.Эфендиева «Кавказ и русская литература»: *«Насколько Кавказ всегда был в центре внимания русской политики, настолько он занимал и русскую литературу. Красоты Кавказа (А.С.Пушкин), романтика Кавказа (М.Ю.Лермонтов), удаль Кавказа (А.А.Бестужев-Марлинский) дали русской литературе очень интересные произведения, среди которых есть и подлинные шедевры, подсознательно (бессознательно..., внесознательно...) присутствует экзотика и она, будучи яркой и увлекательной, не позволила отразить действительность Кавказа во всей её полноте и адекватно. Очевидно, именно в силу этого во всех произведениях русской литературы на кавказскую тему чуткое к художественной прозе ухо (восприятие) слышит фальшь даже в самых лучших образцах, где фальшь мастерски (талантливо!) замаскирована под своеобразие. Исключение «Хаджи-Мурат». В этой повести нашли своё художественное отражение и романтика Кавказа и его реальность, и лирика Кавказа и его суровость, возможности Кавказа и его притязания, дав ответ на вопрос: что такое Кавказ и кто такие кавказцы? Для этого мало объездить Кавказ, изучить его на месте и описать, его надо прочувствовать писательской интуицией. Толстой чувствовал Кавказ. До Толстого подобное чувственное постижение Кавказа можно обнаружить только у Лермонтова. После Толстого ни один русский писатель не смог как он вдохновенно описать Кавказ. Что касается русской политики, то она таки не удосужилась почувствовать Кавказ...»* [162, с.61].

Толстой многое почерпнул из творческого наследия писателей-романтиков и в то же время отрицал надуманность сюжета, чрезмерную перенасыщенность романтическими красотами, декоративный блеск, бурные романтические страсти. Всё это было так далеко от реальных картин кавказской действительности, возникших на основе непосредственного восприятия окружающего.

Толстой пытается развенчать сложившиеся неверные представления о Кавказе, навеянные бурной фантазией авторов. *«...начну с того, что черкесов нет – есть чеченцы, кумыки, абазехи и т.д. ... Чинар нет, есть бук, известное*

русским дерево, голубоглазых черкешенок нет (ежели даже под словом черкесы разуместь собирательное название азиатских народов) и мало ли ещё чего нет» [139].

Загадочный и романтический край открывается читателю по-новому, в своём подлинном своеобразии. Эпизоды военной службы, неповторимые черты кавказского быта отражаются полно, ярко. Кавказская тема соотносится у Толстого с нравственно-философскими рассуждениями о жизни и смерти, о назначении человека на земле, о подлинной и мнимой храбрости.

Сочувственным отношением к освободительной войне героев, восхищением их смелостью и непреклонностью проникнута повесть «Хаджи-Мурат». Обезглавленный герой – потрясающий душу пример жестокости русских к горцам. *«Я очень часто вижу сны, – пишет Э.Эфендиев в одном из набросков «Мир снов», – и, очевидно, в силу литературных занятий и пристрастий героями многих снов иногда бывают литературные герои: Анна, Отелло, Дон Кихот, Яго, Безухов... В молодые годы мне часто снилась отрезанная голова Хаджи-Мурата: отсечённая ударом кинжала, она жутко кровоточила, но разговора со мной не прекращала до тех пор, пока потоки крови не затопляли всё вокруг, заставляя меня судорожно просыпаться» [162, с.32].*

Видимо, чтение «Хаджи-Мурата» так потрясло его, что образ отважного воина всплывает и в снах. Причём, картина представляется во всех странных подробностях, сковывая и леденя душу. Лишь настоящий художник может изобразить события и героев с такой необыкновенной силой и правдивостью, что будоражит воображение, всецело захватывает ум и сердце.

Горцы покорили писателя своей безудержностью в стремлении к свободе, они благородны, прямы и открыты, у них горячая кровь и душа нараспашку. А у русских «загадочная душа». Об этом говорится в следующем наброске Э.Эфендиева «Толстой и загадочная русская душа»: *«Это надуманная проблема. Анна, Вронский, Каренин, Пьер Безухов, Наташа Ростова, отец Сергей, Андрей Болконский, Левин, Иван Ильич, Катюша Маслова, Нехлюдов, Фёдор Кузьмич... – настолько через этих персонажей возможно понять нрав челове-*

ка, настолько всё становится ясным и с указанной проблемой. Вне их ничего существенного нет. Принадлежность этих образов к русскому народу несомненна. В таком случае, это означает выражение «загадочный русский дух? Кто объяснит мне?» [162, с.57].

«Умом Россию не понять, в Россию можно только верить», – писал Тютчев. Эта фраза как нельзя точно характеризует национальную особенность характера «русских, живущих не умом, а сердцем» или «умом сердца», как Наташа Ростова. Герои Толстого следуют велениям своего сердца, они способны глубоко чувствовать, преданно любить, вплоть до самоотречения. Именно такой и Фёдор Протасов, герой «Живого трупа». Эльчин Эфендиев в своём наброске пишет об этой пьесе: «Если бы я не знал, кто является автором «Живого трупа», мне и в голову не пришло бы, что эту пьесу написал Толстой. «Живой труп» – единственное произведение Толстого, которое я не могу принять. «Живой труп» кажется мне предварительным и отрывочным наброском для будущего произведения. Гениальность Толстого – в его способности обосновывать. У Толстого нет необоснованных действий, ситуаций, размышлений и эмоций. Нет ни в одном произведении, кроме «Живого трупа». Почему Протасов поступает именно таким образом? Чего он хочет? Что его стесняет? Чего он ищет? Отчего он мучается? – в «Живом трупе» на эти вопросы нет ответов, достойных пера Толстого» [162, с.7].

Мирза Ибрагимов отмечает, что «Толстой знает формы и законы психологического процесса, диалектику человеческой души – борьбу чувств и мыслей. Это – качество, имеющее очень большое значение для художественного творчества...». Далее он пишет: «Психологический анализ в произведениях Толстого ценен прежде всего тем, что в основе его лежит правда действительности, подлинные и естественные чувства, живые страсти. Именно поэтому размышления писателя, его поэтические отступления, анализ тончайших движений души героев ничуть не задерживают развития сюжета, не снижают его драматической напряжённости, а, напротив, усиливают её» [73, с.8].

Художественное отображение духовного мира человека, событий его жизни тесно связаны у Толстого с исторической судьбой народа. Такое органичное соединение в эпическом по размаху романе «Война и мир» стало новаторством не только в русской, но и в мировой литературе. Роман был написан за шесть лет в период особого творческого, *«непрестанного и исключительного труда, при наилучших условиях жизни»* [141, с.356]. Сам Толстой так определяет жанр произведения: *«Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось»*. А характер времени когда происходят события, определяет так: *«В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями; та же была сложная умственно-нравственная жизнь, даже иногда более утончённая, чем теперь в высшем сословии... Есть характер того времени (как и характер каждой эпохи), вытекающей из большей отчуждённости высшего круга от других сословий, из царствовавшей философии, из особенностей воспитания»* [141, с.356].

Причину завоевательных войн видит в следующем: *«Такое событие, где миллионы людей убивали друг друга и убили половину миллиона, не может иметь причиной волю одного человека: как один человек не мог подкопать гору, так не может один человек заставить умирать 500 тысяч... Одни историки говорят, что причиной был завоевательный дух французов, патриотизм России. Другие говорят о демократическом элементе, который разносили ополченцы Наполеона, и о необходимости России вступить в связь с Европою и т.п. Зачем миллионы людей убивали друг друга, тогда как с сотворения мира известно, что это и физически и нравственно дурно?»* [141, с.363].

Этим вопросом задаются мыслящие герои Толстого, они мучительно ищут ответы на вечные вопросы. Характеры и психология героев, их мироощущения раскрываются во взаимоотношении с духовной жизнью народных масс, с исторической эпохой.

О синтезе эпического повествования и психологического анализа Э.Эфендиев пишет в одном из набросков: *«Масштабы мира Толстого, параметры ху-*

дожественного воображения, а главное – их таинственная природа всегда занимает мои мысли, порой создавая перед глазами зримые картины. Вижу громадную горную систему. Каждая из этих гор в отдельности – самодостаточна, завершена, целостна, как явление природы роман. Вот эта гора – роман «Князь Андрей», эта – роман «Пьер Безухов», эта – роман «Капитан Тушин», можно продолжать и продолжать... И все эти великие романы (эти величественные горы) образуют грандиозную горную систему – роман «Война и мир» [162, с.81].

Джафар Хандан также подчёркивает истинное новаторство Толстого в создании больших эпических произведений, *«в которых широта охвата явлений сочеталась с тончайшим психологизмом»* [152]. Он отмечал, что в романе нарисовано более 600 образов и в большинстве из них воплощены типичные черты русского народа, показавшего беззаветную любовь к родине, стойкость и мужество, силу духа и красоту души, величайшую готовность к подвигу и самопожертвованию.

Толстой, как художник-реалист, правильно оценил характер и сущность этой войны. Поэтому героем его романа является народ. Именно народ – движущая сила истории. Простые русские солдаты, мужики, ополченцы, проявившие подлинный героизм во время войны, являются подлинными героями, победителями наполеоновских полчищ. Симпатии автора на стороне народа, тех, кто в тяжелые дни испытаний встал на защиту своего Отечества. И Пьер Безухов, и Кутузов, и Андрей Болконский, и Наташа Ростова – все положительные герои романа – в той или иной мере разделяют со своим народом выпавшие на его долю тяжкие испытания. *«В «Войне и мире» торжествует художественная правда. Именно она делает роман шедевром мировой литературы, изумительным, вызывающим восхищение и преклонение памятником героизму и величию русского народа»* [152].

Джафар Хандан пишет о том, что появление романа было восторженно встречено как русскими, так и зарубежными передовыми писателями. *«Гончаров в письме к Тургеневу называл Толстого настоящим львом в литературе,*

а Тургенев писал Фету, что ничего лучшего у нас никогда не было написано никем. Великий французский реалист Флобер, прочитав «Войну и мир», восклицал: «Это перворазрядная вещь!.. Да, это сильно, очень сильно!» [152].

Мирза Ибрагимов также восхищался грандиозностью изображения войны: *«Вполне справедливо этот роман считают «Илиадой» «Одиссеей» русской литературы. Во всей мировой литературе ещё не было произведения, в котором с такой, поистине эпической широтой была бы показана жизнь целого народа, ... которое было бы написано с такой потрясающей художественной силой, с таким высоким реалистическим мастерством. Писатель создал в нём богатую галерею образов. И каждый из них отличается не только мастерски воссозданным портретом, но и своеобразным неповторимым характером. Роман «Война и мир» по праву вошёл в сокровищницу мировой культуры. Он будет жить в веках, пробуждая в сердцах людей самые добрые чувства» [73, с.6].*

Страстный почитатель Толстого и его романа «Война и мир» Сулейман Рагимов также был поражён необъятностью эпического повествования, «богатырской мощью» писательского таланта: *«Мировая литература не знает другого такого же масштабного, столь же глубокого по содержанию, по составу героев произведения... Каждый, кто читает сегодня «Войну и мир», как будто переселяется в начало прошлого века, видит своими глазами всё, начиная от царского двора до поля сражения... Это испытываемое читателем ощущение подлинности, достоверности описываемых в романе событий и характеров, пожалуй, и есть то главное, самое ценное, за что мы бесконечно любим и необычайно высоко ценим Льва Толстого» [111, с.13].*

Но больше всего писателя С.Рагимова покорила «гармоничный, цельный, психологически законченный» образ Андрея Болконского, «молодого человека, беззаветно преданного родине, готового во имя её блага на любое самопожертвование. Всё в герое, начиная от внешнего вида и кончая трагической гибелью, показано с такой достоверностью, художественной выразительностью деталей, что кажется иногда: вот-вот Болконский заговорит с нами со страниц романа, и мы услышим его голос, увидим его улыбку, всю фигуру, все

движения» [111, с.14].

Мамед Ариф, переводчик «Войны и мира» на азербайджанский язык, тоже преклоняется перед необыкновенным талантом писателя, силой его творческого духа. *«... всю силу, гениальность этого крупнейшего мастера слова я по-настоящему прочувствовал и в процессе перевода... романа... Вот когда он предстал передо мной и величайшим, ни с кем не сравнимым художником-реалистом, и пламенным патриотом русского народа, и страстным гуманистом, и, самое главное, честнейшим писателем-гражданином земли русской. ...он... был до конца искренен, теснейшими узами связан со своей эпохой»* [27, с.14-15].

В прозе Толстого дана развёрнутая картина русской жизни, потрясающая своей реалистичностью. Драматург Ильяс Эфендиев видит в этом и поэтичность. *«И не даром даже такое монументальное творение, как «Война и мир», исполненное глубокого философского содержания, воспринимаешь как вдохновенную поэму»* [57, с.3].

А для Арифа Гаджиева это не поэма, а *«широкая картина патриотической войны 1812 года»*, воссозданная силою гения писателя [43].

Г.Султанова подчёркивает патриотический дух, героический народный пафос романа: *«Автор восхищается мужеством и смекалкой русских крестьян, не поддавшихся на обещания и посулы Наполеона, а с вилами и топорами встречающих незваных гостей»* [130].

Г.Султанова подробно останавливается на обрисовке образов Кутузова и Наполеона, великого русского полководца и французского триумфального завоевателя. *«Писатель-патриот с особой гордостью изображает Кутузова, человека большой души, выдающегося полководца, – пишет учёный. – Терпеливо и мудро... он ковал победу над врагами. Седой фельдмаршал отчётливо сознавал опасность, нависшую над Россией, и хладнокровно продумал хитроумный план разгрома французской армии. Толстой первый показал «величие, громадный ум и поразительное чутьё русского полководца...». Толстой показал духовное единство полководца, истинного отца солдат с народными массами: их взаим-*

ное уважение друг к другу. И победа была одержана, ибо вера в неё руководила поступками и действиями защитников Родины.

«В Наполеоне же Толстому глубоко отвратительны захватнические стремления, неуёмное честолюбие и лицемерие. Писателю претили посягательства коварного и жестокого корсиканца на свободу и независимость народов. Толстой люто ненавидел захватнические войны, приносящие всему живому неисчислимые бедствия и страдания» [130].

Толстой создал галерею незабываемых образов, и в каждом раскрыл красоту, одухотворённость, русский дух. Именно они выразители жизненных идеалов писателя. *«Любимые герои Толстого, – пишет Г.Султанова, – полно и глубоко раскрыли суть его мировоззрения, его отношения к действительности. Это прежде всего Андрей Болконский и Пьер Безухов – молодые, благородные сердца, жившие одной мыслью: быть полезными народу и Отечеству. Это патриоты, которым превыше всего дорога честь России. Это нежная, обаятельная Наташа Ростова, будто сотканная из света и солнечных лучей, устремлённая к добру» [130].*

Продолжая тему «Войны и мира», Э.Эфендиев в одном из набросков приводит необычное сравнение одного из главных героев, Пьера Безухова с Квазимодо, искалеченным уродцем. *«Ильяс Эфендиев говорит, что если роман «Война и мир» условно воспринять как галерею образов, то для него это роман Наташи Ростовой. Частенько вспоминаю эту мысль отца. Если принять предложенный им условный принцип, то для меня «Война и мир» это всё-таки роман Пьера Безухова. В русской литературе я не нахожу другого героя, родственного Пьеру. В мировой литературе родственные Пьеру черты я нахожу у Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери» Гюго» [162, с.93].*

Внешне Пьер уж никак не походил на Квазимодо. Разве что речь у Эльчина Эфендиева идёт о нравственном богатстве, скрытой духовной силе. У романтического Виктора Гюго горбатый уродец Квазимодо – воплощение истинного благородства, а у Толстого-реалиста нерасторопный Пьер Безухов – носитель лучших качеств. Пьер, по словам Андрея Болконского, оказывается

единственным «живым человеком» среди высшего света, как и Квазимодо самым человеческим, способным на глубокие чувства, в отличие от архидьякона Клода Фролло, одержимого лишь страстью к Эсмеральде. Он готов ради любви на всё, даже на преступление – сбрасывает с башни своего наставника, благодетеля, к которому был привязан и обязан жизнью. Горбун способен пожертвовать собой, как и Пьер Безухов.

В литературе и искусстве как XIX века, так и современной, немало примеров подобного несоответствия внешне красивых и привлекательных, но глубоко безнравственных, аморальных типов. Взять хотя бы Дориана Грея («Портрет Дориана Грея»), его моральное разложение при вечной молодости и красоте. Да и у самого Толстого немало отрицательных персонажей с притягательной внешностью. Это светская красавица Элен Курагина, жена Пьера, развращённая коварная женщина, ищущая лишь материальные выгоды, как и её отец и брат, стремящиеся прибрать всё состояние к рукам, пользуясь его слабостью, искренностью и доверчивостью.

Можно назвать и обольстителя Нехлюдова, бесчестно поступившего с Катюшей Масловой, и молодого красавца Вронского, не столь глубокого по характеру, антипода Каренина, – напротив, более чуткого при неприглядной внешности. Внешнее и внутреннее не есть что-то раздельное: внутреннее проясняет себя во внешнем, а внешнее раскрывает внутреннее, нутро. За прекрасной оболочкой порой скрывается ложь и лицемерие, а за ущербностью – добро и благородство.

Внешность Пьера Безухова, одного из любимых героев Толстого, тоже уступает внутреннему содержанию. Он, по описанию, «массивный, толстый молодой человек с стриженою головой в очках», с «умным, робким, наблюдательным и естественным» взглядом. Своей неуклюжестью, ростом выше обыкновенного и огромными красными руками резко выделяется среди светских особ в салоне Анны Павловны Шерер, никак не вписываясь в высшее общество.

Не только внешность, но и свойства характера отличают его от других. Он умен, но совершенно непрактичен, добр, мягок, сострадателен. При этом чрез-

мерно вспыльчив и эмоционален, склонен к горячим спорам и философским рассуждениям. Вначале он предстаёт слабым, безвольным, податливым, поэтому и легко подпадает под влияние семьи Курагиных, женится на Элен. Но вскоре последует разрыв с ней, нелепая дуэль с Долоховым. И в результате он приходит в состояние нравственного тупика.

Толстой изображает своего героя правдиво, со всем набором присущих ему качеств, как положительных, так и отрицательных, без всяких приукрашиваний, «естественным» человеком, которому свойственно меняться.

Внутренние перемены отражаются и на внешнем облике Пьера Безухова. Если вначале он подвержен чувствам, оживлён, отстаивает своё мнение, то уже после женитьбы стал как бы безучастным и лицо его было «уныло и мрачно». А когда он находит смысл своей деятельности в улучшении условий жизни крестьян, то опять начинает говорить «с одушевлением радости».

Грозные события войны 1812 года становятся для него тяжким испытанием. Попав в непривычные для него военные условия и оказавшись среди простых солдат, он был поражён их огромной нравственной силой и героизмом. И ему хочется стать одним из них, «просто солдатом» и «войти в эту общую жизнь». Он освобождается и от страха смерти.

Ему предстоит пережить все ужасы плена, казни русских солдат. Формированию нового взгляда Пьера на жизнь во многом способствовало его знакомство в плену с Платоном Каратаевым, простым солдатом. Он не выражает недовольства, не возмущается злу и насилию, а покорно принимает то, что посылает ему судьба. В бараке подбадривает пленных, старается вселить в них веру на лучшее и для каждого находит утешительное слово. И Пьера призывает к терпению, смирению.

Но каратаевская пассивность и фатализм не стали главным принципом для Пьера. Он не может мириться со злом и несправедливостью. Встреча с этим маленьким человеком с певучим голосом осталась в душе Пьера самым сильным и «дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого».

Именно об этой встрече и пишет Э.Эфендиев в наброске «Встречи, «организованные» Толстым». *«Встречи, организуемые Толстым для своих персонажей, являются фундаментальным приёмом, основополагающей особенностью его художественно-эстетического метода. Речь идёт не только о такой Судьбоносной Встрече, как встреча Анны и Вронского; даже, к примеру, такая «малая встреча», как встреча Безухова с Каратаевым, способна изменить судьбу человека. Именно после встречи с Платоном Каратаевым перед нравственным взором Пьера открылся новый, ранее неведомый ему мир»* [162, с.95]. Именно в плену Пьер учится ценить жизнь. «Пока есть жизнь, есть и счастье», – говорит он Марии Болконской по возвращении из плена.

Постепенно он обретает духовную силу. Несмотря на изодранную одежду, грязные босые ноги, взлохмаченные волосы, кишачие вшами, выражение его лица сохраняло твёрдое спокойствие. А ведь не так давно образование, богатство, положение в свете обеспечивали ему «хорошую пищу, чистоту и свободу». Так, пройдя долгий путь к прозрению, исполненный ошибок и сомнений, он обретает истинный смысл жизни, осознанного и полезного существования.

Человеку свойственно меняться, ведь «люди как реки», – утверждает автор. Появляются новые чувства, мысли, взгляды. Неизменной остаётся лишь природная сущность. В конце романа – другой Пьер, преобразовавшийся, обновлённый, освободившийся от всего наносного и искусственного, обладающий новым мировоззрением и системой ценностей. Он счастлив с Наташей Ростовой, образцовый муж и отец. Но всё такой же мягкий и уступчивый как раньше. *«Пьер имел полное право у себя в доме располагать не только самим собой, как он хотел, но и всей семьёю. Весь дом руководился только мнимыми повелениями... желаниями Пьера... Образ, место жизни, знакомства, связи, занятия Наташи, воспитание детей – не только всё делалось по выраженной воле Пьера... После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твёрдое сознание того, что он не дурной человек, и чувствовал он это потому, что он видел себя отражённым в своей жене. В себе он чувствовал всё хорошее и дурное смешанным и затемнявшим одно другое»* [143, т.7, с.281-282].

Годы отразились и на Наташе Ростовой. Хозяйка дома, мать четверых детей, *«она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица её определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В её лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего её прелесть. Теперь часто видно было одно её лицо и тело, а души вовсе не было видно... И в те редкие минуты, когда прежний огонь зажигался в её развившемся красивом теле, она бывала ещё более привлекательна, чем прежде... Все знавшие Наташу до замужества, удивлялись происшедшей в ней перемене как чему-то необыкновенному.*

...Наташа опустила... не заботилась ни о своих манерах, ни о деликатности речей, ни о том, чтобы показываться мужу в самых выгодных позах, ни о том, чтобы стеснять мужа своей требовательностью» [143, т.7, с.278-279].

Наташа старалась угадывать все желания Пьера и то, что могло *«вытекать из высказанных в разговорах мыслей Пьера»*. *«Пьер стал жить большим домом, семьёй» [143, т.7, с.288].* Он счастлив с Наташей Ростовой, образцовый муж и отец. По-прежнему живо рассуждает и интересуется общественной жизнью, смело говорит о том, что независимые и свободные люди должны действовать, должны образовать общество. Пьер вступил на новый путь и снова у него благородная цель – *«исправление рода человеческого»*, которая приведёт его в ряды декабристов.

Образ Пьера Безухова близок самому Толстому, в нём заложено много автобиографических черт.

В каждом из героев Толстого частица его души. Он и создаёт эти образы и сосуществует вместе с ними. Порой даже подчиняется характерам им же сотворённым. Мамед Ариф отождествляет Толстого со своими героями и указывает на их сходство между собой, но в то же время отмечает и их непохожесть, *«Иной раз кажется, что эти герои похожи друг на друга, поскольку в некоторых случаях они выражают мысли самого автора и в их духовных устремлени-*

ях есть много общего. Но эта похожесть отнюдь не стирает и не сглаживает индивидуальных черт героев Толстого. Они всегда отличаются полнотой характера, оригинальностью и предельной индивидуализацией. Художественные полотна его так необъятно обширны и так полны жизненных красок и звуков, что каждая индивидуальность находит в них своё необходимое неповторимое место. У Толстого образы дополняют, но никогда не повторяют друг друга. В каждом из них открывается перед нами целый мир, причём всегда новый, неповторимый мир духовной жизни, обогащая наше представление о человеке, о национальном и общественном облике русских людей, его современников» [26, с.15).

Об автобиографичности образов Толстого Э.Эфендиев пишет во многих своих набросках «Кто есть Толстой», «Чудо Толстого», «Вопрос Левина и ответ Толстому», «О Нехлюдове». «Специалисты по Толстому, – пишет Э.Эфендиев, – то и дело стараются доказывать, что некоторые образы писателя автобиографичны: таковыми объявляются то Иртеньев, то Оленин, то Левин. Подобные попытки в сравнении с истинным масштабом Толстого кажутся мне очень мелкими, если не сказать ничтожными. Все образы Толстого – автобиографичны. Флобер утверждал, что мадам Бовари – это он сам. Толстой – Нехлюдов, это он сам, как и Оленин, Иртеньев, Левин. Однако Толстой – это и Пьер, и князь Андрей, и Китти, и Наташа Ростова, и – даже! – Наполеон из «Войны и мира» [162, с.95].

И в следующем наброске «Чудо Толстого» он продолжает эту мысль. «Флобер утверждал, что мадам Бовари – это он сам. Я принимаю и понимаю его позицию. В этом смысле, безо всякого сомнения, Анна Каренина – это сам Толстой. И Катюша Маслова из «Воскресения» – тоже Толстой. При том, что Анна и Катя настолько разные и даже отрицающие друг друга характеры и объединить их в одном человеке можно лишь чудом. И это чудо – сам Толстой» [162, с.75].

Они действительно разные – Анна Каренина и Катюша Маслова. Одна – представительница высшего света, другая – низшего сословия. Одна думает о

чувственных наслаждениях, другая – опорощенная, пытается выжить. Одна кончает жизнь самоубийством, другая – соединяет судьбу с ссыльным. Но при всём их отличии друг от друга в них есть и нечто общее – они несчастны, и каждая по-своему. Страсть Вронского сгубила Анну, а страсть Нехлюдова – Катерину.

Мамед Ариф силу поэтического воздействия образов Толстого, их пленительную красоту видел в естественности, глубокой искренности, предельном правдоподобию. Как же писатель добился этого? – задается вопросом ученый. Толстой прекрасно знал природу человека, его психологию, мышление. Он также обладал необыкновенным даром перевоплощения, умел вживаться в характеры своих персонажей, как актер входит в свою роль, и одновременно сопереживал вместе с ними. Он ощущал их боль, их страдания, разочарования, словно вместе с ними все это переживал. *«Толстой умел проникать в тайное тайных своих героев... Когда мы читаем описание предсмертных минут Анны, нас охватывает огромное волнение; когда мы видим безутешные страдания матери убитого на войне юного Пети Ростова, мы переживаем вместе с ней и словно сами испытываем её боль, её страдания. Мастерством такого перевоплощения обладают только гениальные писатели. Толстой, в силу его склонности к самонаблюдению и самоанализу, обладал им в совершенстве. Этим Толстой добивался правды. Правды в изображении человеческой жизни, правды характеров. Она, эта правда, видна у него и в деталях и в больших обобщениях»* [26, с.15].

Герои Толстого автобиографичны, потому что в них он воплотил собственный жизненный и духовный опыт. Прототипом Константина Левина, одного из главных героев романа «Анна Каренина», можно считать самого Льва Толстого. На страницах романа отражены нравственные искания писателя, многие факты его биографии. Это отмечал и сын писателя Сергей Толстой. *«Энергичная, сильная, некрасивая фигура Левина, его парадоксы; его склонность восставать против общепризнанных авторитетов, его искренность, отрицательное отношение к земству и суду, увлечение хозяйством, отношения с крестьянами, разочарование в науке, обращение к вере и многое другое, о*

чём будет сказано при обзоре отдельных эпизодов романа, – всё это может быть с полным правом отнесено к самому Толстому. Это как бы плохой фотографический портрет Льва Николаевича 70-х годов. Но так же, как фотография улавливает лишь один момент изображаемого лица, так в переживаниях Левина отобразился лишь один период жизни Толстого. И в этой фотографии нет главного, что отличает Толстого от Левина, – нет творчества Толстого. Вместо этого Левин пишет дилетантскую статью о сельскохозяйственных рабочих. В ней отразилось лишь увлечение Толстого сельским хозяйством, увлечение уже остывшее во время писания «Анны Карениной». На субъективное значение образа Левина в литературе указывалось ещё в 80-х годах» [148, с.571]. Ещё А.Фет заметил, что «Левин – это Лев Николаевич (не поэт)», имея в виду, что он при всём сходстве – и с мужиками луг косит, и живёт в имении Покровское, и в вечном поиске истины – всё же не великий писатель.

Изучение образа Константина Левина представляет двойной интерес. Это, во-первых, вторая центральная фигура романа, и, во-вторых, в этом образе так много автобиографических черт, что изучение его помогает лучше понять многие стороны характера и мировоззрения Толстого периода «Анны Карениной». Автобиографичность образа Левина была обусловлена тем, что Толстой чувствовал потребность высказать своё положительное или отрицательное отношение к поступкам и словам изображаемых им лиц – с одной стороны, и выразить свои взгляды по важнейшим вопросам, затронутым в романе, – с другой. Это можно было сделать только введя в роман такой персонаж, который по своим душевным качествам и по мирозерцанию близко подходил к тому лицу, чьи мнения он должен был высказывать, – в данном случае к самому автору романа. Считая Левина «главным героем романа», Достоевский полагал, что в Левине «выражено положительное, как бы в противоположность тем ненормальностям, от которых погибли или пострадали другие лица романа, и он, видимо, к тому и предназначался автором, чтобы всё это в нём выразить» [148, с.322-323].

Н.Гусев отмечает в Левине «чуткость и восприимчивость к внешним впе-

чатлениям, искренность, стремление представлять людей «с самой хорошей стороны». *«Левин живёт напряжённой умственной и нравственной жизнью. Он думал «обо всех вопросах, занимавших общество» и обо всех «имел своё особенное твёрдое убеждение». С Левиным иногда случалось, что в результате продолжительных и напряжённых размышлений о каком-нибудь предмете он приходил к совершенно противоположным взглядам на этот предмет по сравнению с теми, каких он придерживался раньше. ...Эта черта Левина совершенно автобиографическая»* [62, с.323-324].

Э.Эфендиев в одном из набросков: «Вопрос Левина и ответ Толстого» пишет: *«В моём представлении всё существование Левина подчинено поискам ответов на вопросы: что есть жизнь и кто есть человек? В романе он ни разу осознанно и напрямую не задаёт эти вопросы. Но именно эти вопросы подсознательно определяют размышления Левина, поиски Левина, беспокойство Левина. И Толстой не даёт ответы на эти вопросы, их у него нет. Вернее, Толстой отвечает, что ответов на эти вопросы нет. И даже философское решение, представленное посредством старого Фоканыча, есть не более чем слабое утешение»* [162, с.78]. Левин, как и сам писатель, настойчиво и безуспешно ищет решения вопроса о земле, читает политико-экономические книги о занимаемом им предмете, но не находит нужных ответов. Для того, чтобы уяснить вопрос о земле, он отправляется за границу.

Толстой описывает искания героя, его надежды и разочарования. Левин, как и сам писатель, не принимал прогресс и цивилизацию буржуазного мира и отстаивал некапиталистический путь развития России. *«Образ Левина в «Анне Карениной», – пишет Мирза Ибрагимов, – помогает Толстому затронуть главные социальные проблемы своего времени. Левин, как и Нехлюдов в «Утре помещика», думает над крестьянским вопросом, ищет пути избавления России от нищеты. Он озабочен тем, что выход России на путь капиталистического развития угрожает дворянству разорением, «потерей своего лица», своих привилегий. Он верит, что хозяйственная жизнь страны и вместе с этим положение народа должны коренным образом измениться. Он надеется и верит,*

что бедность отступит и придёт изобилие, а вражда сменится единством интересов и всеобщей гармонией. Левин уверен, что нужна революция без крови, но – величайшая революция, сперва в узком кругу его района, потом во всей провинции, а затем в России и во всём мире» [73, с.7).

Многими чертами писателя наделён и Дмитрий Нехлюдов. Об этом Э.Эфендиев пишет в наброске «О Нехлюдове». *«Специалисты по Толстому утверждают, что Нехлюдов автобиографический персонаж, даже будто он, как характер, есть продолжение Николеньки. В моём же представлении Николенька, возможно, мог бы написать пьесу «Живой труп», но написать романы «Анна Каренина» или «Война и мир» – никогда! Он – не Толстой. Специалисты по Толстому в своих предположениях опираются на теоретические исследования, я же – на свою интуицию. Кто же прав?» [162, с.91].*

Образ Нехлюдова появляется во многих произведениях писателя: в ранний период в повестях «Юность» и «Утро помещика», в рассказе «Записки маркёра», позже в рассказе «Люцерн», и, наконец, в романе «Воскресение». Мирза Ибрагимов проводит биографическую параллель между писателем и его героем. Известно, что сам Толстой в молодости, оставив обучение Казанском университете, вернулся в родное имение с целью улучшить условия жизни крестьян в Ясной Поляне. Однако вскоре убедился, что нельзя строить мечты о развитии России и благополучии народа, пока существует крепостничество, и крестьяне находятся в зависимом положении батраков, угнетены произволом помещиков. Все попытки изменить жизнь подневольных в лучшую сторону закончились крахом. И поэтому не случайно в произведениях писателя крестьянский вопрос занимает одно из ведущих мест. Реалистическими красками Толстой рисует взаимоотношения помещика и крепостного крестьянина, и перед нами со всей ясностью вырисовывается зияющая пропасть между ними.

В этом отношении характерна повесть «Утро помещика» – одно из ранних произведений Толстого. Герой повести – молодой помещик Нехлюдов видит смысл жизни в «желании делать добро и любить его». Думая о незавидной мужицкой доле и о просвещении тёмных, забитых крестьян, Нехлюдов возвра-

щается в деревню, бросив высшее учебное заведение. Он верит, что «главное зло заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков». Он идёт к крестьянам, чтобы искоренить это бедствие, старается договориться с ними, помочь советом, добрым словом. Писатель вводит Нехлюдова в крестьянские лачуги, мастерски описывает царящую здесь беспросветную нищету.

«Но гений Толстого проявлял себя не только во внешне верном изображении суровых условий жизни мужика. Толстой правдиво, просто и естественно показывает и сердце крестьянина, его психологию, образ мышления» [73, с.4]. М.Ибрагимов приводит в статье эпизод посещения Нехлюдовым разорившейся семьи мужика Чуриса. Надо отметить, что это одна из сцен, «дышащих правдой». Нехлюдов пытался уговорить его переехать с семьёй из «смрадной избёнки» в одну из каменных изб в хуторе, обещает помочь. Но его благие намерения наталкиваются на непонимание и решительный отказ.

Способность Толстого не только мастерски изображать детали крестьянского быта, но, главное, глубоко и верно передавать «их взгляд на вещи» подмечена и Н.Г.Чернышевским. *«Он умеет переселяться в душу поселянина, – его мужик чрезвычайно верен своей натуре, в речах его мужика нет прикрас, нет риторики, понятия крестьян передаются у графа Толстого с такою же правдивостью и рельефностью, как характеры наших солдат... В крестьянской избе он так же дома, как в походной палатке кавказского солдата»* [143, т.4.с.682].

М.Ибрагимов замечает, что Толстой «*всем содержанием своего произведения с болью в душе словно спрашивает: почему крестьяне так бедны? Со всей силой своего таланта он показывает, какую страшную нужду терпят они, и невольно внушает читателю мысль: так дальше нельзя*» [73, с.5].

Герои Толстого – выразители его идей. Эта мысль проводится и в статье Мир Джалала, в которой он пишет о нравственных исканиях писателя. По мнению автора, и Оленин из «Казачков», и Нехлюдов из «Утра помещика» – есть образы, прямо тождественные самому Толстому, и в известной мере, это относится и к Левину из «Анны Карениной» и даже Пьеру из «Войны и мира» [94, с.128].

Известный учёный С.Г.Асадуллаев, отступая от общепринятого мнения, считал, что *«отождествление художественных образов, типических характеров в произведениях писателя с образом самого писателя, который будто бы выступает во всех случаях прототипом для своих героев, противоречит также утверждению о том, что Лев Толстой был великим реалистом»* [33, с.48].

«Утро помещика» отделяют от «Воскресения» более сорока лет. За это время многое изменилось и в сознании народа и в мировоззрении самого писателя. Картины нищеты и закабаления народа даны с потрясающей правдивостью. Образ нищей крестьянки из деревни Паново с бескровным ребёнком на руках, на лице которого застыла «улыбка страдания», – символ вырождения и вымирания крестьянства. Нехлюдов увидел невиданную бедность, нечеловеческие страдания, изуверские издевательства над народом, насилие и зло. Ему было стыдно за себя, как и самому писателю, «болеющим своим дольством и окружающей нуждою». И он, как и Толстой, захотел порвать со своей средой и жить как простой народ. Но это не приводит его к мысли социального переустройства общества. Он находит своё воскресение в духовном возвышении, в «непротавлении злу насилием», как и великий и противоречивый Толстой.

Но другой путь избрала Катюша Маслова, оказавшись среди политзаключённых. Обманутая барином, она оказалась на дне жизни. Общество сытых и праздных обрекло ее на невыносимые страдания. Униженная и оскорбленная, Катюша Маслова не теряет человеческое достоинство. Образ главной героини романа Катюши Масловой писатель раскрывает в неразрывной связи с основными социально-политическими вопросами русской жизни, насущными проблемами эпохи. Толстой правдиво показывает омерзительный облик высшего света, оскверняющим и пожирающим все чистое и живое, что вызывает у читателя чувство презрения и отвращения к нему. Особенно потрясает эпизод суда в романе, где героиня сталкивается с непониманием, бездушием, насмешками. Эта сцена – блестящий образец социальной сатиры, являющейся неотделимой частью критического реализма.

С одной стороны, Толстой беспощадно осуждает и клеймит хищническую природу буржуазно-помещичьего строя, самодержавие, с другой же, он призывает к «непротивлению злу насилием». Все его художественное творчество, как и нравственно-философские взгляды были противоречивы.

О противоречивости взглядов и суждений Толстого пишет и Мамед Ариф. С одной стороны, гневное, беспощадное обличение существующего «людоедского» строя, его уродливых порождений, с другой, идея всеобщей любви как главного средства избавления человечества от социальных зол. *«Каким бы противоречивым ни было творчество этого замечательного русского писателя, как бы ни были утопичны его стремления разрешить важнейшие социально-политические вопросы своего времени, какими бы наивными ни казались его попытки примирения русского крестьянина с помещиками-крепостниками, несомненно одно: он ошибался, но никогда не шёл против своей совести, был до конца искренен, теснейшими узами был связан со своей эпохой. Современность даёт себя знать в его творениях сильным биением пульса времени, отзывчивостью мыслителя и социолога, горячо заинтересованного в исторических судьбах русского народа»* (26, с.15).

Льву Толстому трудно было принять и смириться с мыслью, что привилегированные классы, помещики, к числу которых относился и он, нещадно эксплуатируют трудовой народ, всячески попирают его права, бесстыдно пользуясь плодами его труда, а его самого держат в беспросветной темноте и нужде. Почти всех своих героев – Нехлюдова, Иртеньева, Оленина, Левина, Безухова, Болконского – Толстой так или иначе сталкивает с этой важнейшей проблемой, которая порой наводит писателя на глубокие раздумья о социально-политической судьбе народа и всей России.

Творчество Толстого вместило все противоречия современной эпохи: конфликты, столкновения, социальные перемены.

Поэтому его произведения-рассказы, повести и романы-не могли быть написаны не ранее и не позже. Они порождение времени.

Об этом речь идет в следующем наброске Э.Эфендиева «О литературной

традиции»: *«Безусловно, традиция-это важный фактор развития национальной литературы, при этом она, традиция, ни в коем случае не является определяющей доминантой. В противном случае, например, в русской литературе, до XIX века, не имеющей романтической традиции, такие произведения, как «Анна Каренина» и «Война и мир» эволюционным путем должны были бы появиться лет,эдак,через триста-пятьсот. Или же в азербайджанской литературе не мог бы возникнуть феномен Ахундова (сразу вдруг шесть великолепных комедий!) и такое явление, как Мамедгулузаде (сразу вдруг цикл ярких рассказов)»* [162, с.22].

Толстой сложен, противоречив и гениален.

В наброске «Толстой как последняя грань» Эльчин пишет о совершенстве толстовских сочинений, о безупречности, идеальности их формы и содержания, когда нельзя *«ничего ни прибавить, ни убавить, ни исправить, ни развить дальше»* [162, с.36]. Поясняя свою мысль, он говорит о том, что никакие переложения произведений Толстого, будь то фильмы, музыкальные и живописные полотна или инсценировки, не способны оттеснить, затмить оригинал. Сказанное иллюстрирует примерами: российский фильм «Анна Каренина» режиссёра Зархи с блистательной Татьяной Самойловой в роли героини, образы Пьера Безухова и Наташи, созданные Сергеем Бондарчуком, Одри Хепберн, Генри Фондой, «Война и мир» композитора С.Прокофьева. *«... во всех случаях исходная проза Толстого – это небесная высь, а всё остальное факты «поднебесья»* [162, с.36].

Автором привлекаются и примеры из мировой классической литературы и музыкального искусства. В частности, «Дама с камелиями» Дюма-сына и опера «Травиата» Д.Верди, написанная на основе романа, переделанного в одноимённую пьесу. *«...своей гениальной музыкой высказал всё то, что не удалось Дюма-сыну пером, музыка подняла «Даму с камелиями» на более высокий уровень и, по существу, обессмертила её»*). И далее *«Мериме написал повесть «Кармен», потом Бизе сочинил оперу «Кармен» и поднял повесть на более высокий уровень, а ещё потом творческий тандем Щедрин–Плисецкая возвели «Кар-*

мен» на вершины современного искусства. С Толстым это невозможно» [162, с.36].

В конце говорится о посещении балета «Анна Каренина» в Большом театре. *«Плисецкая это было чудо! – восклицает автор. – Но в то же время и это чудо: весь Большой театр (и я в том числе!) находились под небом Толстого...»* [162, с.36].

3.4. Толстой и писатели русской и зарубежной литературы

В русской и мировой литературе трудно найти писателя столь поразительного духовного богатства и мощи, как Л.Н.Толстой. Джафар Хандан в статье «Человек человечества» отмечает интересный факт, что *«в Англии были опубликованы статистические сведения об издании и распространении произведений великих мастеров слова во всём мире. И среди таких крупных представителей мировой литературы, как Шекспир, Стендаль, Гёте, Бальзак, Пушкин, Гюго, Мопассан, Байрон, Л.Н.Толстой занимал первое место. Читая об этом я испытывал особую гордость: этого гения дал миру русский народ, чья богатейшая литература является неоценимым вкладом в сокровищницу мировой культуры»* [152].

Невозможно переоценить значение Толстого в художественном освоении мира, его открытия стали всемирным достоянием. По масштабности таланта и грандиозности мысли Толстому может быть приравнен лишь Достоевский. Их имена всегда стоят в одном ряду. «Толстой и Достоевский – именно так называется и один из набросков Э.Эфендиева, в котором автор пишет: *«Даже в тех случаях, когда Достоевский переходит в литературные сферы, превосходящие «Белые ночи» и «Неточку Незванову» («Братья Карамазовы»), мир его мысли, не вмещающийся в рамки высших сфер, подавляет чувства (а значит, и художественность). Толстой, переходя в сферы более высокие («Анна Каренина», «Война и мир», «Отец Сергей»), чем «Севастопольские рассказы», создаёт полное гармоничное единство, целостность, нераздельность мира чувств и*

мысли высшей сферы» [162, с.5].

Два маститых художника, сложные и противоречивые натуры, творчество которых пронизано напряжёнными идейными исканиями. Два современника, которые никогда не встречались и даже не переписывались, хотя и общались со всеми русскими литераторами. Однако это не мешало им отзываться часто благожелательно, а иногда и критично о творчестве друг друга. Так, сильное влияние на Достоевского произвёл роман «Война и мир». 18 мая 1877 года известный критик и философ Николай Страхов писал Толстому о невероятном успехе «Анны Карениной», которая произвела особенно сильное впечатление, настоящий взрыв. *«Достоевский машет руками и называет Вас богом искусства. Это меня удивило и порадовало – он так упрямо восставал против Вас»* [143, т.18.с.335].

А Достоевский в свой «Дневник писателя» (1873) включил статью, посвящённую этому роману, под названием «Анна Каренина» как факт особого значения». В ней он рассказывает о встрече с одним из любимейших им писателей. И начинает с ним разговор по поводу «Анны Карениной». Автор пишет о том, что он успел лишь прочесть седьмую часть романа в «Русском вестнике». Он приводит слова своего собеседника об этом произведении: *«Это вещь неслыханная, это вещь первая. Кто у нас, из писателей, может поравняться с этим? А в Европе – кто представит хоть что-нибудь подобное? Было ли у них, во всех их литературах за все последние годы и далеко раньше того, произведение, которое бы могло стать рядом?»* [66, с.104].

Достоевский отмечает: *« «Анна Каренина» – вещь, конечно, не новая по идее своей, но неслыханная у нас доселе... совершенство как художественное произведение, подвернувшееся как раз кстати, и такое, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться, а во-вторых, и по идее своей это уже нечто наше, наше своё родное, и именно то самое, что составляет нашу особенность перед европейским миром, ...наше национальное «новое слово»... В «Анне Карениной» проведён взгляд на виновность и преступность человеческую... Тот, который говорит: «Мне от-*

мщение, и аз воздам». Ему одному лишь известна вся тайна мира сего и окончательная судьба человека...

...Но в конце романа, в мрачной и страшной картине падения человеческого духа, прослеженного шаг за шагом, в изображении того неотразимого состояния, когда зло, овладев существом человека, связывает каждое движение его, парализует всякую силу сопротивления, всякую мысль, всякую охоту борьбы с мраком, падающим на душу, и сознательно, излюбленно, со страстью отмищения принимаемым душой вместо света, – в этой картине столько назидания для судьбы человеческого, для держащего меру и вес, что, конечно, он воскликнет в страхе и недоумении: «Нет, не всегда мне отмищение и не всегда аз воздам», – и не поставит бесчеловечно в вину мрачно павшему преступнику того, что пренебрёг указанным вековечно светом исхода и уже сознательно отверг его. К букве, по крайней мере, не прибегнет...» [66, с.104].

Этому роману посвящена и другая статья Достоевского «Восьмая часть «Анны Карениной», в которой даётся характеристика одного из главных героев – Левина. Достоевский называет его – «чистый сердцем Левин».

Левин, как известно, хотя и не лишен автобиографических черт, является вымышленным персонажем писателя. Несмотря на это, Толстой изображает в этом идеальном, но придуманном герое частично самого себя и собственный взгляд на современную русскую. *«Таким образом, судя об несуществующем Левине, мы будем судить и о действительном уже взгляде одного из самых значительных современных русских людей на текущую русскую действительность.*

...Левин ударился в обособление и разошёлся с огромным большинством русских людей. Взгляд его... вовсе не нов и не оригинален... Отчего произошло столь мрачное обособление Левина и столь угрюмое отъединение в сторону – не могу определить. Правда, это человек горячий, «беспокойный», всё анализирующий и, ...ни в чём себе не верующий... в лице Левина автор во многом выражает свои собственные убеждения и взгляды, влагая их в уста Левина чуть не насильно и даже явно жертвуя иногда при этом художественностью, но

лицо самого Левина, так, как изобразил его автор, я всё же с лицом самого автора отнюдь не смешиваю... всё же не того ожидал я от такого автора!» [66, с.103].

Как видим, Достоевский, как впрочем и Толстой, высказывали критические замечания о творчестве друг друга. Достоевский считал Толстого больше художником, чем мыслителем, Толстой же – наоборот.

М.Горький в своих заметках о Толстом писал: *«О Достоевском он говорит неохотно, натужно, что-то обходя, что-то преодолевая. Ему бы познакомиться с учением Конфуция, или буддистов, это успокоило бы его. Это – главное, что нужно знать всем и всякому. Он был человек буйной плоти. Рассердится – на лысине у него шишки вскакивают и ушами двигает. Чувствовал многое, а думал – плохо, он у этих, у фурьеристов, учился думать, у Буташиевича и других. Потом – ненавидел их всю жизнь... Мнителен был, самолюбив, тяжёл и несчастен. Странно, что его так много читают, не понимаю – почему! Ведь тяжело и бесполезно, потому что все эти Идиоты, Подростки, Раскольниковы и всё – не так было, всё проще, понятнее»* [59, с.73-74].

Горьким приводятся отдельные высказывания Толстого: *«Чаще всего он говорил о языке Достоевского: Он писал безобразно и даже нарочно некрасиво, – я уверен, что нарочно из кокетства. Он форсил: в «Идиоте» у него написано: «В наглom приставании и афишевании знакомства». Я думаю, он нарочно искажил слово афишировать, потому что оно чуждое, западное. Но у него можно найти и непростительные промахи: идиот говорит: «Осёл добрый и полезный человек», но никто не смеётся, хотя эти слова неизбежно должны вызвать смех или какое-нибудь замечание. Он говорит это при трёх сёстрах, а они любили высмеивать его. Особенно Аглая. Эту книгу считают плохой, но главное, что в ней плохо – это то, что князь Мышкин – эпилептик. Будь он здоров – его сердечная наивность, его чистота очень трогали бы нас. Но для того, чтоб написать его здоровым, у Достоевского не хватило храбрости. Да и не любил он здоровых людей. Он был уверен, что если сам он болен – весь мир болен...»* [59, с.49].

Или же *«Достоевский написал об одном из своих сумасшедших персонажей, что он живёт, мстя себе и другим за то, что послужил тому, во что не верил. Это он сам про себя написал, то есть это же он мог бы сказать про самого себя»* [59, с.51]. Или *«Достоевский политиканствовал и кокетничал»* [59, с.73].

А.Гольденвейзер вспоминал: *«Я стараюсь любить и ценить современных писателей, но трудно это... Достоевский часто так скверно писал, так слабо и недоделано с технической стороны; но как у него всегда много было, что сказать! Тэн говорил, что за одну страницу Достоевского он отдал бы всех французских беллетристов»*. Но он и восхищался им. Так, в письме к Н.Страхову от 26 сентября 1880 года сообщал: *«...читал «Мёртвый дом». Я много забыл, перечитал и не знаю лучшие книги из всей новой литературы, включая Пушкина.*

Не тон, а точка зрения удивительна – искренняя, естественная, христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю» [58, с.876].

Смерть Достоевского потрясла Толстого. Свои чувства он выразил в письме к Н.Страхову от 5 февраля 1881 года. Толстой пишет о том, что не был лично знаком с Достоевским, и никаких взаимных отношений между ними не было. Но узнав о его смерти, он вдруг осознал, что потерял близкого, дорогого и нужного человека. При этом он признается, что все литераторы тщеславны, завистливы, и он в том числе. Но «мериться » с ним в творчестве ему никогда не приходило в голову. «Искусство вызывает зависть, ум тоже, но дело сердца только радость». И все, что создал Достоевский, это было настоящим. Толстой считал его своим другом и надеялся, что они когда-нибудь встретятся, и теперь очень сожалел о том, что уже поздно, не пришлось, опоздал.

«Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он был мне дорог, и я плакал и теперь плачу. На днях, до его смерти, я прочёл «Униженные и оскорблённые» и умилялся»» [143, т.18, с.878].

Спустя несколько лет Н.Страхов так охарактеризует Достоевского в пись-

ме к Толстому: «...он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым...

...был очень расположен к сладкой сентиментальности, к высоким и гуманным мечтаниям, и эти мечтания – его направление, его литературная муза и дорога. В сущности, впрочем, все его романы ...доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости...

Это был истинно несчастный...человек, который воображал себя счастливым, героем ...

Вот маленький комментарий к моей «Биографии»; ...много случаев рисуются мне гораздо живее, чем то, что мною описано, и рассказ вышел бы гораздо правдивее; но пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною лицевою стороною жизни, как мы это делаем везде и во всём!» [102, с.652-653].

Толстому так и не суждено было встретиться с Достоевским, однако состоялось знакомство с его женой Анной Григорьевной. В своих «Воспоминаниях» (в XII части под названием «Разговор с Толстым») она так передаёт эту встречу: «Мы вошли в большую, но низенькую комнату, где на диване сидел граф Лев Николаевич, одетый в известную по фотографиям серую блузу. Страх мой мигом исчез при том радушном восклицании, которым он меня приветствовал...

–Я всегда жалею, что никогда не встречался с вашим мужем... Достоевский был для меня дорогой человек и, может быть, единственный которого я мог бы спросить о многом, и который бы мне на многое мог ответить!

...Скажите мне, какой человек был ваш муж, каким он остался в вашей душе, в ваших воспоминаниях?».

Я была глубоко тронута тем задушевным тоном, которым он говорил о Фёдоре Михайловиче.

–Мой дорогой муж представлял собой идеал человека! Высшие нравственные и духовные качества, которые украшают человека, проявлялись в нём в самой высокой степени...

–Я всегда так о нём и думал, – сказал как-то задумчиво и проникновенно граф Лев Николаевич» [67, с.32].

В конце она пишет о том, что ушла от своего любимого писателя под впечатлением такого очарования, которое редко когда испытывала. *«Да, этот человек умел покорять сердца людей»* [67, с.58].

Анна Григорьевна дала себе слово больше никогда не встречаться с Толстым, боясь что исчезнет то первое очарование, которое было ей так дорого. *«Зачем же лишать себя тех душевных сокровищ, которые судьба изредка посылает на нашем жизненном пути?»* [67, с.67].

Судьбе также было угодно навсегда соединить Толстого и Достоевского, этих столь разных, но в чём-то очень схожих писателей. *«Их нельзя противопоставлять друг другу, – считает Э.Эфендиев в одном из набросков «Толстовство и Достоевщина». Несомненно, что каждому из них принадлежит особое место не только в русской, но и в мировой литературе. И тем не менее я всегда относил себя к «толстовцам». Однако с годами случается (возраст! мирские дела!) и так, что я начинаю ощущать, как в умонастроение толстовца проникает нечто из «достоевщины»* [162, с.21].

Толстой и Достоевский были как могучие ветви одного дерева, сросшиеся у основания. Такое образное сравнение приводится в литературно-критическом эссе Д.С.Мережковского. Автор считает Достоевского носителем божеской правды, а Толстого – преемником земной человеческой правды. *«Если жизнь Л.Толстого похожа на девственно-чистую воду подземного родника, то жизнь Достоевского подобна огню, который вырывается из тех же первозданных глубин, но смешанный с лавою, пеплом... огонь Достоевского так же свят, как холод Л.Толстого...*

Л.Толстой и Достоевский – великие предтечи того, кто опустит светильню в масло и зажжёт огонь. Таковы «эти две русские жизни, эти два русских лица» [91, с.30-32].

Мережковский считал, что Толстой приближается от «тайны плоти» к «тайне духа», *«от видимого – к невидимому, от внешнего – к внутреннему, от телесного – к духовному или, по крайней мере, «душевному»* [59, с.33], Достоевский же, наоборот, от душевного к телесному. *«Чем ближе Толстой к телу или к*

тому, что соединяет тело с духом, – к животнo-стихийнoму, «душевнoму человеку» – тем вернее и глубже его психология. Но по мере того, как покидая эту, всегда под ним твёрдую и плодотворную почву, переносит он свои исследования в область независимой, отвлечённой от тела духовности, сознательности – не страстей сердца, и страстей ума (...Достоевский великий изобразитель этих именно страстей ума)» [91, с.41].

Далее Мережковский пишет о разнополюсности Толстого и Достоевского: *«Если бы в литературе всех веков и народов пожелали мы найти художника, наиболее противоположного Л.Толстому, то нам пришлось бы указать на Достоевского. Я говорю – противоположного, но не далёкого, не чуждого, ибо часто они соприкасаются, даже совершенно совпадают, по закону сходящихся крайностей, взаимного тяготения двух полюсов одной и той же силы.*

«Герои» Л.Толстого, как мы видели, не столько герои, сколько жертвы; в них человеческая личность, не завершившаяся до конца, поглощается стихиями. И так как здесь нет единой, царящей надо всем, героической воли, то нет и единого, объединяющего трагического действия – есть только отдельные трагические узлы, завязки, отдельные волны, которые поднимаются и падают в безбрежном движении, направляемые не внутренним течением, а внешними стихийными силами. Ткань произведения, как, впрочем, и ткань самой жизни, нигде не начинается, нигде не кончается.

У Достоевского всюду – человеческая личность, доводимая до своих последних пределов, растущая, развивающаяся из тёмных, стихийных, животных корней до последних лучезарных вершин духовности, всюду – борьба героической воли: со стихией нравственного долга и совести» [91, с.52].

«Для всех героев Достоевского наступает мгновение, когда они перестают «чувствовать на себе своё тело». Это – существа не бесплотные и бескровные, не призрачные. Мы хорошо знаем, какое у них было тело, когда ещё они его чувствовали на себе. Но высший подъём, крайнее напряжение духовной жизни, наиболее раскаляющие страсти не сердца и чувства, а ума, сознания, совести дают им эту освобождённость от тела, как бы сверхъестественную

лёгкость, окрылённость, духовность плоти.

...Вот кому не душно от плоти и крови, от «человеческого мяса». Их тело до такой степени прозрачно, что, кажется, иногда его не видно вовсе, а видна только душа, в противоположность героям Л.Толстого, у которых часто видно только тело, а «души вовсе не видно» [91, с.53].

Т.е. Толстой с помощью деталей, художественных подробностей (вплоть до оторванной пуговицы) раскрывает внутреннюю сущность своих героев. Портретные же зарисовки Достоевского несколько схематичны, и лишь благодаря духовному наполнению обретают жизнь.

Э.Эфендиев в своём наброске, приведённом выше, причисляет себя к «толстовцам». И это вполне понятно, он преклоняется перед его могучим талантом.

Самого же писателя *«странно было видеть... среди «толстовцев», – отмечал М.Горький. «Стоит величественная колокольня, и колокол её неустанно гудит на весь мир, а вокруг бегают маленькие, осторожные ... люди .Почти все они ...практичные люди... они весьма ловко устривают свои земные дела.*

Л.Н., конечно, хорошо понимал истинную цену «толстовцев». Как-то в Ясной некто красноречиво рассказывал о том, как ему хорошо жить и как стала чиста душа его, приняв учение Толстого. Л.Н. наклонился ко мне и сказал тихонько: «Всё врёт, шельмовец, но это он для того, чтобы сделать мне приятное...» [59, с.75-76].

Горький отмечает деликатность, чуткость, мягкость Толстого, обаятельную простоту и изящность его речи. *«Изумительно красиво рассказывал о прошлом и лучше всего о Тургеневе» [59, с.73].*

И.С.Тургенев был подлинным представителем русской культуры. Величайший романист завоевал славу не только в России, но и во всём мире. С Толстым его связывала тесная дружба. М.Ибрагимов писал: *«В русской литературе завоевали бессмертную славу Пушкин, Лермонтов, Гоголь, а Тургенев – великий певец русской души и русской природы – был его современником!» [73, с.3].*

А.Гаджиев отмечает «романтическую лиричность Тургенева, добившегося

неизвестного до него художественного обаяния» [43]. *«Тургенев,— пишет он,— обогатил прозу поэтичностью и утончённостью выражения человеческих чувств»* [43].

Джафар Хандан также упоминает имя Тургенева в своей статье: *«Удивительным талантом молодого писателя (Толстого) восхищались такие исполнины русской литературной мысли Н.Г.Чернышевский, Н.А.Некрасов, И.С.Тургенев»* [152].

Творчество Тургенева оказало сильное влияние как русских, так и на зарубежных писателей. Мопассан с гордостью называл себя его учеником.

А «Тургенев повлиял на Толстого?» – этим вопросом Э.Эфендиев задаётся в одном из своих набросков. *«В разговоре отец высказал мысль, для меня неожиданную: Наташа Ростова обязана своим появлением Наташе из «Рудина» Ивана Тургенева.*

Я был озадачен... я думал о двух Наташах. Думаю о них и сейчас. Верно, тургеньевская Наташа появилась в русской литературе за 12 лет до Наташи Ростовой, но мне как-то трудно предположить, что Толстой написал её под влиянием Тургенева. Скорее всего истина заключается в том, что и Наташа Ласунская, и Наташа Ростова являются выразительницами каких-то дорогих для русского художественного сознания чувств и переживаний.

Однако в русской литературе между двумя этими Наташами стоит другая Наташа, в корне отличающаяся от своих тёзок – Наташа Ихменева из «Униженных и оскорблённых» Ф.Достоевского. Она тоже явилась выразительницей, но эти чувства абсолютно чужды миру чувств и Наташи Ростовой, и Наташи Ласунской. И эта непохожесть – пример богатства содержания русского художественного сознания. Таким образом, мы можем констатировать наличие в русской литературе двух в равной степени дорогих, несмотря на их отличие (и чуждость!) и важных для русского художественного сознания линий, если так можно выразиться, Наташи: Наташи Тургенева и Толстого – это одна линия; Наташа Достоевского – вторая линия» [162, с.93].

Горький в своих воспоминаниях писал об отношении Л.Толстого к жен-

щинам: *«Больше всего он говорит о боге, о мужике и о женщине. ...К женщине он, на мой взгляд, относится непримиримо враждебно и любит наказывать её, – если она не Кити и не Наташа Ростова, то есть существо недостаточно ограниченное. Это – вражда мужчины, который не успел исчерпать столько счастья, сколько мог, или вражда духа против «унизительных порывов плоти»? Но это – вражда, и – холодная, как в «Анне Карениной» [59, с.50].*

Эльчин Эфендиев отмечает сходство женских образов Толстого и Тургенева. Романтичная Наташа Ласунская открывает галерею «тургеньевских девушек», отличающихся чистотой души, искренностью и свежестью чувств, готовых к самопожертвованию. Таковы и Елена Стахова, и Лиза Калитина, и Анна Одинцова, и Ася, а у Толстого, конечно же, Наташа Ростова, Анна Каренина, Долли Облонская, Кити Щербацкая и другие. М.Горький вспоминал, как Толстой в Гаспре, в 1901 году говорил в беседе с Чеховым, что Тургенев *«сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это верно; я сам наблюдал потом тургеньевских женщин в жизни» [162, с.161].*

Т.Н.Архангельская писала: *«Тургеньевское отражение женской любви привлекло Толстого, судя по отмеченным им отрывкам, в повести «Яков Пасынков», где Софья самоотверженно защищает право на любовь к Асанову.*

Теме отражения... женской любви соответствуют и отметки, оставшиеся после чтения Толстым повести «Затишье» [28, с.12].

Произведениями Тургенева зачитывалась в юности и дочка Толстого Т.Л.Сухотина-Толстая. *«Во время моей юности Тургенев был самым любимым писателем молодёжи, – пишет она – ...появление каждого его нового романа было событием для всей читающей молодёжи. Она тотчас же проглатывала вновь вышедшие произведения.*

Горячо обсуждалось направление его, разбирались характеры героев и героинь, и молодёжь так сживалась с романом, что он как бы составлял часть их жизни. Долго в разговорах употреблялись словечки из нового романа, и все не только старались подражать тургеньевским героям, но многие невольно де-

лались похожими на них» [131, с.59].

Т.Л.Сухотина-Толстая рассказывает в своих воспоминаниях историю взаимоотношений своего отца с Тургеневым. Она пишет о том, что знакомство с известным писателем представлялось невозможным из-за какой-то давней ссоры, несостоявшейся между ними дуэли, и что спустя годы Толстой написал ему письмо, желая примириться и позабыть старые обиды. Однако это письмо было утеряно, и натянутые отношения с отцом ещё долго сохранялись.

Но Толстой написал второе письмо, которое его «обрадовало и тронуло». *«С величайшей охотой, – писал он, – готов возобновить нашу прежнюю дружбу и крепко жму протянутую Вами руку...»* [131, с.59].

Далее она описывает их долгожданную встречу, которая была «сердечная и радостная». *«...между отцом и Тургеневым возобновились самые дружеские и даже нежные отношения, но ни о чём серьёзном они не говорили, как будто стараясь касаться только тех предметов, на которых не могло произойти между ними разногласий... Я помню, было много разговоров о литературе»* [131, с.59-60].

Т.Сухотина-Толстая пишет о том, что даже после отъезда Тургенева из Ясной Поляны между ними завязалась переписка. И в каждом письме Тургенев «прямо или намёками» просил Толстого не оставлять литературное поприще. Он хотел видеть в нем никого, кроме как писателя. Сопутствующая литературной любой другая деятельность словно обижала его. По словам Т.Сухотиной-Толстой, он даже сердился на него за пренебрежение к его советам, как старшего. Однако большая разница в возрасте не помешала ему признать талант Толстого выше своего. И он требовал от него целиком и полностью посвятить себя литературе.

Так, в одном из писем от 14 мая 1882 года он, словно пророчествуя, желал Толстому долгой и плодотворной жизни, для того, чтобы он сумел осуществить все то, к чему был призван, и на которое, кроме него мастера нет [131, с.59].

А вдругом письме, делаясь впечатлениями об «Исповеди» и называя писателя талантливым, умным, искренним, он все же признавался, что может в чем-

то не сходитья с ним в суждениях, но это не мешает ему встать на его место и постараться его понять [131, с.62].

Т.Сухотина пишет о том, что Тургенев, видимо, все жене понял «Исповеди» и не принимал взглядов её отца. Об этом свидетельствует его письмо к Григоровичу: *«Прочёл её с великим интересом: вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убеждения.., но в конце концов приводит к самому мрачному отрицанию всякой живой человеческой жизни... И всё-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России!»* [131, с.63].

И далее она пишет, что именно Тургенев с самого начала признал Толстого на литературном поприще, отмечал его огромный талант и никогда не видел в нем соперника. О чем свидетельствуют его многочисленные письма Колбасину, Дружинину, Полонскому. Тургенев был твердо убежден, что молодой писатель еще удивит всех. Он далеко пойдет и оставит за собой глубокий след.

«Когда это молодое вино перебродит, – писал он в 1856 году Дружинину, – выйдет напиток, достойный богов» [131, с.63].

Он всегда внимательно следил за его литературной деятельностью и высоко отзывался о ней.

Татьяна Львовна отмечает, что *«Тургенев, как художник, видел в отце только его огромный литературный талант и не хотел признавать за ним никакого права быть чем-либо другим, кроме как художником-литератором. Всякая другая деятельность отца точно обижала Тургенева, – и он сердился на отца за то, что отец не слушался его советов и не отдавался исключительно одной литературной деятельности. Он был много старше отца, не побоялся считать себя по таланту ниже его и только одного от него требовал: чтобы отец положил все силы своей жизни на художественную деятельность»* [131, с.63].

Т.Сухотина пишет о том, что Толстой был борцом, Тургеневу же это было не свойственно.

Воспоминания о Тургеневе она заключает следующим отрывком: *«И, наконец, почти накануне своей смерти он карандашом, слабой рукой, пишет отцу*

свое последнее письмо, под которым он даже не имеет сил подписаться, а вместо подписи пишет, не оканчивая букв: «устал»... В нём он «на смертном одре» пишет отцу, чтобы сказать, как он был рад быть его современником, и чтобы выразить ему свою последнюю искреннюю просьбу. «Друг мой, вернитесь к литературной деятельности, – просит он и дальше повторяет: – Друг мой, великий писатель русской земли, внимайте моей просьбе...». Отец, насколько я знаю, не ответил на это письмо, а через два месяца уже Тургенева не стало...» [131, с.64].

А.Б.Гольденвейзер в своих «Записках» писал: *«Л.Н. с большой любовью вспоминал Тургенева... он сказал:*

–Когда Тургенев умер, я хотел прочесть о нём лекцию. Мне хотелось, особенно ввиду бывших между нами недоразумений, вспомнить и рассказать всё то хорошее, чего в нём было так много и что я любил в нём. Лекция эта не состоялась. Её не разрешил Долгоруков (московский генерал-губернатор)». И далее: «О Тургеневе Л.Н.сказал:

–Это был типичный представитель людей пятидесятих годов, либеральный в лучшем смысле этого слова. Замечательна его борьба против крепостничества, и потом – его любовь к тому, что он описывает..., его чуткость к красотам природы».

И в записи от 7 сентября передаёт слова Толстого: *«Он был очень хороший, добрый человек. Я его любил. ...Он скорее любил меня как писателя» [58].*

Между Толстым и Тургеневым было взаимное человеческое и творческое притяжение. Но если к Тургеневу он относился как к старшему «собрату по перу», то Ф.И.Тютчев был для него мудрым старцем. Э.Эфендиев в одном из набросков «Толстой рисует свой портрет» пишет: *«В 1871 году Толстой едет в одном вагоне с Тютчевым и в последующем письме Фету так описывает своё впечатление от встречи с поэтом: «В Черни повстречался с Тютчевым и четыре станции говорил с ним, слушал его и сейчас поминутно вспоминаю этого величественного, простого и обладающего истинно глубоким умом старца». Читая это место в письме, я подумал, что на самом деле Толстой описывал*

себя, каким он стал 30–35 лет спустя: страшного и нежного простого и скрытного старца» [162, с.57].

Толстой посетил Фета в Степановке, а оттуда отправился в своё имение Никольское и на станции Чернь встретился с Ф.Тютчевым, ехавшим в Москву. Разговор с ним произвёл на Толстого сильное впечатление. И по возвращении в Ясную Поляну он сообщил об этом Фету.

О том же писал он и Н.Страхову 13 сентября 1871 г.: *«Скоро после вас я на железной дороге встретил Тютчева, и мы четыре часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил. Но на известной высоте душевной единство воззрений на жизнь не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами; но кто мы такие и зачем и чем мы живём и куда мы пойдём... Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым» [143, т.18, с.697].*

Кстати, Ф.И.Тютчев приходился Толстому дальним родственником. Но его глубокая привязанность к поэту объясняется не семейным родством, а духовной близостью. Его стихи волновали писателя, в них он находил созвучие своим сокровенным мыслям, чувствам и переживаниям.

В письме к А.А.Толстой от 1 мая 1858 года он пишет: *«Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве. Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья.*

И ринься, бодрый, самовластный,

В сей животворный океан.

Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой, весной невольно твержу от строчки до строчки» [143, т.18, с.513].

Толстой не просто читал и восхищался стихами любимого поэта, их художественным совершенством, а каждая строка была им прочувствована, словно

самим пережита.

Пример глубокого воздействия поэзии Тютчева на Толстого приводится в книге А.Б.Гольденвейзера «Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет)». В записи от 7 декабря 1899 года читаем: *«Когда Л.Н. был болен... На столике у него лежал том Тютчева... Заговорили о Тютчеве. На днях Л.Н. попало... его стихотворение «Сумерки».*

–Я всегда говорю, что произведение искусства или так хорошо, что меры для определения его достоинств нет, – это истинное искусство. Или же оно совсем скверно. Вот я счастлив, что нашёл истинное произведение искусства. Я не могу читать без слёз. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас скажу его. Л.Н. начал прерывающимся голосом: «Тени сизые смешались».

Я умирать буду, не забуду того впечатления, которое произвёл на меня в этот раз Л.Н. Он лежал на спине, судорожно сжимая пальцами край одеяла и тщетно стараясь удержать душившие его слёзы. Несколько раз он прерывал и начинал сызнова. Но наконец, когда он произнёс конец первой строфы: «всё во мне, и я во всём», голос его оборвался» [58].

Этот эпизод является ярким подтверждением того, что мысли и ощущения поэта-лирика, сила его чувств и своеобразие поэтического выражения были близки, понятны и глубоко созвучны духовному миру писателя.

Весть о болезни и смерти Ф.И.Тютчева глубоко потрясла Толстого. В письме к А.А.Фету от 30 января 1873 года он сообщает: *«...получил ваше... грустное письмо... Грустное потому, что вы пишете, Тютчев умирает... и про себя говорите, что машина стирается, и хотите спокойно думать о нирване» [143, т.18, с.724].*

В адресованном А.А.Толстой письме (от февраля 1873 года) он вновь справляется о нём: *«Я слышал уже про болезнь Тютчева, и вы не поверите, как это меня трогает. Я встречался с ним раз 10 в жизни; но я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки. Как он примет смерть, которая во всяком случае близка ему?*

Если ему лучше, передайте ему через кого-нибудь мою любовь. ...Не думаю, чтобы судьба привела меня в Петербург, хотя знаю, какая бы это была для меня радость» [143, т.18, с.726].

Толстой упивался поэзией Ф.Тютчева, а А.П.Чехов восхищался Толстым и был почитателем его таланта. *«О Толстом он говорил всегда с какой-то особенной, едва уловимой, нежной и смущённой улыбочкой в глазах, говорил, понижая голос, как о чём-то призрачном, таинственном, что требует слов осторожных, мягких, – писал М.Горький.– «...Неоднократно жаловался, что около Толстого нет Эккермана, человека, который бы тщательно записывал острые, неожиданные, и, часто, противоречивые мысли старого мудреца» [59, с.37].*

Или «Вот за Гёте каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе. Это, батенька, нестерпимо по-русски. После схватятся за ум, начнут писать воспоминания и – наврут» [59, с.67].

В свою очередь и Толстой любил Чехова *«отечески, в этой любви чувствуется гордость создателя» [59, с.40].*

Однажды он обратился к Чехову со словами: *«...вы русский! Да, очень, очень русский.*

И, ласково улыбаясь, обнял А.П. за плечо, а тот сконфузился и начал баском говорить что-то о своей даче, о татарах.

Чехова он любил и всегда, глядя на него, точно гладил лицо Л.Т. взглядом своим, почти нежным в эту минуту. Однажды А.П. шёл по дорожке парка с Александрой Львовной, а Толстой, ещё больной в ту пору, сидя в кресле на террасе, весь как-то потянулся вслед им, говоря вполголоса:

–Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня! И ходит, как барышня. Просто – чудесный!» [59, с.74].

В другой раз заметил *«о Чехове, которого ласково и нежно любил: «Ему мешает медицина, не будь он врачом, – писал бы ещё лучше» [59, с.79].*

Да и сам Чехов любил повторять, что если он врач, то ему нужны больные и больница, а если литератор, то ему нужно жить среди народа, чтобы знать

мужицкую жизнь во всех проявлениях.

Э.Эфендиев в одном из набросков «Толстой и Чехов» писал: *«Мне кажется, что если бы в великой русской прозе XIX века не было бы Ивана Ильича, героя повести Толстого «Смерть Ивана Ильича», впоследствии не появились бы рассказы Чехова. Рассказы, в которых живописано русское чиновничество. На первый взгляд, чиновники Чехова представляют собой последующую генерацию гоголевских чиновников. Но это на первый взгляд. Даже сходство чеховских чиновников с Хлестаковым в сравнении с Иваном Ильичём не более чем внешнее сходство»* [162, с.68].

Бесспорно, Чехов известен прежде всего как мастер короткого рассказа. Но им написаны и замечательные повести «Цветы запоздалые», «Драма на охоте», «Степь», «Скучная история», «Дуэль», «Три года», «Моя жизнь», «В овраге» и др. « У Чехова есть прекрасный рассказ «Душечка», – ты почти похож на неё», – говорил Толстой Сулеру (Сулержицкому), своему любимчику. А тот, недоумевая, спросил «Чем?», на что Толстой ответил: *«Любить – любишь, а брать – не умеешь и уйдёшь весь на пустяки»* [59, с.85].

М.Горький вспоминал: *«Как-то при мне Толстой восхищался рассказом Чехова, кажется, «Душенькой». Он говорил: «Это как бы кружево, сплетённое целомудренной девушкой; были в старину такие девушки-кружевницы, «вековушки», они всю жизнь свою, все мечты о счастье влагали в узор. Мечтали узорами о самом милом, всю неясную, чистую любовь свою вплетали в кружево.*

Толстой говорил очень волнуясь, со слезами на глазах. А у Чехова в этот день была повышенная температура, он сидел с красными пятнами на щеках и, наклоня голову, тщательно протирал пенсне. Долго молчал, наконец, вздохнув, сказал тихо и смущённо: «Там – опечатки» [59, с.38].

А.Б.Гольденвейзер вспоминал: *«Л.Н., как всегда, очень хвалил художественное дарование Чехова. Огорчает его в Чехове отсутствие определённого мирозерцания»* [58]. И далее в записи от 4 июля:

«Л.Н. недавно перечитывал почти все небольшие рассказы Чехова. Нынче он сказал о Чехове:

–У него мастерство высшего порядка. Я перечитывал его рассказы, и с огромным наслаждением. Некоторые, например «Детвора», «Спать хочется», «В суде» – истинные перлы. Я положительно всё подряд читал с большим удовольствием. Но всё-таки это мозаика, тут нет действительно руководящей внутренней нити.

Самое важное в произведении искусства – чтобы оно имело нечто вроде фокуса, к чему сходятся все лучи или от чего исходят. И этот фокус должен быть недоступен полному объяснению словами. Тем и важно хорошее произведение искусства, что основное его содержание во всей полноте может быть выражено только им. Л.Н. находит большое сходство в дарованиях Чехова и Мопассана. ...Чехов чище Мопассана... Л.Н. сказал:

–У Чехова и вообще у современных писателей развилась необыкновенная техника реализма. У Чехова всё правдиво до иллюзии, его вещи производят впечатление какого-то стереоскопа. Он кидает как будто беспорядочно словами и, как художник импрессионист, достигает своими мазками удивительных результатов» [58].

Азербайджанский исследователь Ариф Гаджиев, говоря о реализме русской литературы, отмечал, что *«Чехов органически соединил сатирическую едкость Щедрина и романтическую лиричность Тургенева, добившись неизвестного до него художественного обаяния» [43].*

Творчество Толстого и Чехова, при всём различии художественной формы и идейного содержания их произведений, сближает правдивость и широта охвата русской действительности и искреннее стремление к жизни, построенной на началах свободы, справедливости, красоты человеческих взаимоотношений.

Писатели утверждали высокие нравственные идеалы. Их герои – это люди с пылким сердцем, ясным умом и щедрой душой. Страстная Анна Каренина, беспокойный искатель истины Пьер Безухов, мечтательная Наташа Ростова и чеховские герои Петя Трофимов, Аня Раневская, устремлённые в будущее, стали примером нравственного совершенствования.

Значение художественного творчества Толстого, его исполинский талант

был по достоинству оценён и Лениным. *«Какая глыба, а? Какой матёрый человек! Вот это, батенька, художник. И – знаете, что ещё изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было... Кого в Европе можно поставить рядом с ним?.. Некого»* [59, с.136].

Э.Эфендиев в одном из своих набросков «Ленин и Толстой» писал: *«Всё самое лучшее в Толстом от «совести» до аскетизма, от «духа», «любви», «непротивления» до квиетизма Владимир Ильич Ленин безоговорочно отрицал и чёрным по белому писал, что они наносят «самый глубокий вред». Фарисейство... литературоведения заключается ещё и в том, что оно, не упоминая графоманского определения вождя, представляет Ленина гением, давшим Толстому высокую оценку. Если толстовский дух, толстовская совесть, любовь, непротивление, одним словом, «толстовство» наносят «самый глубокий вред», то о какой такой высокой оценке может идти речь»* [162, с.67].

Конечно же, сегодня как-то не принято цитировать вождя пролетариата. Так уж сложилось, что любое ленинское определение возводилось в идеологический абсолют. Но ведь не обойтись без его замечательных определений: «...зеркало русской революции» или «помещик, юродствующий во Христе». Обе эти фразы исчерпали всего Льва Толстого.

Заметим, что Ленин, хотя и не был выдающимся знатоком изящной словесности, но его суждения весьма точны и интересны. Без сомнения, он обладал не только ораторским искусством, но и несомненным литературным даром.

Отметим, что Толстому было посвящено 7 статей: «Лев Толстой как зеркало русской революции», «Л.Н.Толстой», «Не начало ли поворота?», «Л.Н.Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Герои «оговорочки», «Л.Н.Толстой и его эпоха». Все они были написаны в течение трёх лет (1908–1911).

Воспоминания современников донесли до нас и отдельные высказывания Ленина. *«Как-то пришёл к нему и – вижу: на столе лежит том «Войны и мира», – вспоминает Горький.*

–Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты... Только сегодня но-

чью прочитал вашу книжку о Толстом» [59, с.136].

Горький писал о Толстом, что *«граф Лев Толстой – гениальный художник, наш Шекспир, может быть»* [59, с.13]. Такое сравнение вряд ли польстило бы Толстому, который неоднозначно относился к Шекспиру. Э.Эфендиев пишет об этом в одном из своих набросков «Шедевр русской критической мысли»: *«Толстой.., как известно, абсолютно не воспринимал Шекспира... Анализ Гамлета в статье «Гамлет и Дон Кихот», специфика и критерии этого анализа в контексте русского художественного мышления в какой-то мере проясняют суровое (даже безжалостное!) отношение Толстого к Шекспиру»* [162, с.85].

А.Б.Гольденвейзер вспоминал: *«Говорили о Шекспире. Л.Н. его мало любит. Он сказал: «Шекспира и Гёте я три раза в жизни проштудировал от начала до конца и никогда не мог понять в чём их прелесть» (Запись от 29 апреля 1900 года) (119). А 3 октября 1903 года вновь пишет об этом: «Л.Н. много говорил о Шекспире, к которому относился отрицательно. Л.Н. работает над статьёй о Шекспире»* [58].

Речь идёт о критическом очерке «О Шекспире и о драме», в котором писатель достаточно резко отзывается о творчестве английского драматурга. Он пишет о том, что уже при первом чтении Шекспира вместо ожидаемого эстетического наслаждения испытал лишь «неотразимое отвращение, скуку и недоумение». Не полагаясь на первое впечатление, он старался перечитывать его драмы, комедии и хроники по несколько раз, причём на разных языках, и по-русски, и по-английски, и по-немецки, но безуспешно, результат был всё тот же. Но прочтя одно за другим считающиеся лучшими его произведения: «Король Лира», «Ромео и Юлию», «Гамлета», «Макбета», «я... почувствовал недоумение о том, я ли безумен, находя ничтожными и прямо дурными произведения, которые считаются верхом совершенства всем образованным миром, или безумно то значение, которое приписывается этим образованным миром произведениям Шекспира. ...почему же признанные всем миром за гениальные художественные произведения сочинения Шекспира не только не нравились мне, но были мне отвратительны?.. 75-летним стариком, желая ещё раз прове-

рить себя, я вновь прочёл всего Шекспира... и испытал то же чувство твёрдого, несомненного убеждения в том, что та непрекращаемая слава великого, гениального писателя, которой пользуется Шекспир и которая заставляет писателей нашего времени подражать ему, а читателей и зрителей, извращая своё эстетическое и этическое понимание, отыскивать в нём несуществующее достоинство, есть великое зло, как и всякая неправда.

Шекспир не может быть признаваем не только великим, но даже самым посредственным сочинителем» [143, т.15, с.259].

Далее Толстой подробно анализирует «Короля Лира», указывает на пошлость и неуместность речей героев, искусственность чувств и ситуаций. «Произведения Шекспира, – пишет он, – не отвечают требованиям всякого искусства, и, кроме того, направление их самое низменное, безнравственное. Что же значит та великая слава, которую вот уже более ста лет пользуются эти произведения?..

Объяснение этой удивительной славы есть только одно: слава эта есть одна из тех эпидемических внушений, которым всегда подвергалось человечество» [143, т.15, с.302].

В спорах с «хвалителями» Шекспира, с людьми «живо чувствующими поэтические красоты, как Тургенев, Фет и другие», Толстой горячо отстаивал свою точку зрения, но наталкивался на недопонимание и каждый раз «встречал одно и то же отношение к несогласию с восхвалением Шекспира и... восхищались тем самым, что мне казалось нелепым, непонятным, антихудожественным» [143, т.15, с.302].

Толстой пишет: «...всякому вступающему в жизнь молодому человеку в наше время представляется как образец нравственного совершенства... прежде всего Шекспир, про которого решено и передаётся, как непрекращаемая истина, что это величайший поэт и учитель мира... Главное же то, что, усвоив то безнравственное мирозерцание, которое проникает все произведения Шекспира, он теряет способность различения доброго от злого. И ложь возвеличения ничтожного, не художественного и не только не нравственного,

но прямо безнравственного писателя делает своё губительное дело...

...чем скорее люди освободятся от ложного восхваления Шекспира, тем это будет лучше. Во-первых, потому, что... люди... должны будут искать и вырабатывать ту новую форму современной драмы,.. которая будет служить... утверждением в людях высшей ступени религиозного сознания; а во-вторых, потому, что люди... поймут, что ничтожные и безнравственные произведения Шекспира и его подражателей, имеющие целью только развлечение и забаву зрителей, никак не могут быть учителями жизни и что учение о жизни надо искать в других источниках» [143, т.15,с.314].

Э.Эфендиев писал в одном из набросков «Ревность Толстого»: «В отношении Толстого к Шекспиру я ощущаю подсознательную ревность. Ревность эту во всей её полноте, богатстве оттенков и глубине водоворота чувств способно описать только перо Шекспира и самого Толстого» [162, с.84].

В представлении же Ильяса Эфендиева, как отмечает Э.Эфендиев, «Сервантес, Шекспир, Толстой – писатели такого уровня с течением времени словно бы превращаются в некие определённые эстетические категории» [162, с.100].

В произведениях многих зарубежных писателей можно усмотреть преемственную связь с творчеством великих столпов литературы, в частности, Толстого. Ведь Толстой неподвластен моде, у него есть чему поучиться и сегодня.

Это отмечает и прозаик, драматург Ильяс Эфендиев: «Как гениальный писатель Толстой всегда стоял над литературной модой, не поддаваясь её влияниям. Он знал, что всё это преходяще, временно на пути подлинного большого искусства» [57].

В какой-то степени испытали влияние Толстого и представители американской реалистической литературы Фолкнер и Хемингуэй. Т.Л.Морозова в статье «Толстой и Фолкнер» отмечала: «Чем больше мы вчитываемся и вдумываемся в произведения Фолкнера, чем ближе знакомимся с его героями, чем больше привыкаем к его художественной манере, тем яснее для нас становится... то, что в каких-то очень существенных отношениях реализм Фолкнера

поразительно близко соприкасался с реализмом Толстого. ...В речах, письмах, выступлениях, интервью Фолкнер неоднократно упоминал имена Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова и других русских писателей... Толстого Фолкнер неизменно называл в числе тех авторов, которых он постоянно перечитывал. Книги Толстого... находились в личной библиотеке американского писателя. Особенно Фолкнер любил «Анну Каренину» – он хранил у себя этот роман в трёх изданиях. Толстой, по мнению Фолкнера, принадлежал к числу величайших представителей мировой литературы, создавших такие произведения, которым суждено остаться бессмертными. Высшая цель любого писателя виделась Фолкнеру в том, чтобы добиться того, чего добились эти творцы: «Создать нечто такое, что заставило бы людей через сто, двести, пятьсот или тысячи лет испытывать чувства, которые они испытывают, читая Гомера, Диккенса, Бальзака, Толстого» [99, с.225].

Что касается Хемингуэя, то, как отмечает Ю.И.Сохряков, именно он из всех американских писателей XX в. проявлял наибольший интерес к Толстому и к русской литературе в целом [128, с.246].

«Чем же помог Толстой Хемингуэю?» – задаётся вопросом Ю.И.Сохряков. И далее отвечает: «Чтение Толстого дало американскому писателю возможность «убедиться в ограниченности творческих перспектив, открываемых его непосредственными мэтрами, он имел возможность видеть, насколько у Толстого... выходит иначе и лучше то, чему старались учить его...» [128, с.247].

«Хемингуэй учился у Толстого не отдельным приёмам писательского мастерства, а самому главному – способности ставить и решать важнейшие социально-психологические проблемы своего времени. Толстой помог Хемингуэю в осмыслении безнравственной сущности общества...» [128, с.249].

Э.Эфендиев в наброске «Фолкнер и Хемингуэй» пишет: «Фолкнер – гора, все очертания которой просматриваются ясно и чётко; он неподвижен, как сама вечность.

Хемингуэй тоже подобен горе, но вот какова её точная высота? И сегодня её очертания видятся определённым образом, будут ли они таковыми зав-

тра? – неизвестно, потому что эта гора динамична, изменчива; все его романы, рассказы, очерки просто-таки не могут устоять на одном месте, для них не существует чётких плоскостей, они, если так можно выразиться, стереометричны, они дышат, они трепещут...» [162, с.4].

А в другом наброске «Проза XX века» отмечает: *«У моего отца была своя система. Для Ильёса Эфендиева выразителем XX века являлась, в первую очередь, американская проза: Фолкнер, Хемингуэй...» [162, с.38].*

Как известно, и Уильям Камберт Фолкнер и Эрнест Миллер Хемингуэй стали лауреатами Нобелевской премии. Столь престижная высокая награда была им присуждена за значительный вклад в развитие американской прозы. Фолкнеру в 1949 году, а Хемингуэю – в 1954 г. Э.Эфендиев в наброске «Страдания и муки соискателей Нобелевской премии» пишет: *«Хорошим утешением для соискателей Нобелевской премии, которым никак не удаётся получить её, может послужить пример Толстого. Впрочем, пример не совсем удачен, потому что среди них нет ни одного Толстого» [162, с.4].*

Известно, что Л.Н.Толстой был «отказником», т.е. добровольно отказался от Нобелевской премии, просил её не присуждать. Но это было позднее, в 1906 году. А начиная с 1902 года он ежегодно присутствовал в номинациях, однако награда по решению руководства шведской академии доставалась другому.

В последний раз Российской Академией наук он был выдвинут на соискание премии за произведение «Великий грех», где он убедительно высказывался против частной собственности. Однако писатель, узнав об этом, написал финскому писателю и переводчику Арвиду Эрнефельду: *«Если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться, а потому я очень прошу Вас, если у Вас есть – как я думаю – какие-либо связи в Швеции, постараться сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии...» [107].*

Что же всё-таки побудило его к этому, прежние обиды за недооценку его творчества или же сознательный отказ от денежного вознаграждения? *«Я был очень доволен, что Нобелевская премия не была мне присуждена... это избавило меня от большого затруднения – распорядиться этими деньгами, которые,*

как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло» [107].

Как и Толстому, известному американскому новеллисту О'Генри (настоящее имя Уильям Сидни Портер) не суждено было стать нобелевским лауреатом. Признанный мастер короткого рассказа, автор более 600 произведений, он творил в эпоху «дикого капитализма», когда происходило быстрое обогащение одних за счёт обнищания и жалкого прозябания других.

Его герои – представители разных слоёв общества: судьи, генералы, священники, актёры, художники, лавочники, ковбои, бродяги. Писатель нарисовал реальные картины современной американской жизни. Его рассказы увлекательны и остроумны, в них юмор сочетается с глубоким чувством.

Э.Эфендиев в одном из набросков «Новеллы О.Генри» отмечает превосходство Толстого и Бальзака: *«Ясное дело, и до О.Генри были писатели, по масштабу гораздо крупнее О.Генри, которые писали в жанре новеллистики, достаточно вспомнить «Севастопольские рассказы» Толстого или рассказы Бальзака. Однако следует особо подчеркнуть, что и Толстой, и Бальзак по своим показателям относятся к плеяде великих романистов, специализацию же на новеллах начал Мопассан во второй половине XIX века, а в XX веке именно О.Генри поставил последнюю точку в этом вопросе.*

Не претендуя на бесспорность своего утверждения и допуская её излишнюю в данном случае эмоциональность, могу указать на новеллистику Чехова и ещё многих других писателей, творивших в этот период» [162, с.47].

На рубеже веков в жанре новеллы творили такие известные писатели, как Л.Андреев, Ш.Андерсон, С.Цвейг, И.Бунин, М.Твен, Э.По и другие. Л.Толстой и О.Бальзак хоть и писали рассказы, как замечает Э.Эфендиев, но мировое признание получили как романисты. А О.Генри писал исключительно в жанре новеллы, и его единственный роман «Короли и капуста» фактически является циклом отдельных новелл, объединённых общим сюжетом.

Автором бесчисленного количества рассказов и романов был и знаменитый бельгийский писатель Жорж Сименон. Он прославился серией детективов о полицейском комиссаре Жюле Мегрэ. Э.Эфендиев в наброске «Почему Си-

менон опасается произносить имя Толстого?» пишет: *«Для меня Мегрэ по своей природе самый что ни на есть толстовец и он, насколько я могу предположить, верный читатель Толстого. Сименон неоднократно говорит о своей высокой оценке русской литературы и признаётся, что на него оказывают сильное влияние Гоголь, Достоевский и Чехов. Я прямо-таки вижу, как Мегрэ хватает Сименона за лацканы пиджака и вопрошает: «А Толстой?!»* [162, с.57).

В «Воспоминаниях о сокровенном» – «романе-исповеди», своей последней книге, писатель признавался, что всегда любил русскую литературу, которая ему открыла «неисчерпаемый источник гуманизма». По словам Сименона, Лев Толстой и Достоевский, Чехов и Горький преподали ему хорошие уроки психологической правды и человечности. Известно, что у Л. Толстого, он больше всего ценил «Смерть Ивана Ильича». Его романские персонажи во многом напоминают заурядного героя повести. Идея духовного спасения была близка Сименону. Толстой и особенно Достоевский поддерживали в нем веру в возможность нравственного возрождения и очищения человека [129].

От чисто мужской прозы Ж.Сименона перейдём к женской.

Э.Эфендиев в своём наброске «Психологическая женская проза или женская психология в прозе» рассуждает о «женском» романе: *«Многие исследователи, в их числе и Н.Сигал, считают, что романы, составляющие во французской литературе пласт, известный как «психологически женский роман», базируются на романе Мари Мадлен де Лафайет «Принцесса Клевская». Однако для меня несомненно, что в «Принцессе Клевской» гораздо явственней проглядывает облик флоберовской «Мадам Бовари», нежели признаки прозы Франсуазы Саган, т.е. во многом ведущая во французской литературе содержательная линия «Мадам Бовари» берёт своё начало именно из этого романа.*

На первый взгляд, линия «Мадам Бовари» аналогична показательной для русской литературы линии «Анны Карениной», но это всего лишь внешнее сходство, при более детальном рассмотрении обнаруживается их сутовое различие. Линия «Анны Карениной» более сурова, чувства, изображённые Тол-

стым, в большей степени завуалированы, замкнуты, в то время как чувства, характерные для линии «Мадам Бовари», обнажены максимально, они более экспрессивны и демонстративны» [162, с.41].

Сравнения с «Анной Карениной» встречаем и в другом наброске Э.Эфендиева «Миссия великих общечеловеческих книг»: *«Наконец-то прочёл «Манон Леско» и только что отложил книгу. ...линия «куртизанки» в мировой литературе наглядно нисходит к этому произведению. И даже, если очень внимательно и аккуратно проследить, можно увидеть: генетические и типологические корни флоберовской мадам Бовари и толстовской Анны произрастают из «Манон Леско»* [162, с.28].

Литературную параллель с творчеством Толстого приводит Э.Эфендиев и в другом наброске, рассуждая «О славе и месте образцов литературы в контексте мировой литературы»: *«Роман венгерского писателя Мора Йокаи «Золотой человек»... стоит в одном ряду с «Отцом Сергием» Толстого и продолжает литературную традицию, требующую умения (силы!) психологического проникновения в глубины человеческого характера. Мор Йокаи раскрывает такие пласты натуры своего героя, – Михая Тимари, – которые доступны только обладателю того, что называется дар свыше»* [162, с.39].

Э.Эфендиев отмечает: *«Золотой человек» я считаю значительным фактом мировой литературы и уверен, будь этот роман напечатан во Франции, имя автора с полным на то основанием с гордостью произносили бы в одной связке с Бальзаком, Флобером, Золя, Мопассаном, а его творчество стало бы предметом исследований и отдельной темой в учебнике по литературе...*

И что же? Сегодня роман «Золотой человек» вне Венгрии известен только специалистам по венгерской литературе...» [162, с.39].

В отличие от многих непризнанных гениев, слава Толстого ещё при жизни писателя шагнула далеко за пределы России. Джафар Хандан писал: *«Толстой бессмертен. Он отдал в золотой фонд мировой литературы всегда живые произведения, героем которых была правда, которые несли миру идеалы гуманизма»* [152].

«Этот человек – богоподобен!» – восклицал Горький. Может поэтому Э.Эфендиев, преклоняясь перед его гением и величием, одновременно испытывает и «неосознанный страх». Он, по его собственному признанию, вот уже многие годы собирается написать книгу под названием *«За что я люблю Толстого»*, однако воплотить замысел так и не удается. Казалось бы и материал собран, и сделаны необходимые заметки, ясно представляется и структура книги и последовательность глав. Но все же не пишется. *«И, вполне вероятно, никогда не напишется. Я чувствую это подсознательно, инстинктивно. Я боюсь начать писать эту книгу. Всякий раз, когда я пытаюсь сесть за книгу, тяжесть Толстого (вес Толстого!) давит на меня (наваливается на плечи!)»* [162, с.6].

Лев Николаевич Толстой был «спутником всей жизни» Эльчина Эфендиева начиная с детских лет. Он был для него высшим образцом художественного совершенства. «Литературные раздумья» – это дань почитания и уважения личности и творчеству великого русского писателя.

Высокая оценка книге была дана известным в республике публицистом Эльмирой Ахундовой: *«...после знакомства с его литературными дневниками я (в который раз!) поразила многообразием и поистине энциклопедичностью его познаний в сфере литературы... то и дело сталкивалась в процессе чтения дневников с именами малознакомыми или вовсе неизвестными. А имена знаковые и даже любимые (тот же Толстой, Чехов или Джалил Мамедкулизаде) открывались для меня благодаря Эльчину с новой, порой неожиданной стороны. Прочитывая и перечитывая его дневниковые записи, ощущаешь как тебя постепенно охватывают удивительные чувства радости, нравственного удовлетворения и сопричастности тому великому и непреходящему, что именуется Литературой. Именно так – с большой буквы, с огромным уважением и любовью относится писатель Эльчин к персонажам, произведениям, а также к создавшим эти персонажи и произведения бессмертным именам своих духовных прародителей. Литературная нива, взрастившая талант Эльчина, поистине безбрежна... Поистине мир большой литературы в представлении Эль-*

чина – это целая Вселенная с её галактиками, мелкими и крупными звёздами, которые то гаснут и погибают прежде времени, а то, напротив, веками сияют сильно и ярко. К таким крупным звёздам в своих дневниках Эльчин обращается... неустанно размышляя над тайной и секретами обаяния их великих творений» [36, с.26]. И далее Э. Ахундова пишет о том, что сам писатель в одной из своих записей признаётся в том, что не может расстаться со своими любимыми героями: Анной Карениной Толстого, королём Лиром Шекспира, Дон-Кихотом Сервантеса, Аксиньей Шолохова. Он словно породнился с ними, они стали для него старыми добрыми знакомыми. И они всегда с ним, и во сне и наяву, и особенно в редкие часы отдыха. Так появляются замечательные эссе, наполненные любовью к великому Льву Толстому. Отец Эльчина Ильяс Эфендиев, зная, что сын идеализирует Толстого, упрекал его в этом. Сам писатель задавался вопросом «Идеализирую ли я Толстого?». И сам же отвечал на свой вопрос «Нет... старец Толстой всё равно выше сотворённого тобой идеала».

«Книга «Время и Слово» могла бы служить учебником по компаративистике, науке весьма модной и востребованной в современном литературоведении», – считает Эльмира Ахундова. «Назовём хотя бы ...эссе «Как древние арабы повлияли на Толстого», «Монах и Тургенев», «Полковник Шабер и наши мертвецы» и многие другие. Как истинное дитя Востока по своим этническим корням, как человек, влюблённый в азербайджанскую литературу, Эльчин бессознательно ищет (и находит!) убедительные параллели». «...если судить по этим эссе, то почти за полвека литературной деятельности Эльчин практически не изменился в своих литературных вкусах и пристрастиях», – заключает Э.Ахундова [36 с.26].

Заслуженный журналист Азербайджана Эльмира Алиева высоко отзывалась о «Литературных раздумьях» Э.Эфендиева. «Читая книгу, словно заглядываешь в глубины его внутреннего мира, познаёшь взгляды автора на многие явления жизни, читаешь его мысли. Приятно, когда они совпадают с твоими, или, во всяком случае, в чём-то созвучны им...». В случайных записях писателя отражено его отношение к литературным явлениям и процессам и к тем, кто в

гуще этих событий; одним словом, его размышления на эту тему. *«Страница за страницей книга «Время и слово» свидетельствует о широте интересов автора, глубине его взглядов и оценок. Он сумел поделиться своими мыслями о Льве Толстом... и сделал это так, что не оставил ни одного равнодушного: кто-то согласился с ним, а кто-то не принял его суждений. И это нормально: человек имеет право на собственное отношение ко всему и всем.*

Суждения автора в целом о литературе всегда аналитические, мотивированные, и о литературоведении, с его, как считает Эльчин, ортодоксальным отношением к литературе, – достаточно интересны» [22, с.10]. Э.Алиева считает, что «людям, всерьёз относящимся ко всему, что связано в целом с творчеством, книга Эльчина ...может послужить серьёзным источником, направляющим мысль и поступки». По мнению автора статьи, «писатель умеет подобрать нужные слова для пробуждения у читателей схожих чувств и ощущений, и от этих слов исходит особое тепло, согревающее душу. «Каждое слово, каждая строка, каждое произведение пронизаны теплом... Всё творчество проникнуто неравнодушием» [22, с.10].

Время и Слово и Слово и Время. О взаимодействии этих понятий в книге Э.Эфендиева рассуждает Низами Тагисой в статье «Хронотоп Эльчина. Время и голоса». «Для писателя два этих понятия имеют важное философско-эстетическое значение. Как известно, эти понятия культурно-исторический феномен, влияющий на общество и на формирование самой личности... Эстетический анализ у Эльчина обращается к творческим личностям или произведениям в их первичной, чисто познавательной значимости». По словам автора, «Время и слово» – это «многостильное, разноречивое, разноголосое явление». «Каждое конкретное высказывание писателя – это его индивидуализированное воплощение. Эльчин как автор-создатель свободно движется в своём времени: он имеет возможность начать свой рассказ с конца, с середины и с любого момента изображённых событий, не разрушая при этом объективного хода времени в изображённом событии» [133].

Своими впечатлениями о книге поделился и сам переводчик Вагиф Иб-

рагимоглы. Надо отдать ему должное. Он сумел передать неповторимость стиля изложения текста оригинала, его предельную сжатость, логическую и эмоциональную выразительность. Он характеризует книгу Эльчина как *«достаточно сложное лингвистическое, публицистическое, научное, психологическое и художественно-эстетическое явление»* и соотносит её с *«записными книжками»* – довольно распространённым жанром в мемуаристике, и видит в ней *«несомненный образец художественного произведения»*.

Отталкиваясь от утверждения Эльчина о том, что *«время может обратиться в прошлое скульптуру, картину, но не слово. Время бессильно перед книгой...»*, автор глубже и полней раскрывает смысл этой фразы. *«Эта личностная убеждённость Эльчина, выступающего в трёх ипостасях: писатель–специалист–читатель..., конгениальна парадигме мировой мемуаристики и её подвида «литературные размышления», она осознаётся как литературное выражение сущности духовной деятельности «человека мыслящего» и всегда играла существенную роль как в культуре отдельных народов, так и в мировой культуре, литературе и искусстве в целом. В наше время – эпоху... всевозрастающей интенсивности межкультурных контактов, парадигма «время бессильно перед словом» обретает новое значение: реализованная в жанре «литературное размышление», она, как и язык, выступает важнейшим средством человеческого общения, которое и есть «единственно настоящая роскошь» (Экзюпери)... в текстах мини-эссе Эльчина присутствует и «национальный образ мира» (Г.Гачев), через который каждый может (должен!) различать и параметры духовного пространства национальной культуры в общем массиве мировой культуры, зафиксированном в классических произведениях мировой литературы»*. Далее В.Ибрагимоглы развивает свою мысль: *«Время и слово»... представляет собой мерцающие комбинации литературных заметок, ...пересечение фактов национальной литературы с контекстом мировой литературы, когда в некоей виртуальной точке пересекаются... родной отец Ильяс Эфендиев и «духовный отец» Лев Толстой, ...возлюбленная ашуга Алескера и Анна Каренина...»* [161, с.9].

В.Ибрагимоглы сравнивает творчество Э.Эфендиева с «целой галактикой», а его книги «с планетами, ещё не открытыми» азербайджанским литературоведением. Он пишет о том, что *«вдохновлялся надеждой предоставить друзьям азербайджанской национальной культуры достойный образец мышления подлинного интеллигента, способного быть патриотом в той же мере, в какой он интернационалист.., находил удовлетворение в мысли о том, что этим скромным трудом отдаёт дань уважения одному из несомненных лидеров литературного поколения «шестидесятников», так много сделавших, так много сил отдавших делу духовного возрождения национальной культуры, литературы и искусства»* [161, с.11-12].

Остаётся только добавить, что «Время и Слово. Литературные раздумья» Э.Эфендиева – содержательная, глубокая и увлекательная книга. Полезность и ценность её несомненны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Талант Толстого-реалиста в полной мере проявился уже в ранних кавказских произведениях, заложивших основу будущих мировых шедевров. Его военные рассказы и повести («Набег», «Рубки леса», «Кзаки», «Из кавказских воспоминаний», «Разжалованный», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат») – яркие образцы реалистической прозы. Высоко отзывались о них и представители азербайджанской литературной мысли (М.Ибрагимов, С.Рагимов, М.Ариф, А.Гаджиев, Ф.Закиев, М.Мирзоев, А.Дж. Гаджиев, Ф.Рзаев, А.Ализаде и др.). Они отмечали глубину психологизма, мастерство в воссоздании батальных сцен, поэтичность описаний природы.
2. Продолжая традиции натуральной школы, Толстой шагнул далеко от романтических представлений своих великих предшественников (Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского). При этом в его произведениях прослеживается определённая преемственность, усматривается влияние (имеются реминисценции, в особенности в изображении пейзажа и эпизодов боя), что никак не повлияло на их художественную ценность.
3. Уже в первых военных рассказах Толстого с достаточной определённой выступает своеобразный стиль воссоздания батальных сцен и образов военной среды, получивший своё дальнейшее развитие в «Войне и мире».
4. Кавказская тема соотносится в творчестве писателя с нравственно-философскими размышлениями о войне, о подлинной и мнимой храбрости, истинной и ложной красоте, духовной сущности. Толстой подходил к кавказской войне с нравственных позиций, осуждая насилие и жестокость, порождённые войной.
5. Повесть «Хаджи-Мурат», воссоздавшая события опустошительной горской войны, стала вершиной художественного сознания писателя. В ней раскрыто видение Толстым военных действий на Кавказе и его отношение к жизненному и духовному укладу горских народов.

6. Она непосредственно связана с азербайджанской действительностью. Изображение ночного пейзажа в Нухе с поющими соловьями, полностью соответствующее реальной картине, допускает мысль о пребывании Толстого в этих местах и любовании открывшимся видом.
7. Достоверно и описание гибели Хаджи-Мурата (на лесной опушке под Нухой, близ селения Беяджик, Кахский район), что засвидетельствовано документальными источниками. В работе описана история обнаружения его могилы археологами М.Гусейновым и Ш.Садыхзаде.
8. Повесть, ставшая главным ориентиром в поисках, ещё раз подтвердила верность Толстого исторической правде, строгое следование деталям. Все эти факты нашли отражение и в азербайджанской публицистике.
9. Правдиво отобразить события прошлого писателю помогло не только мастерство художника и необычайная прозорливость, но и глубокое знание истории и этнографии. В повести представлен обширный этнографический материал (описания одежды, пищи, убранства жилища, национальные и религиозные обряды).
10. Изучение быта и нравов горцев привело писателя к осознанию духовных ценностей ислама, утверждающих идеалы высокой нравственности, добра и справедливости. Исламская религия полностью соответствовала его духовному миру, что явствует из многочисленных высказываний Толстого в сохранившейся переписке (в частности, с Е.Е.Векиловой).
11. В повести сделана также попытка взглянуть на жизнь сквозь призму восточной мудрости. Писатель творчески использовал опыт философии Востока, выдвигающей на первый план духовную сущность человека и нравственную чистоту.
12. Глубоко раскрыть образ героя «с богом в душе» Толстому помогло обращение к народному творчеству. Горские песни (о кровомщении, тавлинская сказка о соколе, о джигите Гамзате, песня матери), придающие повести лирически-эмоциональную и одновременно героическую окраску, ещё более усиливают восприятие смелого воина. Они напоминают луч-

шие образцы азербайджанской фольклорной поэзии. Прославление мужества и героизма в духе народной поэзии и традиций.

13. Народно-образное мышление горцев нашло выражение как в песнях, так и в горской речи. Особый национальный колорит придают ей народные выражения (пословицы, поговорки, приветствия и пожелания). В них отражены представления жителей гор, их наблюдения над жизнью. Толстой сохранил характерный для них язык, особенности стиля их речи.
14. Для передачи горской речи и местного колорита писатель широко использовал заимствованные слова, в том числе и тюркизмы. Тюркская лексика связана не только с кумыкским языком, но и с азербайджанским. Многие устойчивые сочетания повести аналогичны выражениям родного языка.
15. Изучение языка и стиля писателя, вживание в мир его идей и образов помогло национальным переводчикам в воспроизведении художественного своеобразия и идейного содержания как повести, так и других кавказских произведений писателя. Переводчики (Б.Мусаев, Т.Мамедов, А.Фахми, А.Рзаев, М.Эфендиев и др.) сумели отобразить реалистические принципы Толстого в изображении горных аулов, пейзажных зарисовок, внешней и внутренней характеристики героев.
16. Перевод был осуществлён с учётом богатых возможностей азербайджанского языка, его изобразительно-выразительных средств, интонационно-ритмичного строя. Бесспорно, переводчикам помогло не только знание языка, они сумели прочувствовать всю силу и глубину мысли творений художника.
17. Творчество Толстого стало подлинной школой художественного мастерства, образцом эстетического совершенства и высокой идейности как для переводчиков, так и писателей.
18. Азербайджанские мастера прозы испытали его влияние, что обогатило их художественное видение мира, понимание человека и природы. Это результат плодотворного воздействия Толстого на национальную литературу.

ру и культуру. Оно обширно и многогранно.

19. Традиции Толстого-романиста получили своеобразное преломление в азербайджанском эпическом, историческом, социально-психологическом и философском романе (Ю.Чеменземинли, М.Ордубади, С.Рагимов, М.Гусейн, М.Джалал, Абульгасан, М.Ибрагимов, А.Шаиг, И.Шихлы, Г.Аббасзаде и др.). Внутреннее родство с эпопеей проявилось в широком отображении исторических и социальных преобразований эпохи, типизации явлений и характеров, углублении психологического подхода.
20. Переняв художественный опыт писателя, национальные прозаики создали новый тип народной эпопеи. Их герои – участники решающих исторических перемен. Их стремления и идеалы отражают веяние времени.
21. Произошедшие изменения в обществе во многом изменили эстетические представления и духовные запросы читателей, определили сдвиги в национальной прозе. В современных романах на первый план выступает психологизм, раскрытие духовного мира человека. В этом, несомненно, усматривается связь с традициями Толстого.
22. Произведения Толстого оказали воздействие не только на романский жанр азербайджанской литературы, но также и на научно-популярный. Данный факт впервые был обнаружен автором исследования. Очень много упоминаний о Л.Толстом содержится в книге известного учёного, академика А.М.Мирзаджанзаде «Этюды о гуманизации образования». Подборка мудрых мыслей Толстого из указанной книги дается с оценкой и комментариями исследователя.
23. А.Мирзаджанзаде приводятся интересные факты и доказательства взаимовлияния литературы и науки. Так, литературные описания Толстого опережали научные открытия, что является свидетельством творческого разума, которым писатель обладал в высшей степени.
24. Азербайджанские учёные и писатели, покорённые силой таланта и художественного гения мастера, находили в его творениях идеи и взгляды, созвучные своим мыслям, ощущали потребность в творческом общении с

художником-гуманистом.

25. Творчество великого реалиста, его поиски истины и мироощущения были близки и азербайджанскому драматургу Э.Эфендиеву. Нравственные представления, лежащие в основе авторской интерпретации, оказали влияние и на трактовку сущности художественных образов.
26. Размышления писателя – об особенностях проблематики, идейно-художественной стороне, героях Толстого нашли отражение в многочисленных набросках, отдельных записях и мини-эссе. Они свидетельствуют о благотворном влиянии и глубоком воздействии великого художника на сознание и мирозерцание азербайджанского писателя. Л.Толстой предстаёт в «Литературных раздумьях» автора как писатель и мыслитель, подаривший человечеству бессмертные творения и пленительные образы, рождённые его немеркнущим гением.
27. Значительное место в книге Э.Эфендиева занимают мысли и суждения о героях произведений писателя – Оленине, Безухове, Болконском, Левине, несчастливой семье Карениных, Нехлюдове, Хаджи-Мурате... Каждый из них отличается не только мастерски воссозданным портретом, но и своеобразным неповторимым характером. Автором привлечены для сопоставления примеры как из азербайджанской, так и мировой литературы.
28. В работе нашли отражение не только литературные параллели с творчеством Толстого, но и проблема взаимоотношений самого писателя с представителями отечественной и зарубежной литературы и их взаимная оценка художественного творчества.
29. Данный вопрос представляет интерес в плане понимания творческой личности Л.Н.Толстого, его таланта не только как писателя и чуткого критика, но и величайшего мыслителя.
30. Проведённое исследование позволяет глубже осмыслить рецепцию творчества Толстого, его влияние на литературу и культуру Азербайджана, и тем самым дополнить научные представления о литературном взаимодействии и межкультурном художественном диалоге.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На азербайджанском языке

1. Alməmmədov, A.L. Tolstoy və Azərbaycan ədəbiyyatı / A.L. Alməmmədov. – Bakı: ADPI nəşriyyatı, – 1972. – 111 s.
2. Arif, M. Lev Nikolayeviç Tolstoy / M. Arif. – Bakı: Bilik, – 1960. – 59 s.
3. Bağırov, Ə. L. Tolstoy və Azərbaycan: 1880-1920 / Ə. Bağırov. – Bakı: Elm, – 1974. – 161 s.
4. Bağırov, Ə. L. N. Tolstoyun əsərləri azərbaycan dilində // – Bakı: Azərbaycan, – 1963. № 5, – s. 178-186.
5. Cahanqirova, E.C. Azərbaycan romanı XX əsrin əvvəllərində // Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri, – 2016. №2, – 168 -173s.
6. Çəmənzəminli, Y.V. Əsərləri: [II cildə] / Y.V. Çəmənzəminli. – Bakı: Avrasiya Press, – 2005. – 1024 s.
7. Hacılı, A. Qurani Kərim rus ədəbiyyatında / A. Hacılı. – Bakı: NPM Kitab aləmi, – 2009. – 248 s.
8. Həbibbəyli, İ.Ə. Böyük ədəbiyyat nəhəngi M.S. Ordubadi / İ.Ə. Həbibbəyli. – Bakı: Elm və təhsil, – 2012. – 92 s.
9. Həbibbəyli, İ.Ə. Ədəbi əlaqələrdən müqayisəli ədəbiyyatşünaslığa // – Bakı: Ədəbi əlaqələr, – 2016. X, – s. 3-5.
10. Qasımov, H.Ə. Azərbaycan romanının inkişaf problemləri / H.Ə. Qasımov. – Bakı: Nurlan, – 2008. – 336 s.
11. L.N. Tolstoy. Hacı Murad / tərc. C. Cabbarlı. Tərtibat, mətnin çapa hazırlanması, ön sözün və şərhlərin müəllifi Rzayev F.C. – Bakı: Nurlan, – 2008. – 166 s.
12. Lev Tolstoy. Dirilmə / rus dilindən tərc. ed. M. Rzaquluzadə, C. Məcnunbəyov. – Bakı: Şərq-Qərb, – 2007. – 478 s.
13. Mir Cəlal. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı / M. Cəlal, F. Hüseynov. – Bakı: Maarif, – 1982. – 427 s.
14. Müstəqillik dövrü Azərbaycan ədəbiyyatı : [II cildə] / baş redaktor akademik

- Həbibbəyli İ. Ə. – Bakı: Elm və təhsil , – 2016. – 1890 s.
15. Ordubadi, M.S. Qılınç və qələm: I-II hissə / M.S. Ordubadi.– Bakı: Şərq-Qərb,– 2005.– 750 s.
 16. Rəhimov, S.H. Seçilmiş əsərləri: [II cildə] / S.H. Rəhimov.– Bakı:Şərq-Qərb,– 2005.– 600 s.
 17. Rzayev, F.C. L.N.Tolstoyun əsərləri Azərbaycan dilində (tərcümə məsələləri) / F.C. Rzayev.– Bakı: Nurlan,–2009.– 184 s.
 18. Sənətkara töhfə: dahi rus yazıçısı Lev Nikolayeviç Tolstoyun anadan olmasının 150 illiyinə həsr olunur /Tərt.ed.Əkbər Ağayev.– Bakı: Yazıçı, – 1978.– 166 s.
 19. Təhmasib, M. Yazıçı-alim // Ədəbiyyat və incəsənət .– 1967, 9 dekabr.– s.4.

На русском языке

20. Абдуллабекова, Г. Г. Азербайджано-польские литературные связи XIX-XXI веков. Учебное пособие / Г.А.Абдуллабекова. – Баку: Мутарджим,– 2012.– 416 с.
21. Абульгасан, А. Бастионы дружбы /А.Абульгасан. – Баку: Азернешр,– 1977.– 288 с.
22. Алиева, Э. Диалог с самим собой. Эльчин. Время и слово // Каспий.– Баку, 2009,19 декабря. – с.10.
23. Ализаде, А. Л.Н.Толстой в азербайджанском литературоведении (1880-1980) / Э.Алиева.– Баку: Наука и образование,–2014.– 130 с.
24. Алмамедов, А. Великий писатель земли русской (к 150-летию со дня рождения) // – Баку: Литературный Азербайджан,–1978. №3,– с.112-117.
25. Анар. Отмена цензуры позволила писателю писать так, как он считает нужным [Электронный ресурс] / В рубрике «Эксклюзив».18.03.2011. URL: http://interfax.az/last_news
26. Ариф, М. Великий писатель русского народа (к 125-летию со дня рождения) // Вышка. – 1953, 9 сентября. – с. 2.

27. Ариф, М. Писатель-гражданин (к 50-летию со дня смерти) // – Баку: Литературный Азербайджан, – 1960. № 11, – с.14–16.
28. Архангельская, Т.Н. В творческой лаборатории Л.Н.Толстого: Источники, прообраз и образ, литературные связи: /дис. кандидата филологических наук./– Орел, 2004. – 265 с.
29. Асадуллаев, С.Г. Л.Н.Толстой в азербайджанской советской литературной критике // – Баку: Ученые записки АГУ. Серия: Язык и литература, – 1978. №3,– с. 19-23.
30. Асадуллаев, С.Г. Гигантский литературный материк (Толстой и Азербайджан) // Азербайджан. – 1978, 8 сентября. – с. 3.
31. Асадуллаев С.Г. Необъятный материк: освоение литературного наследия Льва Толстого в Азербайджане // – Баку: Литературный Азербайджан, – 1978. №9,– с. 6-17.
32. Асадуллаев, С.Г. Необъятный материк: освоение литературного наследия Льва Толстого в Азербайджане // – Баку: Литературный Азербайджан, – 1978. №9, – с. 6-17.
33. Асадуллаев, С.Г. Великий художник и гражданин (к 150-летию со дня рождения) // Молодежь Азербайджана.–1978, 9 сентября. – с. 3.
34. Асадуллаев, С.Г. Л.Н.Толстой и азербайджанская советская литература / С.Г. Асадуллаев.– Баку: Знание, –1978. –79 с.
35. Асадуллаев, С.Г. Проблемы рецепции Льва Толстого в Азербайджане //– Баку: Русская классика и азербайджанская литература, – 1998, – с. 89-112.
36. Афанасьев, Э.С. Реалистический эпос Л.Н.Толстого // Москва: Литература в школе, – 2010, №12,– с. 5–9.
37. Ахундова, Э. Вначале было Слово. Размышления публициста по прочтении книги Эльчина «Время и Слово» // Зеркало. – 2010, 16 января. – с. 26.
38. Багиров, А. Толстой в азербайджанской критике /А. Багиров. – Баку: Изд-во АГПИ, –1990. – 87 с.
39. В Центре Гейдара Алиева открылась международная выставка искусств «Küknaг» [Электронный ресурс] / Vzglyad.az. В рубрике «Культура».

- 25.12.2014. URL: <http://vzglyad.az/news/29141/Лейла-Алиева-на-выставке-искусств-küknar>.
40. Вересаев, В.В. Живая жизнь: О Достоевском и Л.Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше) / В.В. Вересаев.—Москва.: Политиздат, — 1991.— 336 с.
41. Видеоконференция на тему: «Русская и азербайджанская литературы: опыт исследования» [Электронный ресурс] / URL: <http://msu.az/ru/news-view/187>
42. Восток в русской литературе. Учебное пособие /А.Дж.Гаджиев, Ф.Рзаев, М. Якубова [и др.].—Баку: Изд-во Баку Университети, — 2011. — 175 с.
43. Габиббейли, И. Документальная эпопея: «Смертельная схватка» [Электронный ресурс] / Каспий. В рубрике «История».07.02.2015.URL: <http://www.kaspiy.az/news.php?id=22713#.W7DMxdf7TIV>
44. Гаджиев, А. Великий писатель земли русской (к 150-летию со дня рождения) // Бакинский рабочий.—1978, 9 сентября. — с.3.
45. Гаджиев, А.Дж. А.А.Бестужев-Марлинский в восприятии Л.Н.Толстого // — Баку: Учёные записки АГУ: Серия: Язык и литература,— 1975, № 6,— с.52-55.
46. Гаджиев, А.Дж. Кавказ в русской литературе I половины XIX века / А.Дж. Гаджиев.— Баку: Язычи,— 1982.—159 с.
47. Гаджиев, А.Дж. Мировая литература в восприятии Мир Джалала (к 100-летию со дня рождения) [Электронный ресурс] / Литературный Азербайджан, 2008, №4. URL: <http://www.azyb.net/cgi-bin/jurn/main.cgi?id=45>
48. Гачев, Г.Д. С Толстым встреча через век / Г.Д. Гачев.— Москва: Вузовская книга, — 2006. — 108 с.
49. Гасанова, Г.А. Я начинаю любить Кавказ...// — Баку: Цивилизация. Сборник Бакинского Университета Аврасия, — 2016. №3,— с. 51-57.
50. Гасанова, Г.А. Влияние творчества Льва Толстого на становление отечественного романа (на материале творчества Юсифа Везира Чоменземинли и Мамед Саида Ордубади) // — Баку: Литературные связи. Сборник Института литературы имени Низами Гянджеви, — 2016. X, — с. 244-253.

51. Гасанова, Г.А. О силе таланта и разума Л.Н.Толстого (по книге А. Миджанзаде «Этюды о гуманизации образования» //– Баку: Цивилизация. Сборник Бакинского Университета Аврасия, – 2016.№4, – с.208-213.
52. Гасанова, Г.А. Образы Л.Н.Толстого в «Литературных раздумьях» Э.Эфендиева // Минск: Вестник Минского государственного лингвистического университета, серия филологии,– 2016.№5(84),– с.119-125.
53. Гасанова, Г.А. Творчество Л. Толстого в контексте мировой культуры («Литературные раздумья» Э.Эфендиева // Материалы международной научно-практической конференции «Филологические чтения»,– Оренбург: – 15-16 декабря, – 2017, – с.185-191.
54. Гасанова, Г.А. Отражение этнокультурной специфики в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Материалы научной конференции «Языки и культуры народов России и мира», – Махачкала: –19-21 сентября ,– 2019, – с.160-165.
55. Гасанова, Г.А. Рецепция творчества Л.Н.Толстого в азербайджанской литературе // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования», – Краснодар: – 25 октября, – 2019, – с.166-174.
56. Гасанова, Г.А. Немеркнувший талант (О рецепции художественного наследия Л.Н.Толстого в азербайджанской литературе) / Г.А.Гасанова, под ред. вице-президента НАНА академика Исы Габиббейли.– Баку: ИПЦ АЗИСУ,–2019. –274 с.
57. Гейбуллаева, Р.М. Сравнительная типология прозы и литературные типы / Р.М. Гейбуллаева.– Баку: Эльм,– 2000.– 295 с.
58. Гений на все времена. Торжественный вечер, посвященный дню рождения Л.Н.Толстого (в Азгосфилармонии имени М.Магомаева) // Молодежь Азербайджана.–1978,14 сентября. – с. 3.
59. Гольденвейзер, А.Б. Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет) [Электронный ресурс] / URL: <http://www.rulit.me/books/vblizi-tolstogo-zapiski-zapyatnadcat-let-read-262693-123.html>

60. Горький, М. Очерки и воспоминания / М.Горький. – Москва: Советская Россия, – 1975. –144 с.
61. Гулиев, В. Роковое пересечение [Электронный ресурс] / Зеркало.07.10. 2008. URL: <http://deyerler.org/ru/28553-rokovoe-peresechenie.html>
62. Гулиев, Г. Все о Хаджи-Мурате [Электронный ресурс] / Каспий. В рубрике «Культура». 22.11.13.URL: <http://www.kaspiy.az/news.php?id=5175#.W7DNLdf7TIU>
63. Гусев, Н.Н. Л.Н.Толстой. Материалы к биографии Л.Толстого с 1870 по 1881/ Н.Н.Гусев. – Москва: Изд.- во Академии наук, – 1963. – 696 с.
64. Гусейн, М. Гениальный художник (к 50-летию со дня смерти) // – Баку: Литературный Азербайджан,– 1960.№ 11,– с.10–12.
65. Джебраилов, Н.Х. Женские образы в романах Л.Н.Толстого «Война и мир» и М.С.Ордубади «Меч и перо» // Материалы VI Международной научной конференции «Актуальные проблемы азербайджановедения»,– Баку: –5-7мая, – 2015, – с. 210-213 .
66. Дима, А. Принципы сравнительного литературоведения / А.Дима. – Москва: Прогресс, –1977. – 211 с.
67. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя / Ф.М.Достоевский. – Москва: Азбука-классика, – 2012. – 464 с.
68. Достоевская, А.Г. Воспоминания / вступ. статья, подгот. Текста и примечания С.В.Белова и В.А. Туниманова / А.Г.Достоевская.– Москва: Правда, –1987. –544 с.
69. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы /Д.Дюришин. – Москва: Прогресс,–1979.– 317 с.
70. Жирмунский, В.М.Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / В.М. Жирмунский.– Ленинград: Наука,–1979.– 491 с.
71. Жирмунский, В.М. Из истории западноевропейских литератур. Избранные труды / В.М. Жирмунский. – Ленинград: Наука, – 1981. – 304 с.
72. Закиев, Ф. За строкой Хаджи-Мурата // – Баку: Литературный Азербайджан,– 1978,№10,– с.132-133.

73. Закиев Ф. Дуб Хаджи-Мурата // Молодежь Азербайджана. – 1968, 11 мая. – с. 3.
74. Ибрагимов, М. Гений русского народа. О реализме Льва Толстого (к 50-летию со дня смерти) // – Баку: Литературный Азербайджан, –1960. № 11, – с.3–9.
75. Иванов Р. Правда о Хаджи-Мурате / Р.Иванов. – Москва: Наука, – 2013.– 392 с.
76. Измайлов, А. У Льва Толстого [Электронный ресурс] / URL: tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/izmajlov-u-lva-tolstogo.htm
77. *ИЛЛИ* [Электронный ресурс] / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
78. Ильин И.П. Современные концепции компаративистики и сравнительного изучения литератур /И.П.Ильин. Москва: Наука,–1987.–50 с.
79. Интервью. Беседа с Анаром [Электронный ресурс] / Литературный Азербайджан, 2008, № 7. URL: www.azyb.az/index.php/literature/post/115
80. Ислам, А. "Откроем миру глубину и блеск таланта М.С. Ордубади" (круглый стол, посвященный 140-летнему юбилею великого азербайджанского писателя) // Зеркало.– 2012, 1 августа. – с. 8.
81. Конрад Н.И. Запад и Восток / Н.И.Конрад.– Москва: Наука,–1972.–495 с.
82. Курляндская Г.Б. Нравственный идеал героев Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского / Г.Б.М. Курляндская. – Москва: Просвещение,–1988.– 255 с.
83. Л.Н.Толстой о литературе и искусстве //– Москва: Смена, –1953. № 631,– с.58.
84. Л.Н.Толстой и С.А.Толстая. Переписка с Н.Н.Страховым / Редактор А.А. Донсков. Составители Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. – Москва: Славянская исследовательская группа, Госмузей Л.Н.Толстого,– 2000.– 308 с.
85. Леннkvист, Б.Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина /Б. Леннkvист.– Москва: Языки славянской культуры,–2010.–127с.
86. Литературные герои. Хаджи-Мурат [Электронный ресурс] / URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/litheroes/693/>
87. Ломунов, К. Лев Толстой в современном мире / К.Ломунов.– Москва: Со-

- временник,–1975.– 495 с.
88. М.Горький и А.Чехов: переписка, статьи и высказывания / Сборник материалов.– Москва: Худож. литература,– 1951.– 286 с.
 89. Мардов, И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни / И.Б.Мардов. – Москва: Прогресс, – 2003. – 440 с.
 90. Масуд, А. Империя чувств [Электронный ресурс] / URL:www.rulit.me/author/masud-afag/imperiya-chuvstv-download-free-28505.html
 91. Масуд, А. Письмена души (Интервью) // – Баку: Дружба народов,– 2006. № 3,– с.211-216.
 92. Мережковский, Д.С. Л.Толстой и Достоевский /Д.С. Мережковский.– Москва: Наука,– 2000.– 587 с.
 93. Минералов, Ю.В. Сравнительное литературоведение / Ю.В.Минералов.– Москва: Высшая школа,–2010.– 383 с.
 94. Мир Джалал. Великий русский писатель (о влиянии Л.Н.Толстого на творчество азербайджанских писателей) // Бакинский рабочий.– 1953, 9 сентября. –с. 2-4.
 95. Мир Джалал. Великий мастер слова (к 50-летию со дня смерти // – Баку: Литературный Азербайджан,–1960.№11,– с.144-146.
 96. Мир Джалал. Гениальный мастер слова (к 50-летию со дня смерти) // – Баку: Ученые записки Азгосуниверситета, серия Общественные науки,– 1961.№1, – с.10-12.
 97. Мирзаджанзаде, А.Х. Этюды о гуманизации образования / А.Х. Мирзаджанзаде.– Баку: Азернешр,– 1993.– 416 с.
 98. Мирзоев, М. Алиев, Т. Хаджи-Мурат, аварец из Хунзаха (к 150-летию со дня рождения) // Баку.–1977,17 декабря.– с.3.
 99. Мирзоева, С. Свет Ясной Поляны // Бакинский рабочий. – 1978, 9 сентября. – с. 3.
 100. Морозова, Т.Л. Толстой и Фолкнер // – Москва: Толстой и наше время,– 1978, с. 223-245.
 101. Мустафа, Ф. День лошади (рассказ-триптих) // – Баку: Литературный

- Азербайджан, – 2008. № 11, – с.48-52.
102. «Мягкая сила» азербайджанской дипломатии // Баку: Azərbaycan qadını, – 2014, № 19, – с.84-88.
103. Н.Н.Страхов – Л.Н.Толстому. 28 ноября 1863. Санкт-Петербург [Электронный ресурс] / URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma-tolstomu/pisma-strahova/letter-129.htm>
104. Неупокоева, И.Г. История всемирной литературы: проблемы системного и сравнительного анализа / И.Г. Неупокоева. – Москва: Наука, – 1976. – 360 с.
105. Нова, М. В Баку отметили 180-летие Л.Толстого [Электронный ресурс] / URL: <http://azeri.ru/papers/echo-az-info/28496>
106. Письмо графини С.А.Толстой к митрополиту Антонию [Электронный ресурс] / URL: az.lib.ru/t/tolstaja_s_a/text_0040oldorfo.shtml
107. Погребная, Я.В. Сравнительно-историческое литературоведение. Учебное пособие / Я.В. Погребная. – Москва: Флинта, – 2011. – 84 с.
108. Почему Льву Николаевичу Толстому не дали Нобелевскую премию [Электронный ресурс] / URL: <http://www.drozdovland.ru/index.php?action>
109. Прах легендарного наиба Хаджи-Мурата может обрести окончательный покой в Шеки (Нуха) [Электронный ресурс] / URL: http://alazan.su/news/prakh_legendarnogo_naiba_khadzhi_murada_mozhet_obresti_okonchatelnyj_pokoj_v_sheki_nukha/2012-06-27-1691
110. Проблемы современной компаративистики / Составители Е.Луценко, И. Шайтанов. – Москва: Вопросы литературы, – 2011. – 320 с.
111. Профессор Рудольф Иванов: "Музей имени Петра Великого, отдайте уже списанный череп Хаджи-Мурата Азербайджану, его 160 лет ожидает скелет в могиле" [Электронный ресурс] / Интерфакс-Азербайджан. В рубрике: Эксклюзив. 25.09.2012. URL: <http://interfax.az/view/553230>
112. Рагимов, С. Могучий талант (к 50-летию со дня смерти) // Баку: Литературный Азербайджан, – 1960. № 11, – с.12–14.
113. Рагимов, С. Дивная гордость наша // Бакинский рабочий. – 1960, 20 ноября. – с.3.

114. Рагимов, С. Читая Толстого...(к 150-летию со дня рождения) // – Баку: Литературный Азербайджан,– 1978. №9, – с.3-5.
115. Рафили, М.Лев Толстой и азербайджанская литература (к 120-летию со дня рождения) // Бакинский рабочий. –1948, 8 сентября. – с.3.
116. Ректор Бакинского филиала МГУ, профессор Наргиз Пашаева выступила в Москве на международной научной конференции [Электронный ресурс] / URL: www.msu.az/top/novosti/20120929070945293.htm
117. Рза, Р. Титан литературы (к 50-летию со дня смерти) // Бакинский рабочий. – 1960, 20 ноября. – с.3.
118. Рзаев, Ф.Ч. Проза Толстого в азербайджанских переводах /Ф.Ч.Рзаев.– Баку: Наука и образование, – 2009. – 268 с.
119. Рзаев, Ф.Ч. О творческих находках М.М.Эфендиева (на материале перевода повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат») //– Баку: Русский язык и литература в Азербайджане,– 2012. №1,– с.38-40.
120. Рзаев, Ф.Ч. О неосуществленном замысле постановки повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» на азербайджанской сцене // – Баку: Русский язык за рубежом,– 2008.№2,– с.70-74.
121. Рзаев, Ф.Ч. Л.Н. Толстой и тюркский мир // Материалы IV Международного конгресса по сравнительному литературоведению. Университет Кириккале, –Турция: –1-3 ноября, –2012, – с. 54.
122. Рзаев, Ф.Ч. Проблема воспроизведения элементов культуры и национального менталитета в художественном переводе (на материале переводов прозы Л.Н.Толстого на азербайджанский язык) // Материалы Международной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода»,– Салоники:– 14-18 мая,– 2008,– с.196-197.
123. Рзаев, Ф.Ч. Национальная психология и менталитет как фактор художественного перевода (на материале переводов прозы Л.Н.Толстого на азербайджанский язык) // Материалы III Международного конгресса по сравнительному литературоведению,– Эскишехир:– 2010,– с.487-495.
124. Рудольф Иванов, историк: «Я написал обращение с просьбой передать череп Хаджи-Мурата Азербайджану [Электронный ресурс] /Азербайджан-

ские известия». В рубрике: Новости.13.10.12.URL:[http://www.azerizv. az/news/ print -11558.html](http://www.azerizv.az/news/print-11558.html)

125. Самедов, З. Творчество, отданное народу // Баку.–1978, 8 сентября. – с. 3.
126. Самедова, Л.Г. Народов связующая нить / Л.Г.Самедова.– Баку: Язычи,– 1980, – 144 с.
127. Смирнов, А.В. О подходе к сравнительному изучению культур / В.Смирнов. – Санкт-Петербург: СПбГУП, – 2009. – 132 с.
128. Состоится показ спектакля «Женщина, бросившаяся под поезд» [Электронный ресурс] / В рубрике «Культура».17.04.2015. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Costoitsya_pokaz_spektaklya_ZHenshchina_brosivshayasya_pod_poezd-847342
129. Сохряков, Ю.И. Хемингуэй и Толстой: Традиции и сближения // – Москва: Толстой и наше время, – 1978, – с.245-263.
130. Стародубец, А. Сименон вспоминает // Труд. – 2015, 11 октября. – с. 26.
131. Султанова, Г. Могучий глашатай истины (к 150-летию со дня рождения) // Вышка. – 1978, 9 сентября. – с.3.
132. Сухотина-Толстая, Т.Л. Воспоминания [Электронный ресурс] / URL: <https://rulit.me/books/vospominaniya-read-96196-59.html>
133. Тагиев, М.Т. Заметки о языке и стиле повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» // – Баку: Учёные записки, серия Филологическая, –1961. №9, – с.- 213-233.
134. Тагисой, Н. Хронотоп Эльчина. Время и голоса [Электронный ресурс] / Литературный Азербайджан, 2013, № 1.URL: https://elchin.musigi-dunya.az/hq_me_qaleler/nizami-tagisoy.pdf
135. Толстая, А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого / А.Л.Толстая. – Москва: Книга,– 1989.– с.503.
136. Толстой и Тургенев [Электронный ресурс] / URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/tolstoj-i-turgenev.htm>
137. Толстой, Л.Н. Великий грех [Электронный ресурс] / URL:<http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/velikij-greh-htm>

138. Толстой Л.Н.-Векиловой Е.Е., 13-16 марта 1909 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1909-yanvar-iyun/letter-125.htm>
139. Толстой, Л.Н. Доклад, приготовленный для конгресса о мире в Стокгольме [Электронный ресурс] / URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0780.shtml
140. Толстой, Л.Н. Записки о Кавказе. Поездка в Мамакай-Юрт [Электронный ресурс] / URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/zapiski-o-kavkaze.htm>
141. Толстой, Л.Н. Исповедь [Электронный ресурс] / URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0440.shtml
142. Толстой, Л.Н. Несколько слов по поводу книги "Война и мир" homlib.com/tolstoy-ln-1/neskolko-slov-po-povodu-knigi-voyna-i-mir
143. Толстой, Л.Н. Ответ синоду [Электронный ресурс] / URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0500.shtml
144. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений: [в 22 томах] / Л.Н.Толстой.— Москва: Худож. литература, 1978-1985.
145. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: [в 12 томах] / Л.Н.Толстой.— Москва: Правда, — т.12. — 1984. — 510 с.
146. Толстой, Л.Н. Охота на Кавказе [Электронный ресурс] / URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_n_n/text_0020.shtml
147. Толстая, С.А. Моя жизнь [Электронный ресурс] / URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstaya.htm>
148. Толстая, С.А. Дневники (1897-1909). Дневники (1910). Ежедневники (1919) [Электронный ресурс] / URL: http://az.lib.ru/t/tolstaja_s_a/
149. Толстой, С.Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» [Электронный ресурс] / URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l37/t37-566-.htm?cmd=p>
150. Фейзуллаева, А.Г. Азербайджанские писатели XIX-начала XX века и русская литературно-общественная среда (роль контактных связей в историческом развитии национальной литературы) : /автореферат диссертации кандидата филологических наук / Баку, 1994.— 63 с.
151. Фейзуллаева, А.Г. Национальные и общечеловеческие идеи в современной

- азербайджанской литературе /А.Г.Фейзуллаева.– Баку: ЭЛМ и техсил,– 2016. –286 с.
152. Фейзуллаева, А.Г. К сравнительному изучению Л.Толстого и Ф.Достоевского в Азербайджане // – Баку: Литературные связи. Вып. XI, – 2017.– с.149-157.
153. Хандан, Дж. Человек человечества (о реализме творчества Л.Толстого и распространении его книг в Азербайджане // Бакинский рабочий.–1960, 20 сентября. – с. 3.
154. Чеменземинли, Ю.В. Влияние женщин на меня (из дневника) [Электронный ресурс] / URL: http://www.yusif-vezir.narod.ru/eser/eser_ru.html
155. Чеменземинли, Ю.В. Избранное / Ю.В. Чеменземинли.– Баку: Азернешр,– 1973.– 470 с.
156. Чеменземинли, Ю.В. Юношеская любовь (из дневника от 13 июля 1907 г.) [Электронный ресурс] /URL: http://www.yusif-vezir.narod.ru/eser/yunosheskaya_lyubov.html
157. Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений: [в 15 томах] / Н.Г. Чернышевский.– Москва: Гослитиздат.– 1939-1953.
158. Чернышевский, Н.Г. Чернышевский о «диалектике души» Толстого [Электронный ресурс] / URL: <http://www.uznaem-kak.ru/chernyshevskij-o-dialektike-dushi-tolstogo/>
159. Шарифова, С.Ш. Жанровое смешение в романе (коммуникативно-социокогнитивный подход) / С.Ш.Шарифова.– Баку: Наука и образование,– 2011. – 397 с.
160. Шулепова, Е. Недели семейной любви [Электронный ресурс] / Российская газета, 2010, 26 августа. URL: <http://www.bloha.info/view/articles/8706/>
161. Эйхенбаум, Б. Работы о Льве Толстом / Б.Эйхенбаум.– СПб.: Факультет филологии и искусств СПб ГУ,– 2009.– 952 с.
162. Эфендиев, Э.Время и слово. Литературные раздумья.Перевод Вагифа Ибрагимоглы [Электронный ресурс] / URL: http://www.elchin.musigi-dunya.az/e_library/kitablar/vremya_i_slovo/files/.../searchtext.xml

163. Эфендиев, Э. Время и слово. Литературные раздумья [Электронный ресурс] / URL:<https://docplayer.ru/28317293-Elchin-vremya-i-slovo-literaturnye-razdumya-milli-virtual-kitabxananin-t@qdimatinda.html>

На английском языке

164. Anniversary Essays on Tolstoy. Ed. by D. Tussing Orwin. – Cambridge University Press, – 2010. – 267 p.
165. Berlin, I. The Hedgehog and the Fox: in Essay on Tolstoy's View of History / I.Berlin. – N.Y.,–1957.– 128 p.
166. Chiaromonte, N. The Paradox of History: Stendal, Tolstoy, Pasternak and others / N.Chiaromonte.–Philadelphia,– 1985.– 156 p.
167. Christian, E.P.Tolstoy's "War and Peace" / E.P. Christian. – Oxford, – 1962. – 184 p.
168. Edgerton, W.B. The Artist Turned Prophet: Leo Tolstoj after 1880 // American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists,– The Hague, Mouton,– 1968.– pp.62-63.
169. Fodor, A. Tolstoy and the Russians: Reflection on a Relationship / A. Fodor. – Ann Arbor,–1984.– 175p.
170. Foster, J.Jr. Transnational Tolstoy: Between the West and the World / J.Jr. Foster. – New York: Bloomsbury Publishing USA,– 2013.– 247 p.
171. Garden, P. The Eeuperative Powers of Hemory: Tolstoy's "War and Peace" //– New Haven: The Russian Novel from Pushkin to Pasternak,– 1983.– pp.81-101.
172. Grossman, J.D. "Words, Idle Words": Discourse and Communication in "Anna Karenina" //– Berkeley, Los Angeles, Lnd: In the Shade of the GianW, – 1989. – pp.115-126.
173. Gustafson, R.F. Leo Tolstoy: Resident and Stranger. A Study in Fiction Theology / R.F. Gustafson. – Princeton, Hew Jersey, – 1986. – 480 p.
174. Howe, V.V. Leo Tolstoy / V.V. Howe. – Boston, –1986. – 143 p.

175. In the Shade of the Giant: Essays on Tolstoy. – Berkeley, Los Angeles, Lnd., – 1989. – 193 p.
176. Lubbock, P. The Craft of Fiction / P. Lubbock. – New York: Viking Press, – 1973. – 274 p.
177. Parini, J. The Last Station / J. Parini.–Edinburgh: Canongate Books, – 2007. – 373 p.
178. MacMaster, R. Tsarism Right Side Up in Tolstoj's Polikutka" // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists,– Columbus, Ohio,– 1983,– pp.285-304.
179. McCormic, J. Catastrophe and imagination: an interpretation of the recent English and American novel / J.MacCormic. L.: Longman, Green, – 1957. – 327 p.
180. Morson, G.S. Hidden in Plain View: Narrative and Creative Potentials in "War and Peace" / G.S. Morson.– Standford, California: Stanford University Press,– 1987.– 322 p.
181. Modern Critical Views: Leo Tolstoy / Ed. by Harold Bloom. – New York, – 1986. – 267 p.
182. Nicholas L. Dreams and Daydrems in the Early Fiction of L.N. Tolstoy // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists,– The Hague-Paris, Mouton,– 1973,– p. 373-392.
183. Rowe, W.W. Leo Tolstoy / W.W. Rowe.– Boston: Twayne Publishers,– 1986.– 143 p.
184. Silbajoris, F.R. Tolstoy's Aesthetics and his Art / F.R. Silbajoris. – Columbus, Ohio: Slavica Publishers, – 1990. – 319 pp.
185. Simmons E.J. Introduction to Tolstoy's Writings / E.J. Simmons. – Chicago: University of Chicago Press,– 1968.– 228 p.
186. Steiner, G. Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism / G. Steiner.– New Haven: Yale University Press,– 1996.– 368 p.
187. The Lion and the Honeycomb: The Religious writings of Tolstoy / Lnd.: Harper & Row, –1987. – 158 p.
188. Wachtel, A. Death and Resurrection in "Anna Karenina" // – Berkeley: In the

Shade of the Giant, edited by Hugh McLean, – 1989, – p.100-114.

189. Wasiolek, E. Tolstoy's Major Fiction / E.Wasiolek. – Chicago: University of Chicago Press, – 1978. – 255 p.
190. Wasiolek, E. Introduction //– Boston: Critical Essays on Tolstoy,– 1986,– p.6.
191. Wilson, A.N. Tolstoy /A.N. Wilson.– Lnd.: WW Norton &Co Inc, –1988. –572 p.